

ISSN 2686-7702

Восточная Азия: факты и аналитика

East Asia: Facts and Analytics

2020

№3

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
(ИДВ РАН)

www.ifes-ras.ru

Электронный научный информационно-аналитический журнал «Восточная Азия: факты и аналитика» издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал освещает широкий круг актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредитель: Институт Дальнего Востока РАН.
URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Входит в Научную электронную библиотеку eLibrary.ru и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
- Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н.

Редакционный совет: Ву Кхоан (Вьетнам); Ёкотэ Синдзи (Япония), проф.; Жебин А.З. (Россия), к.полит.н.; Кистанов В.О. (Россия), д.и.н.; Лузянин С.Г. (Россия), д.и.н.; Мазырин В.М. (Россия), д.э.н.; Мосяков Д.В. (Россия), д.и.н.; Нгуен Данг Фат (Вьетнам); Островский А.В. (Россия), д.э.н.; Соколовский А.Я. (Россия), к.филол.н.; Такэда Масанао (Япония), проф.; Уянаев С.В. (Россия), к.и.н.

Редакционная коллегия: Афонасьева А.В., к.э.н.; Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Кобелев Е.В., к.и.н.; Сафронова Е.И., к.э.н.; Трощинский П.В., к.ю.н.

Редакция: Донченко А.И.; Ильинская И.Д., Кириченко М.А.; Надточенко Б.Я.; Потапова В.А.

Отрасли науки:

03.00.00 История. Исторические науки
06.00.00 Экономика. Экономические науки
23.00.00 Комплексное изучение отдельных стран и регионов

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business
6.01 History and archaeology
6.05 Other Humanities

Обложка: картина А.И. Донченко в стиле *гохуа*.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2686-7702

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**
www.ifes-ras.ru

The electronic scientific information and analytical periodical “**East Asia: Facts and Analytics**” is published quarterly since 2019. The edition presents the coverage of the widest range of actual scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides the information and analytical material focusing on modern economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies
of the Russian Academy of Sciences.
URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru” and Russian Science Citation Index.
- Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics)

Editorial Council: Kistanov Valerii O. (Russia), DSc (History); Luzianin Sergei G. (Russia), DSc (History); Mazyrin Vladimir M. (Russia), DSc (Economics); Mosyakov Dmitry V. (Russia), DSc (History); Nguyen Dang Phat (Vietnam); Ostrovskii Andrey V. (Russia), DSc (Economics); Sokolovsky Aleksandr Ya. (Russia), PhD (Philology); Takeda Masanao (Japan), professor (Pedagogy); Uyanaev Sergei V. (Russia), PhD (History); Vu Khoan (Vietnam); Yokote Shinji (Japan), professor (Law); Zhebin Aleksandr Z. (Russia), PhD (Political Science)

Editorial Board: Afonaseva Alina V., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kobelev Evgeni V., PhD (History); Safronova Elena I., PhD (Economics); Troshchinskiy Pavel V. (Russia), PhD (Law)

Editors Office: Donchenko Anna I.; Ilinskaya Irina D.; Kirichenko Maria A.; Nadtochenko Boris Ya.; Potapova Vera A.

Branch of Science (in the Russian Federation):

03.00.00 History
06.00.00 Economics
23.00.00 Comprehensive study of individual
countries and regions

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business
6.01 History and archaeology
6.05 Other Humanities

The cover: the painting of Donchenko Anna I. in *guohua* style.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2686-7702

© Team of authors
© IFES RAS

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ФАКТЫ И АНАЛИТИКА 2020, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Мечислав Шпренгель. Китай и Российская Федерация: политика в 1991–1999 годах /на англ./	6
Сафронова Е.И. Концепция и практика устойчивого развития: взгляд из Китая	18
Асмолов К.В. О некоторых трендах во внутренней политике КНДР в 2018–2020 годах	36
Балакин В.И. Смена для России парадигмы развития в условиях актуализации концепции «Большой Евразии».....	54
Завьялова О.И. Китайский язык: термины в XXI веке	65
Бородич В.Ф. Система государственного управления КНР в период смены генеральной линии (середина 1950-х – конец 1950-х годов)	79
Новые книги	90

EAST ASIA: FACTS AND ANALYTICS 2020, NO. 3

CONTENTS

Mieczysław Sprengel. China and Russian Federation: Policy From 1991 to 1999 /in English/.....	6
Safronova E.I. Concept and experience of sustainable development: a view from China.....	18
Asmolov K.V. On certain trends in North Korea's domestic policy in 2018–2020	36
Balakin V.I. Change of the development paradigm for Russia in the conditions of “Greater Eurasia” conception relevance	54
Zavyalova O.I. Chinese language: terminology in the 21st century.....	65
Borodich V.F. PRC governance system during the period of general line change (mid 1950s – late 1950s).....	79
<i>New books</i>	90

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10015

Китай и Российская Федерация: политика в 1991–1999 годах

Мечислав Шпренгель

Аннотация. В 1989 г. произошли значительные перемены государственного устройства многих стран. Падение Берлинской стены, которое приобрело символическое значение, либертарианские события в Польше привели к свержению авторитарной власти этих и ряда других государств. В странах, которые были подавлены тоталитарными режимами после Второй мировой войны, восторжествовали демократия и закон. Эти процессы также затронули Россию и Китай. В 1990–1991 гг. Михаил Горбачёв стал первым президентом Советского Союза и автором «перестройки» – попытки серьёзной трансформации в СССР. События 17 апреля 1989 г. в Китае на площади Тяньаньмэнь свидетельствовали о стремлении студентов и общества к демократизации, экономическому развитию и борьбе с коррупцией. Последнее десятилетие XX в. чрезвычайно интересно для исследователей и историков, которые пытаются ответить на многие вопросы о том периоде. Например, как Россия и Китай попали в «водоворот» новой политической и экономической реальности, сложились ли их отношения на новой политической сцене мира? КНР и РФ, которые принадлежат к числу самых значимых игроков на геополитической карте мира, обладают большим демографическим и ресурсным потенциалом, а потому исследование основных векторов изменений в них необходимо в контексте исследования глобальных трансформаций. Эти страны также важны в геополитике, поэтому важно изучить их партнёрство с Соединёнными Штатами. Несмотря на то, что 1991–1999 гг. характеризуются конструктивным партнёрством и укреплением сотрудничества между Россией и Китаем, стоит взглянуть на эти отношения в большей перспективе.

Ключевые слова: Китай, Россия, политика, демократия, экономика, партнёрство.

Автор: Мечислав Шпренгель, Dr Hab., профессор кафедры экономических наук Университета Адама Мицкевича (адрес: Svięty Marcin 78, 61-809 Poznań, Польша). E-mail: sprengel@interia.pl

China and Russian Federation: Policy From 1991 to 1999

Mieczysław Sprengel

Abstract. 1989 was a time of a breakthrough for many countries and countries around the world. The symbolic fall of the Berlin Wall and the libertarian events in Poland have led to a coup in the authoritarian rule of many countries. Democracy and the rule of law began to function in countries that were overwhelmed by totalitarian regimes after World War II. These processes have also affected Russia and China. In 1990–1991 Mikhail Gorbachev was the only president of the Soviet Union and author of the perestroika, which is a major change in present-day Russia. The events of the 17th of April, 1989 in China in Tiananmen Square also show the aspirations of students and society to democratize and economic development and the fight against corruption. The time of the last decade of the 20th century is extremely interesting for historians and

researchers and raises many interesting questions. The questions are about how in the new political and economic reality have the countries affected by these changes found themselves? And how did the relationship on the new political scene of the world have come into place? Two very important countries Russia and China will be particularly examined in this article. Due to their importance and population potential and resource efficiency, it is important to look for important vectors of change. These countries are also important in geopolitics, so it is important to examine them in their relations with the United States. Despite the fact that the years 1991–1999 are characterised by constructive partnerships and strengthening cooperation between Russia and China, it is worth looking at these relations in a broader perspective.

Keywords: China, Russia, politics, democracy, economy, partnership.

Author: *Mieczysław Sprengel*, Dr Hab. Professor, University Adam Mickiewicz, Department of Economic Sciences (address: Święty Marcin 78, 61-809 Poznań, Poland). E-mail: sprengel@interia.pl

Introduction

Soviet-Chinese relations after a determined approach to the West practically froze and their normalization did not take place until 1989. The year of 1989 was very important for the whole world and Russia and China especially. In the West, the fall of the Berlin Wall is remembered on the 9th of November [Judt: 741–742]. But there were also very important events in the East. It should be considered that after a long period of 35 years, the normalization of Soviet-Chinese relations occurred only as a result of Mikhail Gorbachev's visit to Beijing on the 16s of May, 1989 [Brunet: 133]. Mikhail Gorbachev as the new president quickly proceeded to quickly create his own political and organizational background, in which he appointed supporters of perestroika, among whom was Aleksander Yakovlev. Yakovlev was appointed in 1987 as a member of the Political Bureau and was an intellectual architect of the reconstruction and glasnost [Gruszczak: 619, 624–625]. The dissolution of the USSR began, which was a worrying lesson for China. The events of Tiananmen Square [Leonard: 82] were associated with Gorbachev, but even worse was thought of Yeltsin. Bill Clinton has written: “Yeltsin has had to deal with strong opposition in the country... Yeltsin destroyed the old system, but he has not yet built a new one” [Clinton: 466]. In the face of internal problems in Russia, an important element in all this for China was the signing of the Border Agreement of May, 1991, the majority of the disputed islands on Amur China were granted. However, more than a dozen areas did not have a certain affiliation until 2008. Gradually, the collapse of the USSR has reduced the importance of the country. On the other hand, there has been a huge economic growth in China. China has gradually gained an advantage over Russia in its relations [Lubina: 55–56].

The changes that took place at the time, predicted by Professor J. Xiong of New York University in an analysis of a scientific paper, when he wrote that American involvement in the world would result in a response from both Russia and China [Давыдов: 151]. And Alexander Yakovlev writes that “US foreign policy has evolved ... Since fostering international relaxation, normalisation of Soviet-American relations in the early 1970s, the United States have been promoted to the leadership. In the 20th century the U.S. moved on to the opposite course at the end of that decade” [Jakowlew: 277]. After the collapse of the USSR, a new phase of relations between Russia and China began. The Russian Federation has become the legal successor of the USSR, took over just half of the population, 4/5 of the territory, a unique strategic position, large human and nuclear resources and raw materials. However, Russia has not maintained its status as a power, it has fallen to the rank of regional and medium-sized powers. In a sense, Russia has become a unique

so-called “red line” of the “Eurasian power”. Meanwhile, China's fate has changed positively. Rogacev writes that new trends have emerged and there has been a normalization of mutual relations and China has emerged from isolation [Рогачёв: 6]. Wilson in his work: “Strategic Partners. Russian-Chinese Relations in the Post-Soviet Era”, described these changed positions of the states as follows: “Russia was the heir to the power and China an emerging power” [Fullilove: 63–85]. Andrei Davydov also describes this situation: “After the collapse of the Soviet Union, which could not withstand the burden of commitments as a result of a series of miscalculations, China was the first to recognize the Russian Federation as the legal successor of the USSR” [Давыдов: 20].

In the last decade of the XXth century Russia was ruled by President Boris Yeltsin, who came to power with a program of change. Yeltsin's rule can be divided into several stages: from August 1991 to October 1993 called the time of the first Russian Republic; From October 1993 to August 1998, Yeltsin gained more and more power, and from August 1998 to December 1999, when he began to withdraw [Riasanovsky, Steinberg: 657]. However, for the purpose of analysing Russian-Chinese relations, a different time frame was used. It should be emphasized that Russian-Chinese relations were the result of Soviet-Chinese relations and proposed by Michal Lubina the following breakdown of these relations within the framework of 1991–1999. The first period from desinterest to constructive partnership from 1991 to 1994, the second period from constructive to strategic partnership 1994–1996 and the third is a partnership in the last years of the 20th century [Lubina: 57].

Relations between Russia and China from desinterest to constructive partnership

During this first period, relations with China came to the fore for Russia, which was granted by the Ministry of Foreign Affairs itself in Russia in 1992. Reformers and, in particular, Andrei Kozyrev, saw the concept of Russia's foreign policy aimed at common interests with the US and Western Europe. Integration with Western civilization was also not excluded. A group of people around Kozyrev dreamed of normalizing Russia as bringing it closer to western standards. In December of 1992 Yeltsin considered it necessary to replace the charisma-free, unpopular Egor Gaidar with the less radical Viktor Chernomyrdin. [Bartlett: 354]. The aim was not only to strengthen democracy but to help and invest for Russia. For this team of people, China has been lower in priorities than Japan, India or South Korea [Lubina: 58]. To the USA it was important to weaken Russia's position in the world, so cooperation with China proved to be very important and of great strategic importance to Russia. China has rapidly embarked on a path of cooperation with Russia [Давыдов: 199].

China in this first period considered normalization with its neighbors and vigilance in the South China Sea region as its main activity. The Chinese were not well-minded to Boris Yeltsin because he was the cause of the collapse of the USSR. Yeltsin, on the other hand, remembered various Chinese affronts at the end of the Soviet Union's existence. Despite this, the Chinese have sought to maintain good contacts with Russia, which has guaranteed them security from the north in the current situation. The concerns came from the possibility of Russia being incorporated into the Western World, which would be detrimental to China in the face of being the last socialist power. Concerns were quickly dispelled by the diplomatic contacts that turned into personal meetings. This was reflected in the meeting at the highest level, which took place on the 31st January, 1992 during the UNSC session. The President of the Russian Federation Yeltsin and the Prime Minister of the People's Republic of China Li Peng confirmed their willingness to cooperate with each other and

friendly relations. There was a call to respect Russia's prior agreement with China signed by the USSR. In February of 1992 the Eastern Border Agreement was ratified for, the first time the border was legally established [Wilson: 25].

In 1992, trade and economic relations agreements were signed, with the status of the highest priority and cooperation in the military technical sphere. There were many meetings between different people from the administration and the state levels. In late 1992, Foreign Minister Kozyriev stated that China had been incorporated into a preferential position in Russia's policy [Li Jingjie: 75]. This term testified to China's importance in Russia's policy. In addition to political contacts, Chinese and Russian researchers also visited each other. The first joint conference of Chinese and Russian scientists was held in Beijing on the 11–13 November, 1992: “Sino-Russian relations in the modern stage” [Lubina: 61].

An important event in mutual relations was also the Yeltsin Declaration acknowledging China's unity and that Taiwan was considered a part of China. It has been declared that the Russian side will not maintain any contacts with the authorities in Taipei. Boris Yeltsin went to Beijing during an unfavourable internal situation where major part of the nationalist opposition was not satisfied with the pro-Western foreign policy. No particularly important effects were seen in relation to the “Atlantis” policy. It was also convenient for China, because they were isolated after the events in Tiananmen Square. During his two-day visit, a Declaration on the principles of relations between the Russian Federation and the People's Republic of China was signed. This declaration has filled the void since 1980, the moment the Soviet-Chinese Treaty of 1950 expired. The declaration underlines friendly relations and China doesn't want to achieve hegemony in the Asia-Pacific region, highlighting the importance of the UN. According to Li Jingjie, it was a mini-treaty [Lubina: 63].

In addition to this declaration, a number of other agreements and documents were signed. Although most of them have been on paper, two documents have their weight. The presence of troops and offensive weapons in the region were reduced and a 200 km-wide trust zone was built along the border. Russia supported China building nuclear electricity plants and rebuilding the Chinese complex industry from 1950's to the 20th century. Thus, Yeltsin's visit was a success and marked the introduction of Russian-Chinese relations into a new era. The Chinese have found that Yeltsin's anti-communism has no anti-Chinese attitude. The director of the Russian Institute of the Far East, Mikhail Titarenko, said that from then on, Russia and China understood that they were not threatening each other but could support mutually. Russian-Chinese contacts have been very revitalised, especially in the economic sphere. Especially according to Rogachev, China can be helpful for those regions of Russia where there is a deficit of semi-finished products [Рогачёв: 41]. China's average GDP growth rate during the reform years was quite high, and in terms of GDP growth, China ranked first in the world between 1979 and 2010 at 9,9 %. Between 1991 and 2010 alone, the rate was 10,5 %. During the 32 years of reforms, GDP has grown in 115 times [Островский: 5].

China took the place of Russia's second trading partner in 1992. An important trade turned out to be arms trade. However, political dialogue, interparliamentary contacts and regional-level meetings have developed contacts of the population, restricted by the introduction of visas in January of 1994. It is significant that on the 14th of November, 1993, the Third Plenum 14 of the Communist Party Central Committee adopted a resolution called “Decision on issues related to the establishment of a socialist market economy system”. And The November's Economist reported that competition is entering all spheres of economic activity in China [Wu Xiaobo: 92–93]. Numerous political delegations were sent between 1993 and 1994 in 1994, a Protocol on

consultations between the foreign ministries of the Russian Federation and the People's Republic of China was signed in Beijing. On the same day, the 27th of January, 1994, Kozyrev announced the rediscovery of China for Russia. From that point on, it can be said that Russia has re-interested in the Asia-Pacific region [Lubina: 66].

From constructive to strategic partnership

The next stage was 1994–1996, Li Jingjie stressed that the formula of “constructive partnership” was the foundation of the long-term and stable development of Russian-Chinese relations. In these years the three most important characteristics were: institutionalisation of relations, internationalisation of bilateral relations (global issues were discussed) and continuous progress in addressing growing problems [Li Jingjie: 87]. During the constructive partnership, Jiang Zemin, president of the PRC, visited Russia from the 2–6 of September, 1994 in Moscow. Relations between Yeltsin and Jiang Zemin had become very close and friendly. Later sick Yeltsin was visited by the Chinese leader in the hospital [Abkowicz: 43].

After the 14th of November, The Economist reported that competition is entering all spheres of economic activity in China NATO's enlargement to the east and the infiltration of Central Asia were poorly read in Moscow. Rogachev writes that this fact was important for the strategic partnership [Рогачёв: 42]. China has proven to be one of the few areas that could be counted on and supporting the political class. Russia's growing role in the Asia-Pacific region has been a counterweight to Russia's marginalisation in Europe. Russia has gained prominence? in regional structures such as APEC, ASEAN and ASEM. Yeltsin stated that there was no alternative for Russia, it was necessary to pursue policy in the West as well as in the East. Rogachev wrote about the possibility of building such a bridge to the West and East. China also thought the same [Рогачёв: 6]. Therefore, despite not very sympathetic thinking about the West, the idea of looking pragmatic on the “triangle” of the US, China and Russia returned after the Cold War [Lubina: 69]. However, there is a delicate difference, China left itself room for manoeuvre and refused to enter pacts against the United States, but only wanted to strengthen its position [Halizak: 720]. The former's agreement was to engage constructively and defend endangered interests in the Russian Far East. Thus, the views of the two countries was the Joint Russian-Chinese Declaration of 1994, signed on the 3d of September, 1994, which was not an alliance and was not directed against anyone. In addition, the parties signed a number of other documents on the same day: a joint statement by the President of the Federation of Russia and the President of the People's Republic of China. Important documents were: A joint statement of non-targeting with strategic missiles and an agreement on the western stretch of the Russian-Chinese border closing a multi-year period of regulation between Russia and China [Lubina: 70]. Rogachev mentions that both sides strictly complied with the 1991 and 1994 border agreements [Рогачёв: 40].

In 1995, the Chinese's nuclear tests cast a shadow over relations with each other. Therefore, Paul Graczov's talks with Chinese generals about the withdrawal of troops 100 km from the common border were not easy. The next year in 1996 was very important due to the presidential elections in Russia and the reconstruction of foreign policy, which is to move away from the unilateral, pro-Western “Atlantic” policy. Yevgeny Primakov presented this concept later called pragmatic or realistic at the 51st Session of the UN General Assembly on the 19th of January, 1996. He argued that even weakened Russia could balance US influence through the UN. During

Primakov's time, the concept of “multipolar world order” was created. In this concept, China was the key and Primakov himself was seen as the “Russian Kissinger”. Primakov was very well perceived in China and considered as a professional politician. He was considered an architect of rapprochement not only with China and India, but with the whole east. Primakov was the progenitor of this policy during Putin's time [Levin:70].

The third and final aspect of the period 1994-1996 was the “strategic partnership” of Moscow and Beijing. It was the second key political event in 1996. It took place during the third Russian-Chinese summit. Boris Yeltsin visited Peking 24-26 of April, 1996. Galenowich writes that the Chairman of the Standing Committee of the All-China Assembly of People's Representatives Qiao Shi said that politics towards China is one of Russia's priorities [Галенович: 118]. It was the time before the Russian presidential elections. A visit to China improved Yeltsin's quotations, which in Shanghai could highlight the successes of pragmatism policy. The second important element was mutual Russian-Chinese support against the West. Some called it a soft anti-Western alliance. It should be noted that Yeltsin's meeting with Yanti came shortly after the United States and Japan signed a declaration of common security in 1996. At the end of the historic and important meeting, the 1996 Joint Declaration of the Russian Federation and China introduced the term “strategic partnership” at the last moment [Buszyński: 266]. Although it was initially thought that this was a spontaneous gesture of Yeltsin, after a while the “strategic partnership” became more clear. Especially for China, this meant, in practice, the signing of agreements with countries that are relevant to the interests of the PRC. This fits into China's political traditions and that is how it must be understood. The economy and trade with other countries in China's culture are taking place from “top to down” and in Western societies “from bottom to top”. To put it bluntly, there must be a political decision first and then there may be economic, cultural or other agreements [Lubina: 70]. Boris Yeltsin understood this formula differently. He commented on this as a partnership between two countries with solid industrial, potential raw material and human potential. This perception was linked to Russia's political culture. Rychłowski in his work writes: “The Russians in psychological, cultural and emotional terms remain more attached to the west than to the East. They assess their successes and failures according to Western benchmarks” [Rychłowski: 309].

China, therefore, became not important for Russia by itself but as a partner against the United States. On the other hand, recognition by others is important for Russia in terms of thinking about itself. Boris Yeltsin once said that “respect from the West requires cooperation with China”. China has become a “bargaining chip for Russia”. The Chinese, at the same time, stressed that relations with Russia and the “strategic partnership” contained its three times not: not for confrontation, not for the alliance and not for the direction against someone [Chen Qimao: 297; Mondry: 135]. In addition, the strategic partnership is an example of Beijing's pragmatic and long-term relationship with Moscow.

In addition to signing the declaration, two more important issues were agreed at the summit. Yeltsin obtained Beijing's approval to join the 'Comprehensive Nuclear Weapons Test Ban Treaty', which enabled the signing of this Treaty at the next G8 meeting [Halizak: 593; Comprehensive...]. The second was the signing on the 26th of April, 1996 in Shanghai by five countries (China, Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan) of a multilateral agreement to “strengthen mutual security and build military trust in border regions” [Kennedy 1994, p. 443; Lubina 2014, p. 81] in addition to other documents (on the creation of a “hot line”, on the protection of intellectual property rights, the peaceful use of nuclear energy, cooperation in the energy sphere, on the fight against drugs, about the reserve of Lake Chanka). As Dmitry Trientin writes, Chinese politics was in the 1990s

Russia's indisputable success, which is why the parallel “Cold War in the East” has been completed. For China, this was one of many signs of the country's growing role in the world [Российско-китайские отношения (справочная информация)]. However, despite this success, it should be stressed that these relations depended quite heavily on relations with the West and, in particular, the United States.[Słowikowski: 196].

Partnership in the last decade of the 20th century

The third sub-period from 1991 to 1999 concerns partnerships in the last years of the 20th century, i.e. 1996–1999. The result of mutual visits and especially Li Peng's was the agreement to build a 2 million kW nuclear power plant in Lianyungang. In addition, the Bank of China and the Russian Federal Bank agreed on cooperation. Russia, on the other hand, agreed to train Chinese cosmonauts, build a station and send a satellite. Regular meetings between the Russian and Chinese sides were also launched [Wishnick: 31]. Both sides feared that after the departure of Yeltsin and Deng Xiaoping, the internal situation of the countries would change and therefore sought to create strong ground for good relations, so that they could not change in the future. From the Soviet experience, Deng Xiaoping concluded that in the first place there could be no diplomatic and military confrontation alone but an economic advantage. Deng also knew that monetary protectionism was important to economic power [Brunet, Guichard: 14–15]. On the 19th of February, 1997, at the age of 93, the great statesman Deng Xiaoping died. He did not see Hong Kong returned to China in July, 1997 [Wu Xiaobo: 117]. China's next leader Jiang Zemin appeared after him.

One of the most important events at the time was Jiang Zemin's visit to Moscow. He was in Moscow for five days from the 22nd of April to the 25th of April, 1997. Jiang Zemin appeared in the Duma with a reading in which he presented the concept of a multipolar world and emphasized the strong ties between Russia and China, which was met with great appreciation in Moscow. A number of documents were signed: the Russian-Chinese Joint Declaration on the Multipolar World and the formation of a new international order and a multilateral, Russian-Sino-Kazakh-Kyrgyz-Tajik agreement to reduce mutual forces in the border area of Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and China. Previously, neither Russia nor China signed similar documents with any other country. This should probably be interpreted as Russia's annexation to the Chinese concept of multipolarity. In support of this, we already have a joint declaration of the 23d of April, 1997, when Russia and China stressed, above all, the requirement to build a multipolar world. The declaration highlighted China's growing role while questioning the legitimacy of the United States' position as the only superpower. The concept of multipolarity was a Chinese concept, which Jiang Zemin introduced in Duma recognizing the Position of the U.S., but with the indication that his position would wane [Lubina: 85–86].

The second important document at the April summit was the agreement on mutual reduction of forces in the border area between Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and China throughout the border. As a result of the wax reduction, a large normalization of Soviet-Chinese relations was performed. Under the agreement, all countries agreed to reduce troops at the border. Despite the development of this cooperation between 1997 and 1998, the “strategic partnership” passed a clear test of credibility. In particular, it is about improving Sino-US and Russian-Japanese relations and the atomic race in South Asia and the financial crisis in Asia. It turned out that the scope of the partnership is not very broad [Lubina: 85–86].

The first element of improving relations on the China-US axis was a Jiang Zemin's visit to the US in 1997 and Bill Clinton's visit to China in 1998. Both visits were successful from a point of mutual and political relations. Cooperation with Russia has therefore slowed down somewhat. Despite this, Boris Yeltsin was in Beijing in 1997 where the demarcation of the eastern section of the Russian-Chinese border was signed, which aroused a major controversy in Russia itself [Rychłowski: 37]. It should also be added that when a telephone line between Russia and China was agreed, the operation of such a line between Beijing and Washington was suspended until 1998 [Tsyganov: 307]. Relations between Russia and China were well defined by the Chinese Ambassador to Moscow Li Fenglin, but he did it so little diplomatically, when he said that "there is cooperation between China and the US without sentimentality, and between China and Russia – sentimentality without cooperation" [Li Fenglin: 18].

At the end of the 20th century, it turned out that the agreements between Russia and China were not as strong as it seemed. Russia was still burdened by the dissolution of the USSR and acted short-term and rather ad hoc. In the West, no one bothered to establish Russia's new relationship with the East. China, on the other hand, looked more rationally, stable and long-term, taking into account the emergence of the Asia-Pacific region as the centre of the political world. So despite lively diplomatic relations and signed documents, it can be concluded that Russia and China have not treated cooperation with each other as the most important vector of politics. Between 1997 and 1998, it even became apparent that Russian-Chinese relations were largely limited to geopolitics. China's economic interests have also done much more with the United States than with Russia. Trade with the US amounted to 60 billion US dollars in 1998, while with Russia 5.8 billion US dollars. It was clear that the authorities in Beijing did not risk closer cooperation with Russia than with the US, because the losses would be huge. Russia, on the other hand, was counting on loans from the West to improve its economy. So Russia and China could do without each other, but cooperation with the United States was essential. Safronova shares the view that the Russian state tried to find an alternative to the Euro-Atlantic vector of its foreign policy and foreign economic course before 2012-2014. However, the interest in the foreign eastern vector had begun to develop in Russia, when China had been in a dynamic development phase since the late 1980s of the 20th century [Сафронова; 35–36].

At the very end of the 20th century, Russia and China protested together against the United States. Their protests concerned the use of force in Yugoslavia and opposition to NATO's decision of 13 October 1998 and the opposition of 19 December 1998 to the planned attack on Iraq without UN approval. In view of this, a joint statement on Russian-Chinese relations was signed on the threshold of the 21st century. Yeltsin's visit to Beijing on the 9-10 of December, 1999 was Yeltsin's last foreign visit. This visit closed the first period of political Russian-Chinese relations. On the 31st of December, 1999, Yeltsin announced his resignation as president of the Russian Federation, and a certain era ended. Bill Clinton writes that Yeltsin's decision was fully thought out [Clinton: 808].

Summary

As a result of significant events in the world in 1989, changes have taken place in the Soviet Union and in China. Since then, after a long break, you can see the coming new stage in relations between Russia and China. Russia has been downgraded its ranking in the class of regional powers and China has become an emerging power. The period 1991 to 1999 was significant in Beijing's

relations with Moscow. In these years, three subperiods can be distinguished, which are characteristic of the last decade of the 20th century. After a period of concern, relations with Russia have been revived. Yeltsin's personal contacts with Chinese leaders were of great merit. Yeltsin's relationship with Jiang Zemin became the basis of very good relationships. In addition, as Yakovlev mentions, Russia has changed its mindset as a result of NATO enlargement. In addition, Russia has changed its attitude as a result of NATO enlargement. Russia, disappointed by the United States' policy towards it, has changed course. This strong new direction was to strengthen relations with its close neighbour China. China, in addition to other factors, was also closer ideologically to Russia. Many agreements, declarations and treaties were signed. All this was intended not only to serve peace guarantees but also to contribute to economic development. As a result, Russia has strengthened its position in Asia by belonging to regional organisations such as APEC, ASEAN and ASEM. China, on the other hand, gained internationally. It can be seen that political interests and guarantees can be variable. The main factor in the corrections was the White House policy. Depending on the change of course and reading the intentions of the United States, adjustments were made in relations with each other. This was particularly true for China and Russia, which were in the triangle of the US, China and Russia after the Cold War. This fact and their links with the United States is written about by Alexander Yakovlev. China, unlike Russia, left more room for manoeuvre. China was important for Russia not only as a political and economic partner but as a force against the United States. The Chinese, on the other hand, understood the strategic partnership as: not for the alliance, not for confrontation, and not for the direction against someone. This person, in particular, was the United States, which gave an opportunity for China's economic development, so much needed with such a large population in China. The final stage before the end of the 20th century is a time defined by a "strategic partnership". The idea was to create strong ground for good relations so that they could not change too easily.

Probably they will not change, because in his conclusion Russian Andrei Davydov writes "...USA, China and Russia and the starting point of building the relations between them in a new geopolitical situation, when America began to gradually lose its status as global hegemon, and China started transforming itself from a regional to one of the world's leading global powers" [Давыдов: 399]. Rogachev writes that it is necessary to cover the old and open and confirm new perspectives. Both nations are repairing their economic situation after the economy of previous years [Рогачёв: 44–45]. Russia's cooperation with China was important to strengthen the entire region in Asia. Yakovlev, on the other hand, emphasizes that for the United States a real idea of a world in which they would cease to dominate and reign seemed to be unbearable in the United States.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Галенович Ю.М. Россия – Китай – Америка: От соперничества к гармонии интересов? М.: Русская панорама, 2006. 575 с.

Давыдов А.С. Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники: монография. М.: ИДВ РАН, 2015.

Островский А.В. 40 лет экономических реформ в КНР / сост. П.Б. Каменнов; отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2020. 320 с.

Рогачёв, И.А. Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI в. / И.А. Рогачёв; Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока РАН. М.: Известия, 2005.

Российско-китайские отношения (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: www.mid.ru/nsrasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/absb9cd00fafcaa6c3256e2800413897?OpenDocument (дата обращения: 10.08.2020).

Сафронова Е.И. «Поворот» России на Восток: дискурс и состояние дел // Современные российско-китайские отношения / отв. ред. С.Г. Лузянин, сост. А.Г. Ларина, под ред. Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. М.: ДеЛи плюс, 2017. С. 34–51.

Abkowicz J. Rosja-Chiny. Partnerstwo w 21 stuleciu? “Dziś”, 2001, nr. 1.

Bankowicz M. Historia polityczna świata XX wieku 1945–2000. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2004. 959 s.

Bartlett R. Historia Rosji. Warszawa: Bellona, 2010. 375 s.

Brunet A., Guichard J.-P. Chiny światowym hegemonem? Warszawa: Studio Emka, 2011. 324 s.

Buszyński L. Overshadowed by China. Russia-China Strategic partnership in the Asia-Pacific Region / The Future of China-Russia Relations, ed. J. Bellacqua. Kentucky, 2010.

Chen Qimao. Sino-Russian relations after the break-up of Soviet Union / Russia and Asia: The Emerging Security Agenda, ed. G. Chuftrin. New York, 1999.

Clinton B. Moje życie. Warszawa: Świat Książki, 2004.

Comprehensive Nuclear-Test-Ban treaty. URL: www.ctbto.org/fileadmin/content/treaty/treatytext.tt.html (дата обращения: 10.08.2020).

Fullilove M. China and the United Nations: The stakeholder spectrum // The Washington Quarterly. 2011. No. 3.

Halizak E. Geoekonomiczny trilateralizm UE – USA – Chiny: logika konfliktu i współpracy; Geoekonomiczna strategia Chin. Geoekonomika, M.E. Halizak (red.). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2012. 731 s.

Jakowlew A. Od Trumana do Reagana, Doktryny i realia wieku nuklearnego. Warszawa: Wydawnictwo Interpress, 1987.

Judt T. Powojnie. Warszawa: Dom Wydawniczy Rebis, 2008.

Kennedy P. Mocarstwa świata. Warszawa: Książka i Wiedza, 1994.

Leonard M. Zrozumieć Chiny. Warszawa: Nadir Media Lazar, 2009.

Levin M.L. The Next Great Clash. China and Russia vs The United States. Westport-London, 2008.

Li Fenglin. Chinese-Russian relations after the fifth the summit in Beijing. Russia and Asia: The Emerging Security Agenda, ed. G. Chuftrin. New York, 1999.

Lubina M. Niedźwiedź w cieniu smoka. Rosja-Chiny 1991–2014. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2014.

Mondry J. Powrót geopolityki. Warszawa: Wydawnictwo Rambler, 2010.

Rychłowski B. Stosunki Chiny-Rosja w okresie transformacji / Rosja-Chiny. Dwa modele transformacji, ed. R. Paradowski, K. Gawlikowski. Toruń, 2001.

Słowikowski M., Stosunki rosyjsko-chińskie w okresie prezydentury Władimira Putina / Rosja, Chiny, Japonia w polityce globalnej. Piotrków Trybunalski: Wyższa Szkoła Handlowa im. Króla Stefana Batorego w Piotrkowie Trybunalskim, 2008.

Tsyganov Y.V. Russia and China: What is in the Pipeline? / Russia and Asia: The Emerging Security Agenda, ed. G. Chuftrin. New York, 1999.

Wilson J.L. Strategic Partners. Russian-Chinese relations in the Post-Soviet Era. London, 2004.

Wishnick E. Mending fences. The Evolution of Moscow's China Policy from Brezhnev to Yeltsin. Washington, 2001.

Wu Xiaobo. Chiny narodziny potęgi 1978–2008. Toruń: Adam Marszałek, 2010.

REFERENCES

Abkovich J. (2001). Rosja-Chiny. Partnerstwo w 21 stuleciu? [Russia-China. Partnership in the 21st century?], *Today*, no. 1. (In Polish).

Bankowicz M. (2004). Historia polityczna świata XX wieku 1945–2000 [Political history of the 20th century world 1945–2000], Krakow: Wydawnictwo Uniwersytet Jagiellońskiego, 959 p. (In Polish).

Bartlett R. (2010). Historia Rosji [History of Russia], Warsaw: Bellona, 375 p. (In Polish).

Brunet A., Guichard J.-P. (2011). Chiny światowym hegemonem? [China's global hegemon?], Warsaw: Studio Emka, 324 p. (In Polish).

Buszyński L. (2010). Overshadowed by China. Russia-China Strategic partnership in the Asia-Pacific Region. The Future of China-Russia Relations, ed. J. Bellacqua. Kentucky.

Chen Qimao. (1999). Sino-Russian relations after the break-up of Soviet Union. Russia and Asia: The Emerging Security Agenda, ed. G. Chufrin. New York.

Clinton B. (2004). Moje życie [My Life], Warsaw: Świat Książki.

Comprehensive Nuclear-Test-Ban treaty. URL: www.ctbto.org/fileadmin/content/treaty/treatytext.tt.html (accessed: 10 August 2020).

Davydov A.S. (2015). Pekin, Vashington, Moskva: vzaimootnosheniya v kontekste transformacii global'noy arhitektoniki: monografiya [Beijing, Washington, Moscow: relationships in the context of transformation of global architectonics: monograph], Moscow: IFES RAS.

Fullilove M. (2011). China and the United Nations: the stakeholder spectrum. *The Washington Quarterly*, no. 3.

Galenovich Yu.M. (2006). Rossiya – Kitay – Amerika: Ot sopernichestva k garmonii interesov? [Russia-China-America: From rivalry to harmony of interests?], Moscow: *Russkaya panorama*. 575 p.

Halizak E. (2012). Geoekonomiczny trilateralizm UE – USA – Chiny: logika konfliktu i współpracy [EU – US – China geoeconomic trilateralism: the logic of conflict and cooperation]; Geoekonomiczna strategia Chin [China's Geoeconomic Strategy], *Geoekonomika* [Geoeconomics], M.E. Halizzak (editor), Warsaw: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 731 p. (In Polish).

Jakowlew A. (1987). Od Trumana do Reagana, Doktryny i realia wieku nuklearnego [From Truman to Reagan: the doctrines and realities of the nuclear age], Warsaw: Wydawnictwo Interpress. (In Polish).

Judt T. (2008). Powojnie [Postwar], Warsaw: Dom Wydawniczy Rebis. (In Polish).

Kennedy P. (1994). Mocarstwa świata [World Powers], Warsaw: Książka i Wiedza. (In Polish).

Leonard M. (2009). Zrozumieć Chiny [Understanding China], Warsaw: Nadir Media Lazar. (In Polish).

Levin M.L. (2008). The Next Great Clash. China and Russia vs the United States. Westport-London.

Li Fenglin. (1999). Chinese-Russian relations after the fifth summit in Beijing. Russia and Asia: the Emerging Security Agenda, ed. G. Chufrin. New York.

Lubina M. (2014). *Niedźwiedź w cieniu smoka. Rosja-Chiny 1991–2014* [The Bear in the shadow of the Dragon. Russia-China 1991–2014], Krakow: Książnia Akademicka. (In Polish).

Mondry J. (2010). *Powrót geopolityki* [The Return of geopolitic], Warsaw: Wydawnictwo Rambler.

Ostrovsky A.V. (2020). *40 let ekonomicheskikh reform v KNR* [40 years of economic reforms in the PRC], comp. by B. Kamennov; ed. A.V. Ostrovsky, Moscow: IFES RAS, 320 p.

Rogachev I.A. (2005). *Rossiysko-kitayskie otnosheniya v konce HKH – nachale XXI v.* [Russian-Chinese relations at the end of the XX – beginning of the XXI century], Moscow: Izvestia.

Russian-Chinese relations (reference information). Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL:

www.mid.ru/nsrasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/absb9cd00fafcaa6c3256e2800413897?OpenDocumen (accessed: 10.08.2020).

Rychlovsky B. (2001). *Stosunki Chiny-Rosja w okresie transformacji* [China-Russia relations in transition], Rosja-Chiny. *Dwa modele transformacji* [Russia-China. Two models of transformation], ed. R. Paradowski, K. Gawlikowski, Torun. (In Polish).

Safronova E.I. (2017). “Povorot” Rossii na Vostok: diskurs i sostoyanie del [“Turn” of Russia to the East: discourse and state of Affairs]. *Sovremennyye rossiysko-kitayskie otnosheniy* [Modern Russian-Chinese relations], ed. by S.G. Luzyanin, comp. by A.G. Larina, ed. E.I. Safronova, I.V. Ushakov, E.V. Belilina, Moscow: Delhi plus, pp. 34–51.

Slawikowski M. (2008). *Stosunki rosyjsko-chińskie w okresie prezydentury Władimira Putina* [Russian-Chinese relations during Vladimir Putin's presidency], Rosja, Chiny, Japonia w polityce globalnej [Russia, China, Japan in global politics], Piotrkow Trybunalski: Wyższa Szkoła Handlowy im. King Stefan Batory in Piotrków Trybunalski. (In Polish).

Tsyganov Y.V. (1999). *Russia and China: What is in the Pipeline? Russia and Asia: the Emerging Security Agenda*, ed. G. Chufirin. New York.

Wilson J.L. (2004). *Strategic Partners. Russian-Chinese relations in the Post-Soviet Era*. London.

Wishnick E. (2001). *Mending fences. The Evolution of Moscow's China Policy from Brezhnev to Yeltsin*. Washington.

Wu Xiaobo. (2010). *Chiny narodziny potęgi 1978–2008* [China's birth of power 1978–2008], Torun: Adam Marszałek. (In Polish).

Поступила в редакцию 29.06.2020

Received 29 June 2020

Для цитирования: Мечислав Шпренгель. Китай и Российская Федерация: политика в 1991–1999 годах // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 3. С. 6–17. (На англ.). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10015

For citation: Mieczysław Sprengel (2020). *Kitaj i Rossijskaya Federaciya: politika v 1991–1999 godah* [China and Russian Federation: Policy From 1991 to 1999], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 3: 6–17. (In English). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10015

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10016

Концепция и практика устойчивого развития: взгляд из Китая

Е.И. Сафронова

Аннотация. Проблематика устойчивого развития (УР) привлекает внимание международного сообщества с 1980 г., когда ряд интернациональных структур представил миру начальные положения соответствующей концепции. Далее идея УР (англ. sustainable development) была институализирована обширным кругом международных документов, главным из которых стала «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Повестка-2030), принятая ООН в 2015 г. и выдвинувшая цели мирового сообщества по достижению УР на последующие 15 лет. Китай же стал придавать особое значение названной идее с начала 1990-х гг.: тогда он занял чёткую официальную позицию по поводу её полезности и принял её в свод доктринального обеспечения своей внешней и внутренней политики. Однако в политологической литературе позиция Китая по проблематике УР рассматривается нечасто.

В данной статье освещаются актуальные подходы КНР к теории и практике УР, предпринимается попытка выявить их специфику, аргументировать особую насущность концепции для КНР, проанализировать конкретные достижения Китая в реализации Повестки-2030 по целому ряду направлений. Также в контексте концепции УР автор рассматривает текущую международную ситуацию, испытывающую давление мирового кризиса, усугублённого пандемией COVID-19. В работе затрагивается и динамика Инициативы «Пояс и путь» (тракуемой Пекином как механизм и вектор устойчивого развития) в условиях новейших непростых реалий.

Автор приходит к ряду выводов, в частности о том, что усилия Пекина снабдить «институциональной гарантией» выполнение в Китае Повестки-2030 путём создания специальных «институтов и механизмов» не имеют мировых прецедентов. Готовность КНР видеть в понятийном своде и ориентирах концепции УР язык всемирного общения при строительстве более прогрессивного мирового порядка подводит автора к мысли о «переключке» китайской доктрины сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ) и концепции устойчивого развития и к предположению о намерении Китая возглавить не только строительство СЕСЧ, но и реализацию доктрины УР. Кроме того, автор заключает, что Китаю удалось реально продвинуться на пути устойчивого развития и даже внести свой вклад в соответствующие мировые процессы. Ещё один вывод состоит в том, что текущий мировой экономический спад тем не менее способен обернуться для Китая новыми (также перечисляемыми в статье) возможностями в достижении УР.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития (УР), Китай, ООН, реализация Повестки-2030, сообщество единой судьбы человечества, Инициатива «Пояс и путь», мировой кризис, пандемия COVID-19.

Автор: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-4256-2381; E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Concept and experience of sustainable development: a view from China

E.I. Safronova

Abstract. Issues of sustainable development (SD) have been attracting attention of the global community since 1980, when certain international organizations presented initial provisions of the concept to the world opinion. Furthermore, the idea of sustainable development was institutionalized in a wide range of international documents, the main of which was the “2030 Agenda for sustainable development”, adopted by the UN in 2015. The 2030 Agenda put forward goals for the world community to achieve SD for the next 15 years. China began to attach special significance to the SD idea from the beginning of the 1990s: at that time, it took a clear official stance on the usefulness of the concept and recognized it as a doctrinal support for its foreign and domestic policy. However, in the political science literature, China's position on SD is not often considered.

This article highlights current approaches of the PRC to the theory and practice of SD, attempts to reveal their specifics, argues for the special timeliness of the concept for the PRC, and analyzes achievements of China in the implementation of the 2030 Agenda in a number of areas. Also in the context of the SD concept, the author examines the current international situation, which is toughly influenced by the global crisis, aggravated due to the COVID-19 pandemic. The paper also touches on the dynamics of the Belt and Road Initiative (BRI) (interpreted by Beijing as a mechanism and vector of sustainable development) in the context of the coronavirus events.

In particular, the author concludes, that Beijing's efforts to provide an “institutional guarantee” for the implementation of the 2030 Agenda in China by creating specialized “institutions and mechanisms” have no world precedents. Another conclusion is stipulated by the willingness of the PRC to see a language of global communication used in the construction of a more progressive world order in the SD concept. In light of this, the author draws attention to the “roll call” of the Chinese doctrine of the community of the common destiny of mankind (CCDM) and the concept of sustainable development. The author suggests that China intends to lead not only the construction of the CCDM, but also the implementation of the SD doctrine. Finally, the author concludes that China has managed to make real progress on the path of sustainable development and even contributed to relevant world processes. Another conclusion is that the current global economic downturn, however, may result in new SD opportunities for China (also listed in the article).

Keywords: concept of sustainable development, China, UN, implementation of the 2030 Agenda, community of common destiny of mankind, Belt and Road Initiative, global crisis, COVID-19 pandemic.

Author: Safronova Elena I., PhD (Economics), Leading Researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4256-2381; E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Немного истории

Исходная идея концепции устойчивого развития (УР) была изложена в 1980 г. во Всемирной стратегии сохранения природы, разработанной по инициативе Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП – от англ. UNEP, United Nations Environment Programme), Международного союза охраны природы (МСОП) и Всемирного фонда дикой природы.

В 1987 г. в докладе «Наше общее будущее» на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Международная комиссия по окружающей среде и развитию (МКОСР) акцентировала внимание на необходимости «устойчивого развития», при котором удовлетворение потребностей настоящего времени не ставит под угрозу способность будущих поколений

удовлетворять их потребности. Эта обобщающая трактовка, подразумевающая также преодоление деформаций и дисбалансов в прогрессе всего мирового сообщества, отдельных стран и локальных формаций, стала базовой для многих государств [Устойчивое развитие; Давыдов].

Далее концепция получила развитие в документах, принятых Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г.: Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию и Долгосрочной программе дальнейших действий в глобальном масштабе.

В наши дни идеи УР подпитываются положениями Декларации тысячелетия Организации Объединённых Наций, излагающей Цели развития тысячелетия¹, а также решениями саммита по проблематике УР в Йоханнесбурге (2002 г.) и форума ООН – 2012, прошедшего под девизом «Мир, который мы хотим» (или «Рио+20»).

Решающую роль в постулировании понятия УР сыграл саммит ООН по устойчивому развитию 2015 г. (сентябрь), на котором был принят итоговый документ – «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (далее – Повестка-2030).

В Резолюции ГА ООН от 25 сентября 2015 г., включившей в себя Повестку-2030, акцентируется необходимость воспринимать концепцию УР комплексно в трёх равнозначных измерениях: социальном, экономическом и экологическом [Резолюция...].

Можно сказать, что идейный свод УР вобрал в себя всю базовую проблематику мирового развития до 2030 г. Он опирается на изложенные в Повестке-2030 17 целей устойчивого развития (ЦУР) и конкретизирующие их 169 задач по улучшению условий жизни человека. ЦУР предусматривают, в частности, полную ликвидацию крайней нищеты и голода, достижение гендерного равенства, достойную занятость для всех, переход к чистой энергетике, защиту биоразнообразия, действенные меры по борьбе с изменением климата и др.

Вызревание официальной позиции Китая по проблеме УР

Китай стал одной из первых стран, включивших в доктринальную базу своей внутренней и внешней политики идею устойчивого развития. Подписав Декларацию Рио-де-Жанейро в 1992 г., он занял *чёткую официальную позицию*, признав важность указанного тезиса. Сейчас принцип устойчивого развития официально заложен в основу стратегии роста Китая. Благодаря этому идея УР перешла из разряда теоретических проблем в категорию национальных практических задач, включающих в себя совершенствование управленческих институтов, разработку проектов ресурсосбережения и охраны окружающей среды, «зелёной» и низкоуглеродной программ и т. д.

С 1998 г. Китай ведёт работу по реализации проектов сохранения и охраны окружающей среды, возобновляемых источников энергии, внося вклад в глобальное устойчивое развитие. Энергосбережение и сокращение выбросов, а также строительство экологической среды были определены в качестве основных направлений экономического роста страны ещё в 2008 г., а «зелёное» и низкоуглеродное развитие – в 2011 г. [Wang Yi].

В начале 2000-х гг. Китай выдвинул концепцию гармоничного мира, составной целью которой определил выработку единого комплексного плана по достижению устойчивости

¹ Декларация принята ГА ООН 8.09.2000, резолюция № A/RES/52/2.

мирового развития. Последнее требует сочетания экономического роста, социального развития и совершенствования охраны окружающей среды (здесь прослеживается консонанс с Повесткой-2030).

В 2007 г. тогдашний председатель КНР Ху Цзиньтао на диалоговом саммите лидеров стран G8 и руководителей развивающихся государств впервые увязал идею мирового устойчивого развития с проблематикой экономической глобализации. Он предложил сообществом содействовать устойчивому развитию глобальной экономики по целому ряду направлений, включая урегулирование дисбаланса мирового хозяйства посредством расширения внутреннего потребления и сокращения бюджетного дефицита, упорядочение структуры производства, усиление контроля за международным финансовым рынком, обеспечение стабильности курсов основных резервных валют; поддержку системы многосторонней торговли, противодействие торговому протекционизму [Выступление...; Ху Цзиньтао...].

Новейшее китайское определение устойчивого развития, выдержанное в прагматическом ключе, было представлено в выступлении председателя КНР Си Цзиньпина на пленарном заседании XXIII Петербургского международного экономического форума (июнь 2019 г.). По словам китайского лидера, УР – это неизбежный результат роста производительности общественного труда и технического прогресса, отвечающий общим вызовам большинства стран. Си подчеркнул, что Китай готов объединить усилия с международным сообществом и взять на себя обязательство конкретных действий для создания нового пути устойчивого развития [Международное радио Китая...].

Актуальность проблематики УР для Китая

Охотное принятие Пекином концепции УР нетрудно объяснить: проблематика устойчивого развития имеет *особую актуальность* для КНР. Экономическое развитие Китая идёт не параллельно процессам глобализации, а целенаправленно вплетаясь в них. Страна настроена на использование всех шансов, предоставляемых глобализацией. Однако в силу недостаточности собственной ресурсной базы при высоких темпах экономического роста и ввиду специфики места КНР (как «мировой фабрики») в мировом разделении труда, зависимость Китая от внешних источников ресурсов – углеводородов, металлов и т. д. – продолжает нарастать. Такая ситуация несёт с собой риски для устойчивости развития КНР, т. к. не может не сказаться на экономической безопасности страны.

Смягчение этой зависимости может произойти, если Китай перейдёт на рельсы «зелёной» экономики и расширит базу собственных возобновляемых источников энергии или же кардинально увеличит импорт природных ресурсов из менее развитых стран, никак не способных угрожать экономической самостоятельности Китая.

Первый путь – длительный и затратный, второй – политически уязвимый, поскольку может спровоцировать новые обвинения в проведении Китаем политики неоколониальной эксплуатации «малых» партнёров.

Формирование «зелёной» экономики – это не частный вопрос отдельного государства. Он тесно связан с проблематикой глобального устойчивого развития, поскольку требует взаимодействия с другими странами, использования международных наработок по этому вопросу, координации стратегий развития многих субъектов международных отношений. Эта очень сложная, дорогостоящая и важная задача не под силу одной стране, даже

влиятельной [Wang Yi]. Именно поэтому международное сотрудничество на почве глобального УР представляет для Китая дополнительную ценность.

За 40 лет реформ КНР явила пример экономической эффективности большинству стран развивающегося мира, однако до сих пор не сумела решить ряд серьёзных проблем, связанных с конфликтом интересов экономического развития и среды обитания.

Наряду с огромной демографической нагрузкой, во многом всё ещё экстенсивным характером экономического роста, в стране наблюдается и затяжная детериорация экосистем. Это связано с сохранением «грязных» практик промышленного и аграрного производства, что порождает высокое эксплуатационное давление на природу. Отсюда – особые риски для экологической безопасности как составной части национальной безопасности и фактора общественной стабильности. Всё это препятствует устойчивому социально-экономическому прогрессу КНР.

Нацеленность реформ на индустриализацию привела в Китае и к социально-гуманитарным проблемам, вытекающим из взрывного характера его промышленного роста. Нарастание выбросов углекислого газа в атмосферу, загрязнение воздуха и водных артерий заводскими стоками, нехватка питьевой воды, шумовое загрязнение – всё это отрицательно сказывается на здоровье населения. Существуют данные о целых «раковых деревнях», где люди умирают из-за острого экологического кризиса, ставшего следствием промышленного бума [В Китае насчитали...]. Сейчас на КНР приходится свыше четверти всех глобальных выбросов углерода – больше, чем эмитируют вместе США и Европейский союз [Yeo...; Устойчивое развитие. Новые вызовы, с. 120–152, 134]. Это тоже иллюстрирует особую актуальность проблематики УР для КНР.

На международном уровне Китай объясняет солидарность с Повесткой-2030 и заданными ею ЦУР, во-первых, тем, что являясь крупнейшей развивающейся страной, уделял и уделяет первостепенное внимание вопросам устойчивого развития. Во-вторых – своим пониманием, что Повестка «в максимально возможной степени учитывает общие интересы международного сообщества и поэтому является универсально применимой» [China's National Plan...]. Иными словами, Пекин видит в Повестке ещё одно важное направление международной кооперации.

В глобальном контексте Китай придаёт реализации Повестки-2030 статус центральной задачи. Её насущность объясняется тем, что восстановление мировой экономики идёт «вяло», а международное сообщество сталкивается с новыми, нетрадиционными угрозами. КНР полагает, что все страны должны сообща выполнять обязательства по осуществлению Повестки-2030, «совместно вступая на путь справедливого, открытого, всестороннего, инновационного и устойчивого развития и улучшения благосостояния человечества». Китай готов «работать с другими странами в поисках взаимной выгоды, взаимовыгодного сотрудничества и со-развития» и прилагать все усилия по решению задач, сформулированных в Повестке-2030 [China's National Plan...].

Особенности работы Китая по достижению целей Повестки-2030

Практика показывает, что политическая определённость и институциональная стабильность являются залогом поступательного развития хозяйственной системы, а значит, и устойчивого социально-экономического роста страны.

КНР по-своему трактует устойчивость государственно-институциональных основ. Эта специфика выражается в повышенном внимании к стабильности существующего строя, руководящей роли партии, а также внутренней политической обстановке. Китай, в отличие от западных демократий, готов на строжайшие меры по поддержанию внутригосударственного порядка. Жёстко централизованное управление страной, тотальный партийный контроль достаточно успешно служат выполнению задачи генеральной устойчивости КНР. Сильное плановое начало в экономике, возведённые в ранг закона планы пятилеток, неизбежная личная ответственность руководителей за выполнение государственных установок – всё это обуславливает серьёзное преимущество китайского государства в плане сохранения политико-экономического уклада и управления связанными с ним процессами.

Своеобразие подхода КНР к реализации Повестки-2030 можно проиллюстрировать и тем, что правительство страны разрабатывает политические гарантии этого процесса. Они заключаются в создании комплексной системы мер и принципов, «которая будет определяться национальной стратегией и опираться на специализированную стратегию и стратегию на местах» [China's National Plan...]. Данные меры и принципы будут осуществляться (и уже реализуются) по десяти направлениям: ликвидация нищеты и голода; поддержание экономического роста; продвижение индустриализации; укрепление общественной безопасности и улучшение социального снабжения; обеспечение равенства и справедливости; совершенствование охраны окружающей среды; внимание к проблеме изменения климата; повышение энерго- и ресурсоэффективности; совершенствование национальной политики и продвижение международного сотрудничества. Также Пекин намерен обеспечить ответственность правительств всех уровней (локального, провинциального и центрального) за выполнение установок Повестки. Для этого он не только укрепляет горизонтальную межрегиональную и межучрежденческую координацию, но и формирует вертикальный механизм, связующий центральный, местный и низовой уровни. Для реализации Повестки-2030 в Китае уже создан внутренний механизм межучрежденческой координации, включающий в себя 43 правительственных ведомства. Рабочие механизмы по обеспечению бесперебойной реализации Повестки-2030 предписано создать и местным властным органам [China's National Plan...].

В целях оптимизации работы по Повестке-2030 Китай сформулировал в 2016 г. собственный «Национальный план по осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (далее – Национальный план). Он содержит анализ вызовов и возможностей для реализации Повестки-2030 в КНР, а также описывает конкретные шаги по достижению 17 целей устойчивого развития и 169 их задач-компонентов, изложенных в документе ООН.

Важно, что Китай связал осуществление Повестки-2030 с внутренними ключевыми стратегиями, включая 13-й пятилетний план экономического и социального развития КНР (2016–2020 гг.), который встроил Повестку-2030 в национальные хозяйственные задачи КНР [Gong Sen, Hua Ruoyun; China's National Plan...].

В свете Повестки-2030 Китай разработал и ряд «вспомогательных» планов по совершенствованию конкретных отраслей, в том числе Ориентированный на развитие план снижения уровня бедности в сельских районах Китая (на 2011–2020 гг.), планы обеспечения продовольственной безопасности Китая на средне- и долгосрочную перспективу

(2008–2020 гг.), План среднесрочной и долгосрочной реформы развития образования в Китае (2010–2020 гг.) и 12-й пятилетний план развития здравоохранения (2011–2015 гг.).

Специалисты выделяют ещё ряд важных характеристик китайского пути, которые отчасти противоречат общеизвестным представлениям о векторе глобального устойчивого развития. Так, в трактовке КНР практически нет антииндустриальной направленности УР: более того, индустриализация рассматривается как ключевое средство решения экологических проблем. Примечательно, что рост эксплуатационной нагрузки на природу практически заложен в китайский подход. Это вполне объяснимо, ведь подъём отстающих (центральных и западных) районов страны невозможен без их резкой индустриализации, сопряжённой с ростом потребления топлива, воды и других стратегических ресурсов, без осуществления инфраструктурных проектов, включая такие масштабные, как переброска вод с юга на север страны и мегапроект «Пояс и путь» [Самсонов]. Процессы интенсивной индустриализации, при сохранении традиционных промышленных технологий, не могут происходить без вредоносного давления на экологию. Ещё в 2017 г. на долю Китая приходилось более четверти мировых выбросов двуокиси углерода, причём к 2019 г. их объём увеличился ещё на 2,2 % [Who are the world's...; Wang Yi].

Практический вклад Китая в достижение ЦУР

Борьба с мировой бедностью. Сразу после принятия Повестки-2030, в ноябре 2015 г., ЦК КПК принял решение о скорейшем снижении бедности в стране. Одна из главных задач 13-го пятилетнего плана (2016–2020 гг.) – решительная борьба за сокращение масштабов нищеты. Министерства и комиссии центрального подчинения выпустили почти 200 программных документов или планов соответствующей тематики, перечисляющих меры в сфере промышленного подъёма, миграции населения, экспорта рабочей силы, улучшения транспортной инфраструктуры, охраны водных ресурсов, повышения уровня образования и здравоохранения, финансовых дотаций, реконструкции жилья в сельских районах и т. д. [China's Progress Report...].

С 2015 г. по 2018 г. страна сократила долю бедных среди сельского населения (наиболее страдающего от недостаточности доходов) с 55,75 млн чел. до 16,6 млн, что в процентном отношении к численности всего аграрного населения составляет 5,7 % и 1,7 % соответственно [China's Progress Report...]. Реальный подушевой доход на селе – в беднейших районах КНР – увеличился с 1000 долл. в 2015 г. до 1720 долл. в 2018 г.²

В борьбе с нищетой Китай продвигается к достижению «двух столетних целей»: построения к 2021 г. (к 100-летию образования КПК) общества средней зажиточности (*сяокан*), и создания к 100-летию со дня основания КНР (то есть к 2049 г.) богатого, сильного, цивилизованного и гармоничного социалистического государства, достигшего уровня среднеразвитых стран [Генеральный секретарь...].

В 2019 г. среднегодовой показатель ВВП Китая на душу населения превысил отметку в 10 тыс. долл. – уровень, более свойственный странам развитым, а не развивающимся. Тем не менее реально располагаемый подушевой доход в стране пока не превысил 5 тыс. долл., хотя и показал рост по сравнению с предыдущими годами. Похоже, в 2020 г. Китаю действительно удастся ликвидировать абсолютную бедность. Это даст возможность 1,4 млрд

² Подсчитано автором на основании данных за соответствующие годы [Online Currency Converter...].

китайцев вступить в общество средней зажиточности. В случае успеха страна на 10 лет раньше осуществит первый пункт Повестки-2030 [ВВП Китая...; Как Китай вывел...].

Успешный опыт Китая в борьбе с бедностью объективно полезен многим странам, служа вкладом КНР в дело мирового УР. За 40 лет реформ Китаю удалось вывести из нищеты 700 млн чел. (по другим данным, даже 850 млн), что способствовало сокращению общемировых показателей бедности почти на 70 % [Уео...; Ван Цинсун].

Экологическое строительство. Китай рассматривает эту сферу деятельности как важную часть модернизации страны и значимое направление международных связей [Gong Sen, Hua Ruoyun].

Правительство КНР сознаёт, что защита окружающей среды оказывает непосредственное влияние на успех долгосрочного устойчивого развития. Хотя в процессе индустриализации выбросы загрязняющих веществ в Китае растут, эксперты отмечают, что общая тенденция к экологической деструкции замедляется. Специалисты утверждают, что власти Китая успешно контролируют потребление «грязной» энергии и объёмы выбрасываемых парниковых газов [Song Xingqian, Wennersten, Mulder]. Так, хотя с 2001 г. доля Китая в мировых объёмах выбросов почти удвоилась (с 14 % до 25 % в 2020 г.), темпы её прироста затормозились [Устойчивое развитие. Новые вызовы..., с. 120–152; Roach].

За последние 12 лет структура экономики Китая существенно изменилась: она стала меньше зависеть от «дымной» обрабатывающей промышленности, сделав «галс» в сторону низкоуглеродной сферы услуг. Ещё в 2006 г. так называемый вторичный сектор ВВП (в основном обрабатывающая промышленность плюс строительство и подсобное производство) давал 48 % ВВП Китая, в то время как сектор услуг – только 42 %. К 2018 г. эти доли составили 41 % ВВП для вторичного сектора и 52 % – для сферы услуг. Даже для крупных экономик, не говоря о развивающихся, структурные изменения такого масштаба за столь короткий период являются беспрецедентными [Roach].

КНР проявила заметную активность по смещению структуры энергопотребления с углеродоёмкого угля на нефть, природный газ, гидроэнергию и возобновляемые энергоисточники. Хотя в 2018 г. на долю угля ещё приходилось 58 % общего первичного энергопотребления, что более чем в три раза превышает соответствующий общемировой показатель, динамика очевидна – ведь в 2006 г. эта доля достигала 74 % [Roach].

Примечательно, что Китай лидирует в мире по использованию неуглеродных возобновляемых источников энергии, таких как ветряная, солнечная и геотермальная. В 2018 г. потребление данных ресурсов в Китае было на 38 % выше, чем в США, и втрое больше, чем в Германии. В то время как возобновляемые источники энергии по-прежнему составляют всего 4 % от общего первичного энергопотребления в Китае, темпы прироста их использования достигали 25 % в год за последние 5 лет. Если они сохранятся, то в структуре энергопотребления КНР их доля к 2025 г. может достичь 20 %, что станет крупным прорывом на пути к «чистой» экономике [Roach].

Кроме того, утверждение, что Китай отстаёт в передовых технологиях, уже не соответствует действительности. Во-первых, КНР стала мировым лидером по патентной активности. В сфере «зелёных» технологий она вошла в десятку стран-лидеров, причём разрыв с более развитыми государствами быстро сокращается, особенно по патентам в области ветро- и гелиоэнергетики, биотоплива и т. д. В частности, Китай

достиг мирового лидерства в предкамерном улавливании двуокиси углерода и превращении угля в газ перед сжиганием [Захарова].

Огромную роль в деле облагораживания окружающей среды играет поддержание *качества водных ресурсов*. В 2019 г. КНР потратила рекордные 104,46 млрд долл. на проекты по сохранению гидроресурсов. В стране начата реализация 23 ключевых проектов этого направления. Китаю уже удалось улучшить качество воды в сельской местности, в частности путём уменьшения концентрации фторидов в питьевой воде, что принесло пользу 60 млн чел. В 2020 г. Китай намерен нарастить усилия по совершенствованию водоохранной инфраструктуры, включая ирригацию в бедных сельских районах [В 2019 г. Китай...; Гоцзя...].

Развитие транспортной модели Китая происходит с заметным упором на привлечение «чистых» отраслевых технологий, что является ещё одним компонентом стратегии устойчивого развития КНР. Страна уже располагает самой протяжённой в мире высокоскоростной электро-железнодорожной сетью, самой быстрорастущей системой метро. На долю Поднебесной приходится половина международных продаж электромобилей (EV); почти все электроавтобусы мира в настоящее время сосредоточены в Китае. Есть мнение, что благодаря экологической работе Китая (а также Индии) значительно расширяется зелёный покров Земли, видимый из космоса [Yeо].

Сам переход от углеродоёмкого производства к низкоэнергетической сфере услуг, перевод транспорта на электрическую тягу, а также начавшееся развёртывание экологичной урбанизации – это уже немалый вклад Китая в становление чистой мировой экономики. И хотя в 2019 г. поступали новые данные о проектах, опирающихся на угольное топливо (Китай не может сразу отказаться от угольных активов и лишит зарботка миллионы рабочих отрасли), страна заслуживает признания за последовательное многомиллиардное инвестирование в низкоуглеродную энергетику и «зелёные» технологии.

Можно сказать, что КНР сознательно сделала редкий для развивающегося мира выбор, сместив акцент с количественного роста на качественный [Yeо; Roach]. Кроме того, участие Китая в международном движении за устойчивое развитие, на наш взгляд, является его вкладом в процессы глобального управления. Так, организовав в 2016 г. саммит G20 в Ханчжоу, КНР возглавила работу по выработке на нём «Программы действий развитых и развивающихся стран по реализации Повестки-2030». Китай призвал всех участников «двадцатки» составить свои государственные программы по реализации Повестки-2030, обобщив которые можно будет выработать единую программу действий. Таким образом, КНР взяла на себя рельефную международную роль в достижении 17 целей, изложенных в Повестке-2030. По инициативе китайской стороны проблема устойчивого развития в рамках G20 была впервые поднята на уровень приоритета глобальной макрополитики [Барабанов].

Влияние пандемии COVID-19 на достижение целей устойчивого развития

Однако мировая обстановка меняется, и пандемия COVID-19 вносит серьёзные коррективы в реализацию Повестки-2030 по устойчивому развитию в масштабах как всего мира, так и Китая. Вирус уже оказал значительное влияние на глобальную экономику, затронув сферы производства и потребления, а также цепочки поставок и создания стоимости, инвестиционные процессы и прочее.

Некоторые исследователи даже полагают, что устойчивое развитие стало несомненной жертвой пандемии, выявившей неспособность мирового сообщества и его институций экстренно обеспечивать базовые человеческие потребности, в первую очередь – в области здравоохранения. Ещё хуже, что пандемия угрожает свести на нет недавние достижения в социальной, экономической и природоохранной сферах, особенно в наиболее уязвимых группах стран мира. Эпидемия усиливает жёсткое неравенство привилегированных и маргинализированных мировых акторов [Patrick Stewart M.], что само по себе – мощная угроза мировой политико-экономической стабильности.

Первые две цели устойчивого развития Повестки-2030 (ЦУР) предусматривают ликвидацию к 2030 г. нищеты во всех её формах и достижение «нулевого уровня» голода повсеместно. Сейчас согласно предупреждению Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) (от англ. *Food and Agriculture Organization, FAO*), число остро голодающих жителей Земли может удвоиться (со 130 млн до 265 млн чел.) и «более четверти миллиона человек окажутся на грани голода». ООН также предупреждает, что усиленный пандемией мировой экономической кризис способен ввергнуть в нищету ещё 8 % мирового населения [Patrick Stewart M.].

COVID-19 является прямой угрозой и для ЦУР № 3, связанной с улучшением физического благополучия человека. Пандемия представляет опасность для здоровья и жизни миллионов людей по всему миру, особенно если последующие её волны окажутся более интенсивными и широкими по охвату. Она выявила всю слабость национальных систем общественного здравоохранения от Эквадора до США, показав, насколько многие страны далеки от соблюдения базовых обязательств по выполнению международных медико-санитарных правил, включая меры готовности к пандемии, эпидемический надзор, выявление очагов заражения и оперативное реагирование на угрозы здоровью населения.

Распространение вируса негативно сказывается и на выполнении ЦУР № 5, которая обязывает все страны добиваться гендерного равенства и расширения прав и возможностей для женщин. А ведь именно женщины несут на себе основное бремя пандемии, будучи по-прежнему менее экономически и социально защищёнными. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш сетовал и на «ужасающий всплеск» семейного насилия во время режима домашней изоляции, подтверждённый сообщениями из многих стран (приводится по [Patrick Stewart M.]).

В Китае же карантинные мероприятия привели к резкому подтверждённому росту числа разводов, поскольку семейные пары не справились с синдромом чрезмерного общения. Не исключено, что наблюдался и всплеск семейного насилия, о чём, правда, официально не сообщалось.

Последствия пандемии крайне затруднят, а то и сведут на нет экономический рост во многих государствах мира, а также сделают невозможным «сокращение неравенства между странами» (ЦУР № 8 и № 10). Международный валютный фонд прогнозирует 3-процентный спад мировой экономики в 2020 г. – показатель, намного превышающий цифру мировой рецессии 2008–2009 гг. По подсчётам Международной организации труда (МОТ), почти 200 млн чел. могут стать постоянно безработными (приводится по [Patrick Stewart M.]).

Коронавирус также осложнит глобальный экологический менеджмент, особенно в плане борьбы с климатическими изменениями и поддержания биоразнообразия.

Цели устойчивого развития предусматривают «срочные меры по борьбе с изменением климата» (ЦУР № 13), сохранение режима устойчивого использования океанов и защиту стабильного использования наземных экосистем, в том числе путём улучшения управления лесами и земельными ресурсами и сохранения биоразнообразия (ЦУР № 14 и № 15). Их достижение будет резко заторможено, так как странам потребуется строгий режим экономии для восстановления собственных хозяйств. Правительства наверняка предпочтут путь ускоренного восстановления экономики с помощью обкатанных, не слишком затратных производственных методик, традиционно подразумевающих выбросы парниковых газов, отложив внедрение передовых, «зелёных» парадигм производства (ЦУР № 12) и переход к чистой энергетике (ЦУР №7). Пандемия уже привела к переносу на неопределённый срок многих международных форумов по борьбе с изменением климата и проблемам биологического разнообразия.

Будет заторможено и достижение ЦУР № 17, предусматривающей «глобальное партнёрство в интересах устойчивого развития», в рамках которого развитые страны оказывают финансовое и иное содействие развивающимся государствам путём формирования промышленного потенциала, доступа к информационным технологиям, заключения преференциальных торговых соглашений и т. п. Так, глобальный план гуманитарного реагирования, инициированный ООН в марте 2020 г. с целью оказания помощи в борьбе с пандемией миллиарду жителей наиболее уязвимых государств, так и не получил наполнения, поскольку страны-доноры не смогли (или не захотели) профинансировать соответствующую программу в 2 млрд долл. (см. [Patrick Stewart M.]).

Пандемия, несомненно, затронет и реалии Инициативы «Пояс и путь» (ИПП), которая трактуется в Китае как механизм и вектор международного устойчивого развития. Однако следует отметить, что здесь это влияние парадоксальным образом может оказаться и вполне конструктивным.

Пандемия COVID-19 сказывается больше всего на ряде ключевых аспектов ИПП: цепочках создания стоимости и поставок, объёмах частных инвестиций и международном сотрудничестве.

Цепочки создания стоимости. В 2019 г. международные консультационные компании *Baker McKenzie* и *Silk Road Associates (SRA)* опубликовали пять сценариев развития ИПП на ближайшие 10 лет (2020–2030 гг.). Модель SRA базировалась на 600 исследованиях, проанализировавших, в частности, инвестиционный потенциал ИПП в более чем 100 странах в разбивке по ряду важных секторов (энергетика, транспортная инфраструктура, индустриальные парки). Результаты показали, что, несмотря на проблемы в сфере производства и далее по цепочкам поставок, темпы цифровизации работ по ИПП резко возросли, как и интерес инвесторов к китайским технологиям [Bee Chun Boo, David, Sempfendorfer].

Можно предположить, что COVID-19 не очень нарушит такое положение дел. Навязанное пандемией сужение территорий прямого контакта покупателей и продавцов, банков и их клиентов, сферы обслуживания и потребителей услуг и т. д. резко повысило потребность в онлайн-связях и в общей цифровизации производственных, транспортных и продажно-покупательских процессов. Это стимулировало и апгрейд цепочек создания стоимости с упором на информационно-коммуникационные технологии и платформы

электронной коммерции. В этом плане по всему ареалу ИПП хорошо зарекомендовали себя такие компании, как *Huawei*, *Alibaba* и *Tencent*.

Китайский сектор медицинских технологий также может найти новые возможности для развития. В последние несколько месяцев онлайн-платформы медицинских консультаций (*Alibaba Health*, *Ping An Good Doctor*) показали резкий скачок активности. Эти технологии могут быть особо востребованы за рубежом, учитывая недостаточность сектора здравоохранения в целом ряде стран-участниц ИПП. Поскольку Китай уже сейчас намерен делиться своим опытом борьбы с COVID-19 с другими странами «Пояса и пути» (это можно назвать аспектом «коронавирусной дипломатии» Пекина), то логично ожидать, что одним из важных направлений Инициативы станут новые развития систем здравоохранения в странах ИПП [Bee Chun Boo, David, Simpfendorfer].

Цепочки поставок. Ещё с 2018 г. многие китайские компании начали переориентацию своего функционала на крупные рынки Юго-Восточной Азии (ЮВА), где цепочки поставок являются более устоявшимися, а доходность инвестиций – более предсказуемой. И ныне, даже несмотря на COVID-19, причин резкого сужения интересов китайского бизнеса к ЮВА не просматривается. Наоборот, китайские компании-инвесторы могут сосредоточиться на коммерчески выгодных направлениях цепочек поставок, особенно связанных с проектами по переносу производств из Китая в страны ЮВА с меньшими производственными издержками. К тому же в ЮВА возможности для перемещения людей, инвестиций и производств более благоприятны ввиду гибкости местного частного бизнеса и капитала, а также небольших коммерческих и транспортных расстояний между Китаем и странами-партнёрами. Да и торговая война между США и Китаем также побуждает КНР смещать внимание с западного, ставшего столь проблемным направлением, на исходную – восточную – часть ИПП.

Понятно, что перенос внимания на ЮВА может повлечь спад интереса к другим направлениям ИПП, который, однако, вряд ли будет долгосрочным [Bee Chun Boo, David, Simpfendorfer].

Выводы

1. На национальном уровне КНР стремится обеспечить процессы реализации ЦУР «институциональной гарантией» путём формирования специальных «институтов, механизмов и политики», призванных способствовать устойчивому развитию в стране в опоре на «научную, эффективную и законодательно фундированную систему государственного управления» [China's National Plan...]. Это, пожалуй, беспрецедентное явление в мире.

2. Позиция Китая по проблемам устойчивого развития исходит из того, что понятийный свод и ориентиры концепции УР могут быть полезными в качестве языка всемирного общения и взаимопонимания при строительстве более прогрессивного человеческого сообщества, в котором учитывались бы интересы максимально возможного числа субъектов международных отношений. Неслучайно прослеживается явная «переключка» между китайской доктриной сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ), смысловой предтечей которой стали положения лекции Си Цзиньпина в МГИМО (март 2013 г.), и концепцией устойчивого развития как новой парадигмой сосуществования международных акторов.

И концепция УР, и доктрина СЕСЧ – это мировоззренческие построения, адресованные всему мировому сообществу. Обе они подразумевают достижение интернационального консенсуса в принятии ряда целевых ориентиров и принципов; обе нацелены на совершенствование мирового бытия и международных отношений. При этом КНР не противопоставляет концепции УР свой тезис о сообществе единой судьбы человечества, но умело вплетает его в «ткань» идей устойчивого развития.

По словам председателя КНР Си Цзиньпина, Китай готов взять на себя обязательство предпринять конкретные действия для создания *нового* пути устойчивого развития и вкладывать в него «китайские знания и китайскую динамику» (приводится по [Gong Sen, Hua Ruoyun] и [Международное радио Китая]). В контексте этих высказываний можно предположить, что у Китая есть подспудное стремление возглавить не только строительство СЕСЧ, но и реализацию концепции устойчивого развития. Это вполне согласуется с духом «китайской мечты» как стремления к справедливому равноправному мировому порядку, совпадающего с чаяниями прогрессивной части мирового сообщества.

В КНР полагают, что «китайская мечта», вобрав в себя несколько стратегических установок, позволит разорвать порочную причинно-следственную связь между международным экономическим неравенством, ростом производства и деградацией окружающей среды [Chi Jingtao].

3. Можно утверждать, что Китай, учитывая мировые тренды устойчивого развития, всё же приоритезирует собственные интересы, по сути, стремясь приспособить международное движение за УР к потребностям внутреннего последовательного прогресса. Так, в октябре 2019 г. вице-премьер Госсовета КНР Хань Чжэн заявил, что КНР продолжит настойчиво осуществлять Повестку-2030, активно участвовать в международной работе в области развития, чтобы внести ещё больший вклад в созидание прекрасного будущего для всего человечества [Хань Чжэн встретился...]. Это ещё одно свидетельство намерения Китая достичь симбиоза устойчивого развития общемирового уровня и УР в исполнении самой КНР.

4. Помимо концепций СЕСЧ и «китайской мечты», Китай инкорпорировал идею устойчивого развития и в планы Инициативы «Пояс и путь». Пекин полагает, что она совпадает с Повесткой-2030 года по цели, принципам и пути осуществления. И у этой инициативы, и у Повестки-2030 – одни и те же враги: унилатерализм, протекционизм и антиглобализация [Международное радио Китая...]. А ведь ничто так не сближает, как наличие общих противников.

5. За 40 лет политики реформ и открытости КНР совершила колоссальный социально-экономический рывок: сегодня она, находясь в числе «застрельщиков» новой промышленной революции, признана лидером в области искусственного интеллекта, телекоммуникаций 5G, интернета вещей, электромобильной отрасли и аккумуляторных технологий. Поэтому Китай получил возможность не просто инкорпорировать в свод своих внутренних приоритетов цели, заявленные в концепции УР, но и показать очевидный прогресс в их достижении.

При конструктивном подходе успехи КНР в технологическом развитии могут быть использованы при решении проблем глобального УР, включая охрану здоровья, ликвидацию нищеты и загрязнение окружающей среды. Можно согласиться, что реализация Китаем концепции устойчивого развития происходит не только во имя собственных чаяний страны, но и в международных интересах.

6. Углубившийся в связи с COVID-2019 мировой экономической спад, сказавшись на темпах хозяйственного роста КНР, тем не менее способен принести Китаю и новые возможности в деле устойчивого развития. Китай, как опытный мастер восточных единоборств, умеет обращать сложности окружающего мира в свою пользу. Видимо, следует ожидать высокой по сравнению с другими странами приспособляемости Китая к «постковидной» глобальной ситуации и более быстрого преодоления трудностей, связанных с пандемией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Барабанов О.Н. Новаторство Китая в организации повестки дня придаёт новое значение механизму G20. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/novatorstvo-kitaya-v-organizatsii-rovestki-dnya-pridaet-novoe-znachenie-mekhanizmu-g20> (дата обращения: 11.11.2019).

В 2019 г. Китай потратил рекордную сумму на сохранение водных ресурсов. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0110/c31516-9647547.html> (дата обращения: 16.07.2020).

В Китае насчитали 247 «раковых деревень». URL: <http://www.oncc.ru/v-kitae-naschitali-247-rakovux-dereven> (дата обращения: 16.07.2020).

ВВП Китая на душу населения превысил 10 тысяч долларов: что это означает? URL: <https://finance.rambler.ru/markets/43539427-vvp-kitaya-na-dushu-naseleniya-prevysil-10-tysyach-dollarov-chto-eto-oznachaet-zhenmin-zhibao-kitay> (дата обращения: 16.07.2020).

Выступление Ху Цзиньтао на диалоге лидеров стран «восьмёрки» и развивающихся государств (полный текст). URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwdt/t330306.htm> (дата обращения: 16.07.2019).

Генеральный секретарь ШОС Владимир Норов: опыт Китая послужит примером для всего мира в строительстве общества, свободного от нужды и бедности. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2020-05/24/content_76083980.htm (дата обращения: 16.07.2020).

Давыдов В.М. Устойчивое развитие как общий знаменатель // Международная жизнь. 2019. № 10. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2252> (дата обращения: 16.07.2019).

Захарова Т.В. Перспективы Китая как возможного лидера «зелёных» инноваций: факторы удешевления // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-kitaya-kak-vozmozhnogo-lidera-zelenyh-innovatsiy-factory-udeshevleniya/viewer> (дата обращения: 16.07.2019).

Как Китай вывел 700 млн жителей страны из бедности. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0522/c95181-9693163.html> (дата обращения: 16.07.2020).

Международное радио Китая. Комментарий: Си Цзиньпин презентовал китайскую программу устойчивого глобального развития. 08.06.2019. URL: <http://russian.cri.cn/news/interList/382/20190608/300204.html> (дата обращения: 16.07.2020).

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 16.07.2020).

Самсонов А. Национальный путь устойчивого развития Китая – обобщение для применения в России // Экология и жизнь. 2014. 22 февраля. URL: <http://www.ecolife.ru/zhurnal/articles/23574/> (дата обращения: 16.07.2020).

Устойчивое развитие. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 16.07.2020).

Устойчивое развитие. Новые вызовы / под общ. ред. В.И. Данилова-Данильяна, Н.А. Пискуловой. М.: Аспект Пресс, 2015. 336 с.

Хань Чжэн встретился с иностранными участниками 1-го Форума по устойчивому развитию. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2019-10/26/content_75341125.htm (дата обращения: 16.07.2020).

Ху Цзиньтао выступил с важной речью на Консультативном совете Саудовской Аравии. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwtd/t248530.htm> (дата обращения: 16.07.2020).

Ван Цинсун. Чжунго тэсэ туопинь гунцянь чжиду тиси дэ шицзе гунсянь : [Мировое значение китайской системы борьбы с бедностью]. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2020/0116/c40531-31551545.html> (дата обращения: 16.07.2020). (На кит.).

Гоцзя цзешуй синдун фанъань : [Государственный план действий по водосбережению]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E3%80%8A%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E8%8A%82%E6%B0%B4%E8%A1%8C%E5%8A%A8%E6%96%B9%E6%A1%88%E3%80%8B/23424007#2> (дата обращения: 16.07.2020). (На кит.).

Bee Chun Boo, David Martin., Simpfendorfer Ben. How will COVID-19 affect China's Belt and Road Initiative? URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/05/covid-19-coronavirus-disrupt-chinas-bri> (дата обращения: 07.06.2020).

Chi Jingtao Johnny. 5 lessons from China on how to drive sustainable growth. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/08/china-sustainable-growth> (дата обращения: 16.07.2020).

China's National Plan on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. September 2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/W020161014332600482185.pdf (дата обращения: 16.07.2020).

China's Progress Report on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <http://www.xinhuanet.com/english/download/ChinaProgressReportImplementation2030AgendaSustainableDevelopment.pdf> (дата обращения: 16.07.2020).

Gong Sen, Hua Ruoyun. China Contributes Proactively to Implementing the 2030 Agenda. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201909/24/WS5d89dfe0a310cf3e3556d3ae.html> (дата обращения: 16.07.2020).

Online Currency Converter. Free Online Currency Exchange Rates Conversion Calculator. URL: <https://freecurrencyrates.com> (дата обращения: 16.07.2020).

Patrick Stewart M. Another Victim of COVID-19: Sustainable Development. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/28732/another-victim-of-covid-19-sustainable-development> (дата обращения: 16.07.2020).

Roach Stephen S. China is leading the world in sustainable development. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/09/china-leading-sustainable-development/> (дата обращения: 16.07.2019).

Song Xingqian, Wennersten Ronald, Mulder Karel Frits. Challenges of Sustainable Development in China. Technical Report. URL:

https://www.researchgate.net/publication/259267076_Challenges_of_Sustainable_Development_in_China (дата обращения: 16.07.2019).

Wang Yi. China's Sustainable Development in the Shifting Global Context // Bulletin of the Chinese Academy of Sciences. 2012. Vol. 26. No. 3: 183–190. URL: http://english.cas.cn/bcas/2012_3/201411/P020141121531782671178.pdf (дата обращения: 16.07.2019).

Who are the world's biggest polluters? URL: <https://www.reuters.com/news/picture/who-are-the-worlds-biggest-polluters-idUSRTXRKSI> (дата обращения: 16.07.2020).

Yeo Junice. 5 reasons why China is the world's sustainable development superpower. URL: <https://www.eco-business.com/opinion/5-reasons-why-china-is-the-worlds-sustainable-development-superpower> (дата обращения: 16.07.2019).

REFERENCES

Barabanov O.N. (2016). Novatorstvo Kitaya v organizacii povestki dnya pridaet novoe znachenie mekhanizmu G20 [China's innovation in organizing the agenda gives new significance to the G20 mechanism]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/novatorstvo-kitaya-v-organizatsii-povestki-dnya-pridaet-novoe-znachenie-mekhanizmu-g20> (accessed: 11 November 2019). (In Russian).

Bee Chun Boo, David M., Simpfendorfer B. (2020). How will COVID-19 affect China's Belt and Road Initiative? URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/05/covid-19-coronavirus-disrupt-chinas-bri> (accessed: 7 June 2020).

Chi Jingtao, Johnny. (2019). 5 lessons from China on how to drive sustainable growth. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/08/china-sustainable-growth> (accessed: 16 July 2020).

China's National Plan on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. September 2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/W020161014332600482185.pdf (accessed: 16 July 2020).

China's Progress Report on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development (2019). URL: <http://www.xinhuanet.com/english/download/ChinaProgressReportImplementation2030AgendaSustainableDevelopment.pdf> (accessed: 16 July 2020).

Davydov V.M. (2019). Ustoychivoe razvitie kak obshchiy znamenatel' [Sustainable development as a common denominator], *Mezhdunarodnaya zhizn'* [*International life*], 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2252> (accessed: 16 July 2020). (In Russian).

General'ny sekretar' ShOS Vladimir Norov: opyt Kitaya posluzhit primerom dlya vsego mira v stroitel'stve obshchestva, svobodnogo ot nuzhdy i bednosti [SCO Secretary General Vladimir Norov: China's experience will serve as an example for the whole world in building a society free from want and poverty]. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2020-05/24/content_76083980.htm (accessed: 29 June 2020). (In Russian).

Gong Sen, Hua Ruoyun. (2019). China Contributes Proactively to Implementing the 2030 Agenda. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201909/24/WS5d89dfe0a310cf3e3556d3ae.html> (accessed: 16 July 2020).

Guoyjia jie shui xingdong fang'an [National Water Saving Action Plan]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E3%80%8A%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E8%8A%82%E6%B0%>

B4%E8%A1%8C%E5%8A%A8%E6%96%B9%E6%A1%88%E3%80%8B/23424007#2 (accessed: 16 July 2020). (In Chinese).

Han' Chzhen vstretilsya s inostrannymi uchastnikami 1-go Foruma po ustojchivomu razvitiyu [Han Chzhen met with foreign participants of the 1st Forum on sustainable development]. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2019-10/26/content_75341125.htm (accessed: 20 June 2020). (In Russian).

Hu Czin'tao vystupil s vazhnoj rech'yu na Konsul'tativnom sovete Saudovskoj Aravii [Hu Jintao delivered an important speech at the Consultative Council of Saudi Arabia]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwtd/t248530.htm> (accessed: 4 July 2020). (In Russian).

Kak Kitaj vyvel 700 mln zhitelej strany iz bednosti [How China lifted 700 million people out of poverty]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0522/c95181-9693163.html> (accessed: 14 June 2020).

Mezhdunarodnoe radio Kitaya. Kommentarij: Si Czin'pin prezentoval kitajskuyu programmu ustojchivogo global'nogo razvitiya [China Radio International. Comments: XI Jinping presented Chinese program for global sustainable development], 8 June 2019. URL: <http://russian.cri.cn/news/interList/382/20190608/300204.html> (accessed: 14 December 2019). (In Russian).

Online Currency Converter. Free Online Currency Exchange Rates Conversion Calculator. URL: <https://freecurrencyrates.com> (accessed: 8 May 2020).

Patrick, Stewart M. (2020). Another Victim of COVID-19: Sustainable Development. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/28732/another-victim-of-covid-19-sustainable-development> (accessed: 9 May 2020).

Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015, UN, General Assembly. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_en.pdf (accessed: 4 July 2020).

Roach, Stephen S. (2019). China is leading the world in sustainable development. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/09/china-leading-sustainable-development/> (accessed: 12 December 2019).

Samsonov A. (2014). Nacional'nyj put' ustojchivogo razvitiya Kitaya – obobshchenie dlya primeneniya v Rossii [National path of sustainable development of China – generalization for application in Russia]. URL: <http://www.ecolife.ru/zhurnal/articles/23574> (accessed: 11 November 2019). (In Russian).

Song Xingqian; Wennersten, Ronald; Mulder, Karel Frits (2007). Challenges of Sustainable Development in China. Technical Report. URL: https://www.researchgate.net/publication/259267076_Challenges_of_Sustainable_Development_in_China (accessed: 12 December 2019).

Ustojchivoe razvitie [Sustainable development]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5 (accessed: 4 July 2020). (In Russian).

Ustojchivoe razvitie. Novye vyzovy / pod obshch. red. V.I. Danilova-Danil'yana, N.A. Piskulovoj [Sustainable development. New challenges / ed. V.I. Danilov-Danilyan, N.A. Piskulova], Moscow: Aspect Press, 2015, 336 p. (In Russian).

V 2019 g. Kitay potratil rekordnuyu summu na sohranenie vodnyh resursov [In 2019 China spent a record amount on water conservation]. URL:

<http://russian.people.com.cn/n3/2020/0110/c31516-9647547.html> (accessed: 13 May 2020). (In Russian).

V Kitae naschitali 247 «rakovyh dereven'» [There are 247 “cancer villages” in China]. URL: <http://www.oncc.ru/v-kitae-naschitali-247-rakovyx-dereven> (accessed: 4 July 2020). (In Russian).

VVP Kitaya na dushu naseleniya prevysil 10 tysyach dollarov: chto eto oznachaet? [China's GDP per capita exceeded 10 thousand dollars: what does this mean?]. URL: <https://finance.rambler.ru/markets/43539427-vvp-kitaya-na-dushu-naseleniya-prevysil-10-tysyach-dollarov-chto-eto-oznachaet-zhenmin-zhibao-kitay> (accessed: 23 March 2020). (In Russian).

Vystuplenie Hu Czin'tao na dialoge liderov stran «vos'merki» i razvivayushchihsya gosudarstv (polnyj tekst) [Hu Jintao's speech at the dialogue of leaders of the G8 countries and developing countries (full text)]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwdt/t330306.htm> (accessed: 22 December 2019). (In Russian).

Wang Qingsong. (2020). Zhongguo tese tuopin gongjian zhidu tixi de shijie gongxian [Global significance of China's anti-poverty system]. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2020/0116/c40531-31551545.html> (accessed: 15 July 2020). (In Chinese).

Wang Yi. (2012). China's Sustainable Development in the Shifting Global Context, Bulletin of the Chinese Academy of Sciences, Vol. 26 (3): 183–190. URL: http://english.cas.cn/bcas/2012_3/201411/P020141121531782671178.pdf (accessed: 12 December 2019).

Who are the world's biggest polluters? URL: <https://www.reuters.com/news/picture/who-are-the-worlds-biggest-polluters-idUSRTXRKSI> (accessed: 19 June 2020).

Yeo, Junice. (2019). 5 reasons why China is the world's sustainable development superpower. URL: <https://www.eco-business.com/opinion/5-reasons-why-china-is-the-worlds-sustainable-development-superpower> (accessed: 22 December 2019).

Zaharova, T.V. (2013). Perspektivy Kitaya kak vozmozhnogo lidera «Zelenyh» innovacij: faktory udeshevleniya [Prospects of China as a possible leader of “green” innovations: factors of cheapening], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economics], 4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-kitaya-kak-vozmozhnogo-lidera-zelenyh-innovatsiy-factory-udeshevleniya/viewer> (accessed: 14 December 2019).

Поступила в редакцию 05.07.2020

Received 5 July 2020

Для цитирования: Сафронова Е.И. Концепция и практика устойчивого развития: взгляд из Китая // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 3. С. 18–35. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10016

For citation: Safronova E.I. (2020). Konceptsiya i praktika ustojchivogo razvitiya: vzglyad iz Kitaya [Concept and experience of sustainable development: a view from China], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 3: 18–35. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10016

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10017

О некоторых трендах во внутренней политике КНДР в 2018–2020 годах*

К.В. Асмолов

Аннотация. За последние годы во внутренней политике Корейской Народной Демократической Республики выявилось несколько трендов. В первую очередь, завершение конституционных изменений, закрепляющих руководящую роль нового лидера, а также исчезновение из конституции страны ссылок на Тэанскую систему и принцип «сонгун». Следует отметить декларирование экономического строительства как наиболее приоритетного направления в условиях, когда ракетно-ядерный щит страны уже выкован. При этом глава государства Ким Чен Ын, в устойчивости власти которого нет оснований сомневаться, не укрепляет свой культ личности. Вместо этого он увековечивает образ и имя отца и пропагандирует термин «идеи Ким Ир Сена – Ким Чен Ира», КНДР часто проводит ротацию чиновников, однако увольнение не влечёт за собой репрессии. Можно предположить, что хотя все стратегические решения принимает Ким, в его окружении есть носители разных подходов, которым даётся возможность их проявить. Режим активно борется с коррупцией и злоупотреблениями властью, уделяет внимание внутренним проблемам и более открыто (по северокорейским меркам) их обсуждает. Одновременно идёт «закручивание гаек» в сфере идеологии и информационной политики, однако стратегия Кима выглядит более тонкой, не сводится к простым запретам и отчасти опирается на доступные научно-технические решения. Наконец, у северокорейской номенклатуры появляется женское лицо. В первую очередь, это Ким Ё Чжон, кроме того на менее значимых направлениях можно отметить Цой Сон Хи и Хён Сон Воль. Таким образом, можно говорить, что Ким Чен Ын вырабатывает собственный стиль руководства, вполне соответствующий требованиям времени с поправкой на эндемику страны: несмотря на отсутствие «гласности», перестройка системы в КНДР направлена не столько на «сохранение режима» любой ценой, сколько на повышение качества государственного и партийного аппарата.

Ключевые слова: Ким Чен Ын, Северная Корея, внутренняя политика, конституционная реформа, стиль руководства.

Автор: Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-1584-2748; E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00020.

On certain trends in North Korea's domestic policy in 2018–2020**

K.V. Asmolov

Abstract. Although the study of the DPRK's internal policy is associated with a number of additional difficulties, we can note several trends characteristic of recent years. First of all, it is the completion of constitutional changes that strengthen the leadership of the new leader, as well as the disappearance of references to the Taean system and the "Songun" principle from the Constitution. We also mention economic construction as the highest priority after the nuclear shield has already been forged. At the same time, while there is no reason to question the stability of Kim Jong-Un's power, he does not develop his own cult of personality, perpetuating his father instead and introducing the term "Kim Il-Sung – Kim Jong-Il ideas". The leader of the DPRK often rotates officials, but the removal from the office does not mean total purge. It can be assumed that although all strategic decisions are made by Kim, there are carriers of different approaches around him who are given the opportunity to prove their conceptions. The regime is actively fighting corruption and abuse of power, pursuing more attention to internal problems and more open discussion of them (by North Korean standards). This is accompanied by a certain tightening of the screws in the sphere of ideology and information policy, but Kim's strategy looks more subtle, is not limited to simple prohibitions and is partly based on available scientific and technical solutions. Finally, the North Korean nomenclature has a female face. First of all, this is Kim Yo-Jong, but Choi Song-Hee and Hyun Song-Wol can be noted in less significant areas. Thus, we can say that Kim Jong-Un is developing his own leadership style, which fully meets the requirements of the time, adjusted for the country's endemics: restructuring of the system in the DPRK is underway and is aimed not at "preserving the regime at any cost", but at improving the quality of the state and party apparatus.

Keywords: Kim Jong-Un, North Korea, DPRK's domestic politics, constitutional reform, Kim's executive style.

Author: *Asmolov Konstantin V.*, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Korean Studies Center, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-1584-2748; E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

Изучение внутренней политики любой страны – чрезвычайно важная задача, Северной Кореи – в особенности, поскольку понимание внутривластного контекста позволяет адекватно прогнозировать действия Пхеньяна. Основные методы анализа ситуации в КНДР – спутниковые снимки или интервью с перебежчиками – как правило, не дают информации для объективной интерпретации. Эксперты вынуждены пользоваться методиками «кремленологов» периода холодной войны, пытаясь определить «вес» того или иного политического деятеля. Например, анализируются такие детали, как расстояние между интересующей фигурой и вождём на торжественных мероприятиях или то, каким номером обозначено его имя в перечне участников подобных церемоний.

В этом смысле важны работы руководителя Центра корейских исследований ИДВ РАН А.З. Жебина [Жебин, 1996; 1997; 2012], в особенности его монография [Жебин, 2006], в которой он указывает, что северокорейская политическая система в большей степени основана на традиционных, нежели советских, элементах. Подробный очерк формирования

** The reported study was funded by RFBR, project number 20-014-00020.

внутриполитической системы «периода раннего Ким Чен Ира» принадлежит А.И. Мацегоре, ныне послу РФ в КНДР [Мацегора, Асмолов].

А.В. Ким в кандидатской диссертации 2006 г. предпринял попытку описать политическую систему Севера, но фактически в этой работе речь ведётся об идеологических корнях, ядерной программе и проблеме объединения. При этом сама по себе внутренняя политика КНДР не затрагивается [Политическая система...]. Эпохе Ким Чен Ира посвящена и кандидатская диссертация И.Ю. Панкиной [Политика приоритета армии...].

Что касается исследований внутренней политики эпохи Ким Чен Ына, то их и вовсе мизерное число. Некоторые работы, относящиеся к 2013–2015 гг., скорее, прогнозировали курс нового руководителя, к тому же не всегда успешно. Так, было распространено представление о том, что окружение Ким Чен Ира по-прежнему будет руководить страной, а молодой лидер играть при этом роль «ширмы». Аспирант Дальневосточного федерального университета (ДФУ) Е. Века доказывала, что новый курс – это продолжение линии предшественников [Века]. Адекватный прогноз на будущее сделал А.З. Жебин, отметив лидерские качества молодого руководителя [Жебин, 2012].

В статье О.П. Мальцевой от 2017 г., посвящённой «некоторым особенностям стратегического курса Ким Чен Ына» [Мальцева], термин «кимирсенизм-кимчениризм» интерпретируется как новый «извод» чучхе, экономические преобразования без трансформации политической системы и выстраивание позитивного образа страны в Интернете. Профессор университета Кукмин в Сеуле А.Н. Ланьков также обращает внимание на «реформы без открытости», частую ротацию кадров и комплекс мер, направленных на повышение качества жизни рядовых граждан.

Тем не менее во внутренней политике Ким Чен Ына есть несколько трендов, которые в длинном перечне изменений представляются автору важными и требующими осмысления.

Изменения в конституции в июне 2016 г. и апреле 2020 г. и отход от термина «сонгун»

На сессии Верховного Народного собрания (ВНС) 29 июня 2016 г. было объявлено о создании Государственного Совета (кор. *Кукму Вивонхве*, буквально «Комитет по государственным делам»). На корейском языке *вивонхве* (위원회) имеет много значений: «комитет», «комиссия», «совет», «собрание». Например, парламент КНДР называется *Чвего нмин вивонхве* (최고 인민위원회) – Верховное Народное Собрание – прим. ред.), заменившего Государственный Комитет Обороны (кор. *Кукпан вивонхве*). Председатель этого органа власти – высший руководитель страны – имеет пятилетний срок полномочий, после которого может быть переизбран: «срок полномочий председателя Государственного Совета КНДР совпадает со сроком полномочий текущего состава Верховного Народного Собрания КНДР» [Кириянов]. Стоит подчеркнуть, что и президент Кореи Ким Ир Сен (김일성 주석), и Председатель Государственного Комитета обороны Ким Чен Ир (김정일 국방위원장) всегда избирались Постановлением ВНС КНДР на срок полномочий ВНС, т. е. на 5 лет.

Как поясняли автору его визави во время его поездки в КНДР в 2017 г., смена названия не означает, что чрезвычайный режим закончился, и правление стало более гражданским (подобная трактовка была распространена среди экспертов РК). Просто с созданием ракетно-ядерного щита страны её безопасность вышла на высокий уровень, и Госсовет готов принять

на себя руководство и военными делами, и экономикой, и культурой. Кроме того, Ким Чен Ир был председателем ГКО, а деятельность самого комитета была «заточена под него» ещё при жизни Ким Ир Сена. Так же, как Ким Ир Сен был увековечен в должности «вечного» президента страны, Ким Чен Ир остаётся в истории «вечным» генсеком и председателем Комитета обороны. Сегодня можно констатировать, что фактически в КНДР ничего не изменилось с точки зрения сохранения чрезвычайного положения и военных методов руководства страной, всеми областями народного хозяйства, образования и культуры.

Следующий блок поправок был внесён в конституцию в 2019 г. (любопытно, что известно это стало только в следующем году), в связи с этим можно отметить три главных аспекта. Во-первых, в статье 100 к фразе «председатель Комиссии по государственным делам КНДР является верховным лидером КНДР» добавлено: «лицом, представляющим государство». Указано, что Председатель Госсовета избирается Верховным народным собранием и не является депутатом ВНС [North Korean constitutional revisions; Constitution...]. При этом статья 116 сохраняет пассаж о том, что председатель Президиума ВНС принимает верительные грамоты от посланников других стран «в качестве представителя государства». Таким образом, эта фигура оказывается церемониальной главой государства, потому что назначение и отзыв послов КНДР в зарубежные страны остаются в епархии Председателя Госсовета.

Во-вторых, статья 33 конституции гласит, что «государство осуществляет ответственную систему управления социалистическими корпорациями в сфере хозяйствования, обеспечивая при этом правильное использование таких экономических пространств, как издержки производства, цены и рентабельность». В предыдущей редакции эта часть выглядела несколько иначе: «государство должно осуществлять самоподдерживающуюся систему учёта в соответствии с требованиями Тэанской системы труда, обеспечивая при этом правильное использование экономических пространств, таких как производственные издержки, цены, и прибыльность» [North Korea revises constitution to include; Constitution...].

В ту же статью добавлен пассаж о решительном повышении роли кабинета министров в управлении экономикой, статья 32 пополнилась отрывком о «твёрдом следовании принципу гарантирования фактической прибыли», в статье 36 упомянуты «защита кредита и улучшение структуры торговли», а в статье 40 – развитие научно-технических знаний среди населения. Однако заявления о плановом характере экономики никуда не исчезли.

Напомним, что Тэанская система – это разработанный Ким Ир Сеном в 1961 г. метод хозяйственного управления, при котором высшие полномочия и ответственность за управление и эксплуатацию завода возлагаются на партийный комитет.

В-третьих, из преамбулы конституции исключены формулировки о политике и идеологии «сонгун». Этот термин правильнее переводить как «приоритет армейского» (а не «приоритет армии»), т. к. он подразумевает не столько привилегированное положение военных, сколько, в первую очередь, их активное участие в управлении государством и распространение милитаристских методов организации и планирования на все сферы жизнедеятельности общества.

С марта 2013 г. одновременно с понятием «сонгун» был реанимирован использованный в начале 1960-х термин «пёнчжин» (параллельное развитие) как одновременное наращивание сил ядерного сдерживания и экономического развития. В 2016–2017 гг. автор получил

разъяснения от чиновников и учёных КНДР, с которыми общался во время поездки в Северную Корею, что «пёнчжин» – это тот же «сонгун», но получивший более корректное определение. Ведь в рамках нового курса внимание к развитию военного дела остаётся, при этом ещё и особо подчёркивается ядерный статус страны.

Затем, 20 апреля 2018 г. на Третьем пленуме ЦК ТПК седьмого созыва было объявлено, что задачи курса на параллельное ведение экономического строительства и укрепления ядерных вооружённых сил «блестяще претворены в жизнь», и теперь надо концентрировать все силы на строительстве социалистической экономики. Надо отметить, военные строители всё ещё принимают участие в сооружении гражданских объектов.

В этом контексте следует учесть мнения о том, что отход от сонгунской риторики связан не с трендом понижения статуса военных во власти, а с тем, что сам термин «сонгун» ассоциируется с правлением Ким Чен Ира, которому при этом строят полноценный культ. Как известно, Ким Чен Ир относился к интровертному типу и возражал против создания памятников ему при жизни. Такие монументы появились при Ким Чен Ыне, в том числе был переделан комплекс на холме Мансудэ. Скульптуру Ким Чен Ир воздвигли рядом с фигурой Ким Ир Сена, которая претерпела изменения: изображение вождя состарили, так он стал походить на себя в последние годы жизни. Появился новый термин «кимирсенизм-кимчениризм», который употребляется довольно часто и местами – как замена понятия «чучхе». Кимирсеновский союз молодёжи также переименовали в кимирсенско-кимченировский.

В то же время тренд на создание культа Ким Чен Ына, равного отцу и деду, отсутствует. Хотя молодой вождь принял титул маршала, а посвящённые ему ранее песни про «молодого генерала» теперь исполняются без слов, иные элементы культа Ким Чен Ына отсутствуют. Нет его церемониальных портретов, значков с его изображением, и даже упоминаемые «пхеньянологами» титулы «блистательного товарища» или «гения среди гениев» практически не используются.

Стиль руководства вождя

С одной стороны, Ким Чен Ын часто занимается ротацией чиновников, с другой, репрессии против не оправдавших доверия происходят реже, чем кажется. Иногда заметное лицо на некоторый период исчезает, за это время его успевают «похоронить» (нередко со ссылкой на анонимные источники в КНДР, которые, якобы, «лично наблюдали казнь»), после чего он благополучно «воскресает».

Так, в выпуске «Энциклопедии ключевых северокорейских деятелей» за 2019 г. министерство объединения РК подтвердило, что казначеем Ким Чен Ына служит военный чиновник Хан Гван Сан [Yi Whan-woo]. В 2013 г. Хан был назначен директором департамента финансового учёта партии. Но с марта 2015 г. его не видели в течение нескольких месяцев, что породило предположения о репрессиях. Однако 27 апреля 2018 г. Хан появился на Межкорейском саммите, а 12 июня – на Сингапурском саммите.

Не подтвердились также слухи о смертной казни спецпредставителя КНДР по американским вопросам Ким Хёк Чхоля и о том, что заместитель председателя ЦК ТПК Ким Ён Чхоль за провал саммита в Ханое был отправлен на «перевоспитание» в отдалённую

провинцию [Пхеньян призвал США...]. Хотя оба Кима могли потерять прежние посты, 3 июня 2020 г. они были запечатлены на фотографии.

29 мая 2013 г. газета «Чосон Ильбо» сообщила, что «бывшая любовница» Ким Чен Ына была, якобы, расстреляна; история обрастала душераздирающими подробностями, но восемь месяцев спустя женщина появилась на публике [Lee Je-hun].

В январе 2020 г. «воскресла» Ким Гён Хи, тётя северокорейского лидера Ким Чен Ына, и жена Чан Сон Тхэка, некогда влиятельная фигура в руководстве страны [Kim Jong-un's aunt...]. Отметим, что в сообщениях Центрального телеграфного агентства Кореи (ЦТАК) начали появляться данные не только о назначениях, но и отзывах с постов. Теперь как минимум доступна информация о том, кто сменил на определённой должности ту или иную персону.

Можно сказать, что для Ким Чен Ына характерен своего рода инструментальный подход. В соответствии с ним каждая фигура занимает должность или пост, пока справляется со своими обязанностями. Из-за этого кадры довольно часто перемещаются вверх и вниз. Судя по перестановкам в Госсовете, там работают именно обладатели должностей. Через некоторое время после того, как министр теряет свой пост, он лишается и места в Госсовете. В этом отношении можно провести аналогию с бывшим Политбюро ЦК КПСС или с Политбюро и Постоянным Комитетом Политбюро КНР. Вместе с тем складывается ощущение, что в окружении первого лица есть определённый плюрализм. Он не выходит за рамки внутреннего круга, но судя по всему, каждая команда предлагает свой вариант, после чего Ким даёт ей шанс проявить себя и претворить в жизнь свои идеи, и снимает её, если ничего не получилось. При этом лишение поста, как правило, не означает классическую «чистку».

Так или иначе стратегические решения принимает Ким Чен Ын, но в зависимости от политической конъюнктуры группа сторонников той или иной точки зрения выдвигается на командные посты, в то время как их оппоненты уходят в тень, но не становятся объектами репрессий или опалы.

Большая открытость и борьба с коррупцией

Ещё один новый тренд – усиленное внимание к внутренним проблемам и более открытое их обсуждение. Понятно, что материалы заседаний Политбюро или пленумов ЦК имеют несколько степеней раскрытия, но даже в текстах для внешней аудитории стали встречаться пассажи о том, что лидер КНДР представил подробный анализ ситуации. В версиях «для служебного пользования» ситуация превращается в детальный разнос с фактами, цифрами и именами. О коррупции, халатности или административной неразберихе в Северной Корее стали говорить более открыто. В выступлениях Ким постоянно требует от чиновников «гореть на работе и повернуться лицом к народу». При этом за разносами следуют кадровые решения, но отставленные при этом не обвиняются в работе на вражеские разведки.

Цитата 2014 г. представляется автору характерным примером взгляда Кима на проблему: «Смысл моего совета заключается в том, чтобы люди по своей воле кричали: “Да здравствует Трудовая партия!”», причём везде – не только на митингах... Если наши руководящие работники, слуги народа, проливая пот патриота, будут всегда на ногах, протирая, как говорится, подошвы своей обуви ради умножения богатства и могущества

нашей страны, нашей Родины и создания людям условий для зажиточной жизни, то народ всегда и везде будет из глубины своих сердец кричать: “Да здравствует Трудовая партия!”» [Ким Чен Ын. Будем воплощать...]. Это заявление – камень в огород чиновников, которые ведут привилегированную жизнь, подрывая таким образом авторитет режима.

Другой пример – фрагмент речи лидера страны на церемонии закладки Пхеньянской больницы: «Каким бы удачным ни было проектирование, какие бы хорошие материалы ни использовались, не жди надлежащего качества строительства, если не ахти как проводилось строительное производство. Под предлогом ускорения строительных работ снижать их качество, наоборот, ссылаясь на повышение качества, замедлять темпы работ – всё это противоречит идеям и требованиям партии, подобное не имеет ничего общего со “скоростным боем”. Вы лучше знаете: неряшливо ведёшь стройработы, осуществляешь переделку и повторные работы – это приводит к огромной растрате трудовых, материальных и финансовых ресурсов, тормозит скорость строительства, мешает его своевременному проведению, да и немного погодя после ввода в эксплуатацию приходится сразу опять браться за ремонт, причинять жителям неудобства, невозможно гарантировать срок службы здания. Это влечёт за собой серьёзные последствия, такие как подрыв уверенности в надёжности наших строительных сооружений» [Ким Чен Ын. Речь на церемонии...].

По сути, Ким перечисляет типичные недостатки строительства и примеры халатности (а также их экономические и политические последствия) и заранее предупреждает, что будет не рад, если на столь важном объекте подобное вскроется. Такой «тонкий намёк» хорошо читается всяким, кто помнит советское время, когда часть подобной критики реализовывалась в аналогичном формате.

В контекст данной риторики укладываются статьи газеты «Нодон синмун», опубликованные в декабре 2018 г. [North Korea vows...]. Авторы безжалостно критиковали бюрократию и злоупотребления властью: «Одной из наиболее важных причин краха социализма в восточноевропейских странах прошлого было то, что чиновники неправильно использовали власть в бюрократии и пользовались привилегиями». В тексте есть практически программные пассажи: «Злоупотребления властью, бюрократия и коррупция являются неприемлемыми врагами нашей партии, которая изо всех сил пытается придерживаться и поддерживать статус партии-матери, ответственной за судьбу народа». Таким образом риторика нынешнего вождя Северной Кореи переплетается с пропагандой СМИ, в итоге создаётся общее информационно-политическое пространство.

Обозначенный дискурс не ослабел и в период пандемии COVID-19. В конце февраля 2020 г., во время работы расширенного заседания Политбюро ЦК ТПК, посвящённого в основном профилактике коронавируса в стране, Ким Чен Ын подчеркнул, что в «рамках государственной противоэпидемической системы ни в коем случае недопустимы никакие привилегии» [Северная Корея – оазис...], и нанёс сильный удар по проявлению «антипартийного, антинародного и антисоциалистического поведения» [Kim Jong Un sacks...]. На заседании Политбюро были подвергнуты резкой критике непартийные поступки, злоупотребление особой властью, привилегии, бюрократизм, коррупция, проявленные среди кадров ЦК партии и работников учреждения подготовки партийных работников, хладнокровно проанализированы серьёзность и последствия таковых деяний».

По итогам заседания, от должностей были освобождены заместители председателя ЦК ТПК Ли Ман Гон и Пак Тхэ Док, принято решение о роспуске партийного комитета базы

подготовки партийных кадров, в которой проявилась коррупция. Важно, что это было сказано в «текстах для всех»: ранее подобные детали организационных вопросов фигурировали только во внутренних документах, общественности сообщали лишь о назначенных, а не уволенных персонах. Кстати, летом 2020 г. Ли и Пак вернулись на руководящие посты.

После заседания 2 марта 2020 г. «Нодон синмун» открыто писала, что когда чиновники злоупотребляют своей властью и бюрократией и озабочены только своими собственными интересами, это разрушает ядро нашей партии и революции. Их призвали «выкорчёвывать ядовитые растения» в нужный момент и подчеркнули, что коррупция может привести к тому, что правящая партия потеряет веру и поддержку народа [North Korean state media warns...].

Продолжением информационной кампании стала статья в «Нодон синмун», увидевшая свет 21 марта 2020 г. под названием «Давайте найдём урок из самодовольных, праздных и ищущих привилегий действий чиновников округа Чхоннэ» [North Korean official purged...]. Основной сюжет материала состоит в том, что некий чиновник из числа провинциальных кадров был понижен в должности и исключён из партии за пьянство, разврат и нарушение строгих правил профилактики коронавируса. А уже 8 апреля 2020 г. «Нодон синмун» призвала искоренить хищения и другую незаконную экономическую деятельность [North Korea's main paper calls...], и эксперты РК резонно рассмотрели появление этого материала как предупреждение чиновникам об ужесточении дисциплины.

Не только «цифровые окопы»

Следующий тренд – некоторое «закручивание гаек» в сфере идеологии и информационной политики. При этом стратегия Кима выглядит более тонкой и не сводится к простым запретам.

Как отмечает О.П. Мальцева, тема усиления идеологического воспитания звучит в речах Ким Чен Ына с 2013–2015 гг. Кроме того, Ким Чен Ын впервые озвучил идею ведения информационных войн в Интернете, который «должен стать ареной пропаганды нашей идеологии и культуры» [Мальцева]. Ким указал, что следует «осуществлять планы модернизации и информатизации средств массовой и зарубежной пропаганды», но при этом «плотно ставить двойную, тройную противомоскитную сетку», чтобы в страну не проник «капиталистический яд» [Ким Чен Ын. Революционным...].

Наиболее известна мировой общественности северокорейская политика в отношении Интернета. С поиском идеологически безопасной бытовой или научно-технической информации в Интернете КНДР проблем нет, хотя для подключения надо заполнить подробную анкету с личными данными [Inside a (censored)...]. Интереснее рассмотреть операционную систему «Пульгын пёль» (Красная звезда), вариант Linux, которая должна быть установлена на каждом устройстве. Она имеет две важные особенности. Во-первых, скриншоты просмотренной информации автоматически сохраняются и не удаляются. Таким образом, при регулярной проверке компьютера выявляются сайты, которые посещались пользователем. Во-вторых, существует система цифровой подписи – «файлов аутентификации», без которой нельзя открыть файлы. Таким образом, записать информацию на флешку с компьютера друга технически не получится [Ланьков]. Разумеется, сервис по обходу блокировок существует, но это редкая и элитная услуга. Добавим к этому

официальный запрет на радиоприёмники с длинными волнами, позволяющими ловить «вражеские голоса», распространение кабельного телевидения (Internet Protocol Television, IPTV), которое должно полностью заменить эфирное вещание.

В дополнение к цифровым окопам тренд «закручивания гаек» в идеологической сфере проявляется и в других направлениях. Так, северокорейский пропагандистский сайт «Уриминчжоккири» 4 марта 2020 г. заклеил некоторые южнокорейские фильмы и драмы: «В последнее время южнокорейские власти и кинопроизводители склоняются к стратегической пропаганде, распространяя антиреспубликанские фильмы и полные фальсификаций телевизионные драмы». Как было отмечено ресурсом, те, кто распространяет такой контент, «рано или поздно заплатят за фабрикацию фактов о Севере и нанесение ущерба умам своих соотечественников» [North Korean media accuses S. Korean...].

Журналисты агентства «Ёнхап» предполагают, что сайт «Уриминчжоккири» подразумевал телевизионную драму «Crash landing on you». Это история любви северокорейского солдата и дочери южнокорейского бизнес-магната, которая во время полёта на парашюте залетела на Север и была вынуждена совершить там аварийную посадку и какое-то время скрываться. Северная Корея в фильме показана как бедная и экономически отсталая страна, но важнее, что консультантом был один из перебежчиков, отчего в картине много реальных деталей быта.

СМИ КНДР не обходят вниманием и вопросы молодёжи. Так, 3 апреля «Нодон синмун» подчеркнула важность идеологического воспитания подрастающего поколения, заявив, что оно является ключевой мишенью «идеологической и культурной инфильтрации наших врагов» [North Korea's main paper urges ideological...]. «Мы должны воспитывать молодых, вдохновлять и поощрять их, чтобы они стали пионерами новых технологий, создателями новой культуры и лидерами большого прогресса», – отмечают авторы. А те, кто должным образом не воспитан, являются, по мнению газеты, «эгоистами, паразитами, которые живут за счёт других, и ленивыми дураками, которые ставят свои права выше обязанностей».

При общем пафосе в материале особенно интересны отдельные пассажи. Например, отмечается, что молодые северокорейцы с большей вероятностью подвержены влиянию своего окружения, поскольку они «любопытны и чувствительны... и не были обучены тому, чтобы испытывать трудности».

В дополнение к перечисленному против действий, не соответствующих «социалистической культуре и образу жизни», включая пьянство, разврат и «действия в нецивилизованной манере» в общественных местах, таких как кинотеатры и театры, 30 марта 2020 г. выступила «Нодон синмун» [North Korean media warns...]. В связи с этим надо упомянуть статью 184 Уголовного кодекса КНДР, карающую на срок до одного года (при рецидиве – до пяти лет) за хранение, распространение и сбыт «материалов упаднического и непристойного содержания», к которым формально относятся видеопродукция Запада и РК [Ланьков]. Для адептов концепции свободы слова это неприемлемо, но южнокорейский закон о национальной безопасности даёт за северокорейский контент примерно такие же сроки.

Нельзя утверждать при этом, что в КНДР идёт борьба с западной культурой в целом. Пример ансамбля «Моранбон» как «наш ответ Ванессе Мэй» показывает, что в западную форму пытаются облечь чуждое содержание.

Надо отметить, что в Северной Корее теперь иначе реагируют и на вражескую пропаганду, связанную с перебежчиками. Их стали выставлять не политическими, а уголовными преступниками, разоблачать неприглядные факты их биографий и более активно информировать население о том, что жителей Севера ничего хорошего на Юге не ждёт.

«Первая сестра» и другие

Наконец, у северокорейской номенклатуры появляется женское лицо. В первую очередь, это Ким Ё Чжон. 9 октября 2017 г. СМИ РК сообщали, что Ким Ё Чжон стала кандидатом в члены Политбюро ЦК ТПК, будучи к тому же депутатом Верховного народного собрания [В северокорейском руководстве...]. После исследователи КНДР стали прочить Ким Ё Чжон должность следующего руководителя страны, приписывая ей руководство протокольными вопросами и пропагандистской кампанией, направленной на смену образа КНДР и создание нового имиджа Кима в стране и за рубежом.

Дебют Ким Ё Чжон как публичного политика состоялся в 2018 г., когда она возглавила делегацию в Южную Корею для участия в Олимпийских играх. В южнокорейских и мировых СМИ сдержанная и элегантная сестра Кима произвела фурор тем, что выглядела и вела себя как современный лидер. Бывший аналитик ЦРУ Сью Ми Терри даже назвала её «северокорейской Иванкой Трамп» [Женщины Ким Чен Ына...]. Имидж Ким Ё Чжон подкрепляется и впечатлениями российских и иных дипломатов и экспертов, которые общались с ней лично. Все они описывают её как обаятельную, умную, боевую молодую женщину.

После визита на Юг «эксперты» записали Ким Ё Чжон в сторонники либерализации и чуть ли не в «главного голубя» в пхеньянской администрации. Когда саммит в Ханое в 2019 г. не удался, пошли слухи, что её убрали из кандидатов в члены политбюро [Kim Jong-un's sister promoted...], велели не высываться и разве что не посадили под домашний арест. Этим, в частности, объясняли её отсутствие во Владивостоке во время визита Ким Чен Ына в Россию в апреле 2019 г. [Kim Jong-un's Sister Keeps...].

Есть и другая версия её временного отсутствия на публике, связанная с беременностью и родами. К тому же в марте 2019 г. Ким Ё Чжон стала депутатом ВНС, что не подтверждает версию полной опалы [Лидер КНДР...].

Так или иначе 3 июня 2019 г. Ким Ё Чжон снова появилась на публичных фото [Пхеньян призвал...], а ответственность за дипломатический протокол взяла на себя уже не она, а Хен Сон Воль.

В 2020 г. сестра северокорейского лидера начала выступать с заявлениями от собственного имени. Так, 4 марта 2020 г. она раскритиковала реакцию Юга на ракетные пуски КНДР и отметила, что совместные учения РК и США были отложены по причине эпидемии коронавируса, а не по воле Сеула. Позднее она похвалила Дональда Трампа за письмо, в котором он выразил надежду на сохранение хороших двусторонних отношений [Kim Yo-jong: the sister of Kim Jong-un...]. Представляли её как первого заместителя главы отдела ЦК ТПК (англ. first vice department director of the Central Committee of), не уточняя, однако, какого именно [Ким Ё Чжон выступила с критикой...].

После этого «Чосон ильбо» со ссылкой на анонимный источник опубликовала инсайдерские сведения о том, что «она берёт на себя все партийные дела, когда

Ким Чен Ын находится в поездке по провинциям» [Kim Jong-un's Sister 'Takes Charge'...] и отвечает за всё, кроме военных вопросов.

На заседании Политбюро ЦК ТПК 11 апреля Ким вновь избрали кандидатом в члены Политбюро [Асмолов, 2020]. В конце апреля СМИ РК со ссылкой на отчёт аналитического центра Национального собрания писали, что Ким Чен Ын может выбрать свою сестру Ким Ё Чжон официальным преемником [Сестра нынешнего лидера КНДР...]. Однако пока признаков интронизации не видно – в КНДР существует несколько признаков подготовки «сменщика» наподобие появления у него специфического титула, посвящённых ему песен и т. п.

Помимо Ким Ё Чжон отметим Хён Сон Воль, которая также постоянно сопровождает Кима и, в частности, была при нём, когда он после двухнедельного отсутствия появился на публике 1 мая 2020 г [Kim Jong-un's Sister...]. Не забудем и Цой Сон Хи, которая, хотя и перестала появляться в кадре после смены внешнеполитической команды, продолжает занимать руководящие посты и фигурировать на групповых фотографиях.

Как стиль руководства Ким Чен Ира и государственная система его правления отличались от КНДР Ким Ир Сена, так и подход Ким Чен Ына не похож на методы его отца. Современный вождь вырабатывает собственный стиль, вполне соответствующий требованиям времени с поправкой на эндемику страны. После изменений конституции 2020 г. можно говорить, что система переформатирована под нового лидера, а её структура исключает версии об ослаблении власти высшего руководителя страны по сравнению с предшественниками.

Несмотря на отсутствие «гласности», перестройка системы в КНДР продолжается, она направлена не столько на «сохранение режима» любой ценой, сколько на повышение качества аппарата. При этом действия государства по борьбе с коррупцией и злоупотреблениями власти стали в некоторой степени более прозрачными для населения, что теоретически повышает лояльность масс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асмолов К.В. Новый титул Ким Чен Ына // Новое восточное обозрение (НЕО), 2016. 24 июля. URL: <http://ru.journal-neo.org/2016/07/24/novy-j-titul-kim-chen-y-na/> (дата обращения: 20.08.2020).

Асмолов К.В. К итогам сессии Верховного народного собрания КНДР и заседания политбюро ЦК ТПК // Новое восточное обозрение (НВО). 2020. 17 апреля. URL: <https://ru.journal-neo.org/2020/04/17/k-itogam-ezhegodnoj-sessii-verhovnogo-narodnogo-sobraniya-kndr-i-zasedaniya-politbyuro-tsk-tpk-v-aprele-2020-g/> (дата обращения: 20.08.2020).

Века Е.А. К вопросу о социально-экономических и политических процессах в КНДР при Ким Чен Ыне и их влиянии на российско-северокорейские связи // Россия и АТР. 2015. № 1 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialno-ekonomicheskikh-i-politicheskikh-protsessah-v-kndr-pri-kim-chen-yne-i-ih-vliyanii-na-rossiysko-severokoreyskie-svyazi/viewer> (дата обращения: 20.08.2020).

В северокорейском руководстве произведены перестановки // Международное радио Кореи. 2020. 9 октября. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?No=50137&id=IK (дата обращения: 20.08.2020).

Жебин А.З. Некоторые механизмы социального контроля в КНДР // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 6. С. 19–30.

Жебин А.З. Особенности современного политического режима в КНДР // Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. Часть 1. Материалы научной конференции. Москва, 10–11 декабря 1996 г. М., 1997.

Жебин А.З. КНДР: время перемен? // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. С. 114–143.

Жебин А.З. КНДР: традиции и современность // Восток (Orient). 2003. № 3.

Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М.: НП ИД «Русская панорама», 2006. 216 с.

Женщины Ким Чен Ына. Какую роль в окружении диктатора играют его сестра и жена. URL: <https://nv.ua/world/countries/kndr-v-licah-zhenshchiny-kim-chen-yna-50032554.html> (дата обращения: 20.08.2020).

Ким Ё Чжон выступила с критикой в адрес Сеула // Международное радио Кореи. 2020. 4 марта. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=60898 (дата обращения: 20.08.2020).

Ким Чен Ын. Будем воплощать в жизнь кимченирский патриотизм для ускорения процесса построения богатой и могучей Родины: беседа с ответственными работниками ЦК Трудовой партии Кореи, 26 июля 2012. М.: Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2014. 22 с.

Ким Чен Ын. Революционным идеологическим наступлением ускорим достижение окончательной победы. Речь на VIII слёте идеологических работников Трудовой партии Кореи. Находка: Формат, 2016. 19 с.

Ким Чен Ын. Речь на церемонии начала строительства Пхеньянской Объединенной больницы. ЦТАК, 31.03.2020.

Кирьянов О. Ким Чен Ыну ограничи́ли срок правления // Российская газета. 2016. 30 июня. URL: <https://rg.ru/2016/06/30/kim-chen-ynu-ogranichili-srok-pravleniia.html> (дата обращения: 20.08.2020).

Ланьков А. Есть ли в КНДР интернет и кому им можно пользоваться? // Профиль. 2020. 12 марта. URL: <https://profile.ru/abroad/chtoby-ne-dopustit-kramoly-v-severnoj-koree-sozdali-svoyu-sistemu-interneta-251402/> (дата обращения: 20.08.2020).

Лидер КНДР Ким Чен Ын не вошёл в состав Верховного народного собрания // Международное радио Кореи. 2019. 13 марта. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56831 (дата обращения: 20.08.2020).

Мальцева О.П. Некоторые особенности стратегического курса Ким Чен Ына // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2017. № 1. Т. 3. С. 41–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-strategicheskogo-kursa-kim-chen-yna> (дата обращения: 20.08.2020).

Мацегора А.И., Асмолов К.В. Первая сессия Верховного Народного Собрания КНДР десятого созыва. Новый курс нового руководителя // Российское корееведение. Альманах. Выпуск 1. М., 1999. С. 264–282.

Политика приоритета армии (сонгун) в КНДР: истоки, сущность и формы проявления: дис. ... канд. полит. н.: 23.00.01 / Панкина Инна Юрьевна; [Место защиты: Ин-т

востоковедения РАН]. Москва, 2011. 245 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/politika-prioriteta-armii-songun-v-kndr-istoki-sushchnost-i-formy-proyavleniya> (дата обращения: 20.08.2020).

Политическая система Корейской Народно-Демократической Республики (1991–2005): дис. ... канд. полит. н.: 23.00.01 / Ким Андрей Валерьевич, СПб., 2006. 160 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/politicheskaya-sistema-koreiskoi-narodno-demokraticheskoi-respubliki-1991-2005> (дата обращения: 20.08.2020).

Пхеньян призвал США изменить отношение к денуклеаризации // Международное радио Кореи. 2019. 5 июня. URL: http://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=r&menu_cate=issues&id=&board_seq=364776&page=1&board_code= (дата обращения: 20.08.2020).

Северная Корея – оазис в океане COVID-19 // РСМД. 2020. 31 марта. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/severnaya-koreya-oasis-v-okeane-covid-19/> (дата обращения: 20.08.2020).

Сестра нынешнего лидера КНДР может стать его преемником // Международное радио Кореи. 2020. 29 апреля. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=61571 (дата обращения: 20.08.2020).

Constitution of the North Korea. URL: <http://naenara.com.kp/ko/politics/?rule+9> (дата обращения: 20.08.2020).

Inside a (censored) North Korean tablet, from karaoke apps to “Samurai Hunter”, NK News. 2019. June 6. URL: <https://www.nknews.org/2019/06/inside-a-censored-north-korean-tablet-from-karaoke-apps-to-samurai-hunter/> (дата обращения: 20.08.2020).

Kim Jong-un's aunt makes 1st public appearance in 6 years, The Korea Times, 2020. January 28. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/01/103_282504.html (дата обращения: 20.08.2020).

Kim Jong-un's Right-Hand Man Resurfaces After Purge Reports, The Chosun Ilbo, 2019. 4 June. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2019/06/04/2019060401243.html (дата обращения: 20.08.2020).

Kim Jong-un's Sister at His Side as He Resurfaces, The Chosun Ilbo, 2020. 4 May. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2020/05/04/2020050401824.html (дата обращения: 20.08.2020).

Kim Jong-un's Sister Keeps Low Profile, The Chosun Ilbo. 2019. April 29. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2019/04/29/2019042901532.html (дата обращения: 20.08.2020).

Kim Yo Jong: the sister of Kim Jong Un, fast 'becoming his alter ego' // The Guardian. 2020. April 20. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/20/kim-yo-jong-the-sister-of-kim-jong-un-fast-becoming-his-alter-ego> (дата обращения: 20.08.2020).

Kim Jong Un's Sister “Takes Charge” of Major Affairs // The Chosun Ilbo. 2020. March 25. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2020/03/25/2020032503074.html (дата обращения: 20.08.2020).

Kim Jong Un's sister promoted to key politburo member // The Korea Times. 2020. April 13. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/04/103_287728.html (дата обращения: 20.08.2020).

Kim Jong Un sacks top officials for “corruption” in meeting on coronavirus // NK News, 2020. February 28. URL: <https://www.nknews.org/2020/02/kim-jong-un-sacks-top-officials-for-corruption-in-meeting-on-coronavirus/> (дата обращения: 20.08.2020)

Lee Je-hun. [News analysis] The insidious threat of fake news surrounding North Korea // Hankyoren, 2020. May 5. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/943697.html (дата обращения: 20.08.2020).

Lee Je-hun. N. Korea revises constitution to include Kim Jong-un’s reform-oriented approach to economy, Hankyoren, 2019. 12 July. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/901610.html (дата обращения: 20.08.2020).

North Korea's main paper calls for eradication of illegal economic activities, YONHAP News, 2020. 8 April. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200408001700325?section=news> (дата обращения: 20.08.2020).

North Korea's main paper urges ideological education for youth, YONHAP News, 2020. 3 April. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200403006200325?section=news> (дата обращения: 20.08.2020).

North Korea vows anti-corruption fight, The Korea Times, 2018. 12 December. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/12/103_260708.html (дата обращения: 20.08.2020).

North Korean constitutional revisions elevate status of SAC chairman Kim Jong Un, NK News, 2019. 29 August. URL: <https://www.nknews.org/2019/08/n-korean-constitutional-revisions-elevate-status-of-spa-chairman-kim-jong-un/> (дата обращения: 20.08.2020).

North Korean media accuses S. Korean movies, dramas of anti-republic fabrication, YONHAP News, 2020. 4 March. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200304005400325?section=news> (дата обращения: 20.08.2020).

North Korean official purged for “debauchery”, defying quarantine: state media, NK News, 2020. 23 March. URL: <https://www.nknews.org/2020/03/north-korean-official-punished-after-disobeying-quarantine-measures-rodong/> (дата обращения: 20.08.2020).

North Korean state media warns against “poisonous” corruption among officials, NK News, 2020. 16 March. URL: <https://www.nknews.org/2020/03/north-korean-state-media-continues-to-warn-officials-against-toxic-corruption/> (дата обращения: 20.08.2020).

North Korean media warns citizens against “uncivilized” acts in public places, NK News, 2020. 30 March. URL: <https://www.nknews.org/2020/03/north-korea-warns-against-uncivilized-acts-at-public-places-state-media/> (дата обращения: 20.08.2020).

Yi Whan-woo. Government confirms basic facts on N. Korea leadership at last, The Korea Times, 2018. 28 December. URL: (дата обращения: 20.08.2020).

REFERENCES

Asmolov K.V. (2016). The New title of Kim Jong-UN, *Novoe vostochnoe obozrenie (NEO)* [New Eastern review (NEO)], 24 July. URL: <http://ru.journal-neo.org/2016/07/24/novy-j-titul-kim-chen-y-na/> (accessed: 20 August 2020). (In Russian).

Asmolov K.V. (2020). K itogam sessii Verkhovnogo narodnogo sobraniya KNDR i zasedaniya politbyuro TSK TPK [To the results of the session of the Supreme people's Assembly of the DPRK and the meeting of the Politburo of the Central Committee of the CPC], *Novoe vostochnoe obozrenie (NEO)* [New Eastern review (NEO)], 17 April. URL: <https://ru.journal-neo.org/2020/04/17/k-itogam-ezhegodnoj-sessii-verhovnogo-narodnogo-sobraniya-kndr-i-zasedaniya-politbyuro-tsk-tpk-v-aprele-2020-g/> (accessed: 20 August 2020). (In Russian).

Constitution of the North Korea. URL: <http://naenara.com.kp/ko/politics/?rule+9> (accessed: 20 August 2020).

Inside a (censored) North Korean tablet, from karaoke apps to “Samurai Hunter”, *NK News*, 2019, June 6. URL: <https://www.nknews.org/2019/06/inside-a-censored-north-korean-tablet-from-karaoke-apps-to-samurai-hunter/> (accessed: 20 August 2020).

Kim Jong Un sacks top officials for “corruption” in meeting on coronavirus, *NK News*, 2020, February 28. URL: <https://www.nknews.org/2020/02/kim-jong-un-sacks-top-officials-for-corruption-in-meeting-on-coronavirus/> (accessed: 20 August 2020)

Kim Jong Un's sister promoted to key politburo member, *The Korea Times*, 2020, April 13. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/04/103_287728.html (accessed: 20 August 2020).

Kim Jong Un's Sister “Takes Charge” of Major Affairs, *The Chosun Ilbo*, 2020, March 25. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2020/03/25/2020032503074.html (accessed: 20 August 2020).

Kim Jong-Un (2012). We will implement kimchenin’s patriotism to accelerate the process of building a rich and powerful homeland: a conversation with the workers of the Central Committee of the Labor party of Korea, July 26, 2012, M.: The Society of friendship and cooperation with abroad. Moscow, 2014, 22 p. (In Russian).

Kim Jong-Un (2016). Revolyutsionnym ideologicheskim nastupleniyem uskorim dostizheniye okonchatel’noy pobedy. Rech’ na VIII slete ideologicheskikh rabotnikov Trudovoy partii Korei [We will accelerate the achievement of the final victory with a revolutionary ideological offensive. Speech at the VIII meeting of ideological workers of the Workers' party of Korea], Nakhodka: Format, 19 p. (In Russian).

Kim Jong-Un's aunt makes 1st public appearance in 6 years, *The Korea Times*, 2020, January 28. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/01/103_282504.html (accessed: 20 August 2020).

Kim Jong-Un's Right-Hand Man Resurfaces After Purge Reports, *The Chosun Ilbo*, 2019, 4 June. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2019/06/04/2019060401243.html (accessed: 20 August 2020).

Kim Jong-Un's Sister at His Side as He Resurfaces, *The Chosun Ilbo*, 2020, 4 May. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2020/05/04/2020050401824.html (accessed: 20 August 2020).

Kim Jong-Un's Sister Keeps Low Profile, *The Chosun Ilbo*, 2019, April 29. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2019/04/29/2019042901532.html (accessed: 20 August 2020).

Kim Jong-Un. Speech at the opening ceremony of the Pyongyang United hospital. KCNA, 31 March 2020.

Kim Jong-Un's Women. What role do his sister and wife play in the dictator's environment? URL: <https://nv.ua/world/countries/kndr-v-licah-zhenshchiny-kim-chen-yna-50032554.html> (date accessed: 20 August 2020). (In Russian).

Kim Yo Czhon vystupila s kritikoy v adres Seula [Kim Yu-Jeong made a criticism of Seoul] *Korea international radio*, 2020, March 4. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=60898 (date accessed: 20 August 2020). (In Russian).

Kim Yo Jong: the sister of Kim Jong Un, fast “becoming his alter ego”. *The Guardian*, 2020, April 20. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/20/kim-yo-jong-the-sister-of-kim-jong-un-fast-becoming-his-alter-ego> (accessed: 20 August 2020).

Kiryaynov O. (2016). Kim Chen Ynu ogranichili srok pravleniya [Kim Jong UN limited term of government], *Rossiyskaya gazeta*, June 30. URL: <https://rg.ru/2016/06/30/kim-chen-ynu-ogranichili-srok-pravleniia.html> (date accessed: 20 August 2020). (In Russian).

Lan'kov A. (2020). Est' li v KNDR internet i komu im mozno pol'zovat'sya? [Does North Korea have Internet and who can use it?] *Profil' [Profile]*, March 12. URL: <https://profile.ru/abroad/chtoby-nedopustit-kramoly-v-severnoj-koree-sozdali-svoyu-sistemu-interneta-251402/> (accessed: 20 August 2020). (In Russian).

Lee Je-hun. [News analysis] The insidious threat of fake news surrounding North Korea, *Hankyoren*, 2020, May 5. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/943697.html (accessed: 20 August 2020).

Lee Je-hun. N. Korea revises constitution to include Kim Jong-un's reform-oriented approach to economy, *Hankyoren*, 2019, 12 July. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/901610.html (accessed: 20 August 2020).

Lider of the KNDR Kim Chen Yn ne voshël v sostav Verkhovnogo narodnogo sobrani [Leader of the DPRK Kim Jong-UN did not join the Supreme people's Assembly], *International radio of Korea*, 2019, March 13. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56831 (date accessed: 20 August 2020). (In Russian).

Maltseva O.P. (2017). Nekotoryye osobennosti strategicheskogo kursa Kim Chen Yna [Some features of Kim Jong Un's strategic course], *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nyye i gumanitarnyye issledovani* [Scientific result. Social and humanitarian research], 1, vol. 3: 41–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-strategicheskogo-kursa-kim-chen-yna> (accessed: 20 August 2020). (In Russian).

Matsegora A.I., Asmolov K.V. (1999). Pervaya sessiya Verkhovnogo Narodnogo Sobraniya KNDR desyatogo sozyva. Novyy kurs novogo rukovoditelya [First session of the Supreme People's Assembly of the DPRK of the tenth convocation. New course of the new Manager], *Rossiyskoye koreyevedeniye* [Russian Korean studies. Almanac], issue 1, Moscow: 264–282. (In Russian).

North Korea vows anti-corruption fight, *The Korea Times*, 2018, 12 December. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/12/103_260708.html (accessed: 20 May 2020).

North Korean constitutional revisions elevate status of SAC chairman Kim Jong Un, *NK News*, 2019, 29 August. URL: <https://www.nknews.org/2019/08/n-korean-constitutional-revisions-elevate-status-of-spa-chairman-kim-jong-un/> (accessed: 20 August 2020).

North Korean media accuses S. Korean movies, dramas of anti-republic fabrication, *YONHAP News*, 2020, 4 March. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200304005400325?section=news> (accessed: 20 August 2020).

North Korean media warns citizens against “uncivilized” acts in public places, *NK News*, 2020, 30 March. URL: <https://www.nknews.org/2020/03/north-korea-warns-against-uncivilized-acts-at-public-places-state-media/> (accessed: 20 August 2020).

North Korean official purged for “debauchery”, defying quarantine: state media, *NK News*, 2020, 23 March. URL: <https://www.nknews.org/2020/03/north-korean-official-punished-after-disobeying-quarantine-measures-rodong/> (accessed: 20 August 2020).

North Korean state media warns against “poisonous” corruption among officials, *NK News*, 2020, 16 March. URL: <https://www.nknews.org/2020/03/north-korean-state-media-continues-to-warn-officials-against-toxic-corruption/> (accessed: 20 August 2020).

North Korea's main paper calls for eradication of illegal economic activities, *YONHAP News*, 2020, 8 April. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200408001700325?section=news> (accessed: 20 August 2020).

North Korea's main paper urges ideological education for youth, *YONHAP News*, 2020, 3 April. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200403006200325?section=news> (accessed: 20 August 2020).

Pkhen'yan prizval SSHA izmenit' otnosheniye k denuklearizatsii [Pyongyang urged the U.S. to change its attitude towards the denuclearization], *International radio Korea*, 2019, June 5. URL: http://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=r&menu_cate=issues&id=&board_seq=364776&page=1&board_code= (20 August 2020). (In Russian).

Politicheskaya sistema Koreyskoy Narodno-Demokraticeskoy Respubliki (1991–2005) [Political system of the Democratic people's Republic of Korea (1991–2005)]: dis. ... kand. polit. n.: 23.00.01, Kim, Andrey V., St. Petersburg, 2006. 160 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/politicheskaya-sistema-koreiskoi-narodno-demokraticeskoi-respubliki-1991-2005> (accessed: 20 August 2020). (In Russian).

Politika prioriteta armii (songun) v KNDR: istoki, sushchnost' i formy proyavleniya [The policy of priority of the army (Songun) in the DPRK: origins, essence and forms of manifestation]: dis. ... kand. polit. Sciences: 23.00.01 / Pankin Inna Jurevna; [a protection Place: Institute of Oriental studies, RAS]. Moscow, 2011. 245 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/politika-prioriteta-armii-songun-v-kndr-istoki-sushchnost-i-formy-proyavleniya> (accessed: 20 August 2020). (In Russian).

Sestra nyneshnego lidera KNDR mozhet stat' ego preyemnikom [The sister of the current leader of the DPRK may become his successor], *Korea international radio*, 2020, April 29. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=61571 (date accessed: 20 August 2020). (In Russian).

Severnaya Koreya – oasis v okeane COVID-19 [North Korea is an oasis in the ocean COVID-19], *RSMD*, 2020, 31 March. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/severnaya-koreya-oasis-v-okeane-covid-19/> (accessed: 20 August 2020). (In Russian).

V severokoreyskom rukovodstve proizvedeny perestankovki [The North Korean leadership has been reshuffled]. *Korea international radio*, 2020, October 9. URL:

http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?No=50137&id=IK (accessed: 20 August 2020). (In Russian).

Veka E.K. (2015). K voprosu o social'no-e'konomicheskix i politicheskix processax v KNDR pri Kim Chen Y'ne i ix vliyaniy na rossijsko-severokorejskie svyazi [On the issue of socio-economic and political processes in the DPRK under Kim Jong UN and their impact on Russian-North Korean relations]. *Rossiya i ATR [Russia and the Asia-Pacific region]*, 1 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialno-ekonomicheskix-i-politicheskix-protsessah-v-kndr-pri-kim-chen-yne-i-ih-vliyaniy-na-rossijsko-severokorejskie-svyazi/viewer> (accessed: 20 August 2020). (In Russian).

Yi Whan-woo. Government confirms basic facts on N. Korea leadership at last, *The Korea Times*, 2018, 28 December. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/12/103_261123.html (accessed: 20 August 2020).

Zhebin A.Z. (1996). Nekotoryye mekhanizmy sotsial'nogo kontrolya v KNDR [Some mechanisms of social control in the DPRK]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 6: 19–30. (In Russian).

Zhebin A.Z. (1996). Osobennosti sovremennogo politicheskogo rezhima v KNDR. Politicheskiye, ekonomicheskkiye i kul'turnyye aspekty ob'yedineniya Korei [Features of the modern political regime in the DPRK. Political, economic and cultural aspects of Korean unification], part 1. Materials of the scientific conference, Moscow, December 10–11, 1996, Moscow, 1997. (In Russian).

Zhebin A.Z. (2003). KNDR: traditsii i sovremennost' [North Korea: traditions and modernity]. *Vostok [Orient]*, 3. (In Russian).

Zhebin A.Z. (2006). Evolyutsiya politicheskoy sistemy KNDR v usloviyakh global'nykh peremen [Evolution of the political system of the DPRK in the context of global changes], Moscow: *Russkaya panorama*, 216 p. (In Russian).

Zhebin A.Z. (2012). KNDR: vremya peremen? [North Korea: time for change?] *Vestnik Moskovskogo Universiteta [Bulletin of MSU]*, ser. 25. International relations and world politics, 3: 114–143. (In Russian).

Поступила в редакцию 27.07.2020

Received 27 July 2020

Для цитирования: Асмолов К.В. О некоторых трендах во внутренней политике КНДР в 2018–2020 годах // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 3. С. 36–53. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10017

For citation: Asmolov K.V. (2020). O nekotorykh trendakh vo vnutrennej politike KNDR v 2018–2020 godah [On certain trends in North Korea's domestic policy in 2018–2020], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 2020, 3: 36–53. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10017

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10018

Смена для России парадигмы развития в условиях актуализации концепции «Большой Евразии»

В.И. Балакин

Аннотация. В статье подробно рассматривается концепция «Большой Евразии», её способность гарантировать долговременную реализацию геополитической стратегии России по взаимоотношениям с Китаем и Германией. Автор отмечает, что видение стратегического пространственного развития на континенте формируется в РФ на основе ряда факторов, включая сложившуюся веками систему российских моральных ценностей, традиций, устоявшихся исторических приоритетов. Целостность евразийской территории утверждается исторической идеей географического единства российской государственности, практически полным отсутствием в ней крупных внутренних расчленений. Автор предполагает, что активизация региональной геополитики не только России, но также Китая и Германии подтолкнёт Москву к созданию собственной, привлекательной для «Большой Евразии» идеи. Показать её востребованность для некоторых стран континента Россия сможет, если её приоритетами будут экономическое развитие и комплексное обеспечение региональной безопасности. Согласно авторской гипотезе, взаимодействие России, Китая и Германии скоро оформится в полноценный геополитический альянс, нацеленный на превращение в долговременную и устойчивую структуру взаимовыгодного сотрудничества.

Ключевые слова: Большая Евразия, Россия, Китай, Германия, геополитический альянс.

Автор: Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем США и ШОС, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: prof_bvi@mail.ru

Change of the development paradigm for Russia in the conditions of “Greater Eurasia” conception relevance

V.I. Balakin

Abstract. The article discusses in detail the concept of “Greater Eurasia” and its ability to guarantee the long-term implementation of Russia's geopolitical strategy for relations with China and Germany. The author notes that the vision of strategic spatial development on the continent is formed in the Russian Federation on the basis of several factors, including the centuries-old system of Russian moral values, state traditions, and established historical priorities. The integrity of the Eurasian territory is confirmed by the historical idea of the geographical unity of the Russian state, the practical complete absence of major internal divisions in it. The author suggests that the activation of regional geopolitics not only in Russia, but also in China and Germany, will push Moscow to create its own attractive idea for the “Greater Eurasia”. Russia is able to demonstrate its relevance for some countries of the continent if she develops its economics and

regional security. According to the author's hypothesis, the interaction between Russia, China and Germany is likely to take the form of a full-fledged geopolitical Alliance in the near future, aimed at turning into a long-term and stable structure of mutually beneficial cooperation.

Keywords: Greater Eurasia, Russia, China, Germany, geopolitical alliance.

Author: *Balakin Viacheslav I.*, PhD (Law), Leading Researcher of the Center for the Studies of the Northeast Asia Strategic Issues and the Shanghai Cooperation Organization, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: prof_bvi@mail.ru

Российский контекст концепции «Большой Евразии»

Россия рассматривает геополитическую идею «Большой Евразии» как рассчитанный на долгосрочную перспективу концептуальный формат развития и взаимодействия государств Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии, а также РФ (возможно, к ним присоединятся страны европейского субконтинента), которые ориентированы на превращение крупнейшего материка в центр мировой политики и экономики. Особое значение в этом контексте приобретает трансконтинентальная транспортная инфраструктура, в том числе направления «Восток – Запад» и «Север – Юг». Она призвана обеспечить межцивилизационное взаимодействие с Евросоюзом, например, для Японии, Индонезии, Китая, Индии, России, Ирана и Турции. «Большая Евразия» будет строиться на основе традиционных ценностей в международных отношениях, отрицании любого универсализма, этнического превосходства, заведомой правоты или гегемонии. Приоритетные ценности такого формата: суверенитет, исторически сложившаяся территориальная целостность, свобода политического выбора народов евро-азиатского континента, отказ от вмешательства стран во внутренние дела друг друга. В рамках этого взаимодействия евро-азиатским государствам придётся поддерживать военно-политическую стабильность, общими силами предотвращать конфликты и создавать благоприятные условия для общественного развития и повышения благосостояния народов.

Идея «Большой Евразии» в России имеет глубокие исторические корни: православное наследие и стремление к самостоятельному выбору пути развития, к статусу ведущего игрока на мировой политической сцене, влияющего на формирование государственности в странах евро-азиатского континента. Актуализация концепции «Большая Евразия» выглядит как запрос большинства стран континента на многополярность. В российской интерпретации – отказ от вестернизации в пользу более сбалансированного взаимодействия с государствами Европы и Азии. Для Германии принципиально важная тема диалога с Россией и Китаем по будущему геополитическому устройству континента – концепция правового обустройства «Большого евро-азиатского пространства» [Herrmann: 42].

В широком географическом смысле «Большая Евразия» понимается сегодня в пределах от Атлантического и Северного Ледовитого океанов на западе и севере до Тихого и Индийского – на востоке и юге континента. Геополитическая формула «Большой Евразии» включает в себя Японию, Корейский полуостров, Китай, Юго-Восточную Азию, Индию, Ближний и Средний Восток, Россию, Евросоюз. Формирование названной концепции в значительной степени относится к коренным геостратегическим интересам России, позволяет продвигать различные проекты сотрудничества в регионе, наполняя их конкретным содержанием, формулируя привлекательную для многих идею востребованности и

эффективности многостороннего взаимовыгодного взаимодействия на евро-азиатском пространстве. Сопряжение Евразийского экономического союза с китайским проектом «Один пояс, один путь» можно назвать одним из реальных проектов подобного рода.

КНР в настоящее время явно стремится демонстрировать России и Германии повышенное внимание к евро-азиатским проблемам, приоритетным для общей евроазиатской геополитики. Китай выглядит намного сильнее этих двух стран с точки зрения экономического и демографического потенциала, однако российская военная мощь и высокий технологический уровень производства в Германии впечатляют Пекин, вынуждают его принимать асимметричные сглаживающие решения, подвигая Москву и Берлин к постепенному отходу от геополитического взаимодействия с США. Россия осознаёт сложность китайско-германского стратегического сотрудничества, которое подвергается неприкрытому американскому давлению и как следствие вызывает практически нескрываемые опасения Берлина по поводу растущих антигерманских настроений в лояльных США странах Восточной Азии. Москву также не устраивает стремление Пекина сколотить особый формат взаимодействия со странами Центральной и Восточной Европы, граничащими с Германией, и таким образом бесконтрольно войти в зону главной ответственности Евросоюза. Россию тревожит, что китайско-германское сотрудничество не строится как отдельный проект, а представляет из себя важную часть многостороннего плана по созданию единого евро-азиатского пространства, что явно противоречит российским национальным интересам [Ян Ли: 142].

Новая парадигма становления Российского государства

Концепция «Большой Евразии» в понимании России связана с взаимодействием с большой группой евроазиатских стран, испытывающих последствия резкого нарастания глобальной неопределенности. Выстраивание этих отношений во многом зависит от сотрудничества с Китаем в ходе реализации его инициативы «Один пояс, один путь», что свидетельствует о переформатировании системы геополитических контактов на материке. Евразия всегда была центром глобальных противоречий, причём не столько межгосударственных, сколько межцивилизационных, ориентированных на борьбу за контроль над важнейшими коммуникациями, товарными рынками, материальными и человеческими ресурсами [Наканиси: 371]. Общая геополитическая миссия России в «Большой Евразии» может актуализироваться вследствие комплексной интеграции, основанной на гармонизации системы национальных инноваций и проектов, федеральных программ, проектного управления, внедрения цифровых алгоритмов в национальную экономику.

Для РФ идея «Большой Евразии» подразумевает безопасное развитие континента, мирное взаимодействие Востока и Запада, попытку выхода Евросоюза из идеологического кризиса, последовательное превращение материка в центр глобальной экономики. Постепенная трансформация мирового порядка будет сопровождаться технологическими сдвигами, финансовыми кризисами, социально-политической нестабильностью, снижением эффективности международных институтов и национальных правительств и в итоге может превратить «Большую Евразию» в региональный цивилизационный центр. Его развитие возможно по нескольким сценариям, различным по типу субъекта интеграционной стратегии [Bobo Lo: 16]. Например, на континенте выделяются государства имперского типа: Россия,

Китай, Индия, Турция и др. Эти страны со временем могут попытаться трансформировать масштаб своего потенциала из локального – в общематериковый. Суть другого сценария сводится к сосредоточению цивилизационных сообществ по отраслевому, профессиональному и иному деятельностному признаку на базе глобальной цифровой платформы, продвигаемой США.

Россия пытается выработать собственное геополитическое понимание евро-азиатского континентального пространства. Так, «Большая Евразия» способна стать интеграционной основой для новой российской государственности, особенно на фоне дополнительных внешних угроз. В посткоронавирусный период она может способствовать геополитической интеграции на материке на основе прагматизма национальных интересов и внешнеполитических структур, отвечающих за трансформационные процессы [Priess: 3]. К сожалению, в России пока не освоен оптимальный способ интеграции экономических, социальных, культурных и духовных процессов. Тем не менее растущее российское политическое влияние уже сегодня укрепляет межнациональное сотрудничество. Парадигма новой российской государственности – это опора на макрорегионализацию и самодостаточность во многих сферах. При этом всё более важным становится геополитический рационализм, в соответствии с которым Евразия рассматривается как единый комплекс, как общее политическое и экономическое пространство.

Россия нацелена на постепенный переход к социальной экономике в формирующемся социальном государстве при эффективном гражданском обществе. За последнее десятилетие в стране снизился интерес к европейским ценностям, а общество потребления рассматривается как тупиковая идея: социальный ориентир на всестороннее развитие человека выглядит бесконечным феноменом, т. к. человек в своём развитии является воплощением бесконечности [Микава: 74].

Сегодня Российскому государству нужна теоретическая рационализация развития, направленная на возвращение роли активного хозяйственного субъекта, который практически мог бы совместить классический рынок с традиционной российской экономической системой, которая всегда исходила из идеи планомерного и целенаправленного человеческого труда. Отсюда – важность постоянной координации деятельности правительства и частного сектора, ориентированной на эффективное взаимодействие труда, капитала и государства в интересах национальных целей развития.

Развитие современного Российского государства видится как социокультурное целое или, иначе говоря, как система, включающая в себя политическую, экономическую и духовную составляющие. Национальные интересы России требуют конкурентных ответов на политические вопросы, составляющие идейные ориентиры для движения вперёд. Должна ли Россия развиваться как часть Запада или существовать отдельно от него, преобразуясь в согласии с национальными традициями? Сегодня для российской государственности наиболее важны политическая стабилизация, сохранение традиционной системы ценностей, выявление внутреннего потенциала, равновесных механизмов. Государственность представляет собой качественное состояние государства с общей преемственностью, которая позволяет осуществлять модернизационные проекты мирным, безболезненным путём. Это особенно важно для России, размеры которой и исторически сложившаяся дифференциация экономического развития различных её частей, ментальное разнообразие этносов и другие особенности определяют федеративное устройство государства [Moscoso: 131]. Таким

образом, российскую государственность сегодня можно трактовать как самый сложный комплекс элементов, структур, институтов, а также компонентов неполитического характера, обусловленных самобытностью социально-экономических, политических, духовно-нравственных условий жизнедеятельности конкретного народа или объединения народов на нынешнем этапе развития российского общества в целом.

Сейчас наша страна стоит перед историческим выбором стратегии развития, ориентированной либо на воспроизведение сложившейся западной либеральной модели хозяйствования с приоритетом потребительских ценностей, либо на парадигму национального возрождения на базе национальной идеи христианской справедливости. История свидетельствует, что у России есть собственная локальная цивилизационная матрица, формирующая глубинные процессы эволюции, позволяющие развиваться, саморегулироваться и воспроизводить систему выживания в самых трудных условиях, что ярко показал период Великой Отечественной войны. Центральным элементом российской государственности – институциональное ядро, увязывающее в единую систему природно-климатическую, национально-демографическую, материально-экономическую и культурно-религиозную среду. Российская государственность реализует цивилизационную матрицу через политику, идеологию, армию, судебную систему, правоохранительные органы, внешнюю политику, внешнюю торговлю и другие сферы деятельности, содержащие в себе механизмы эффективного динамического саморазвития [Luchterhandt: 14]. Стремление укреплять национально-культурные традиции соответствует запросам российского общества, которое также приветствует устойчивое развитие общественной идеи в условиях последовательного интенсивного возрождения, поддержания и совершенствования собственных социокультурных форм и их обогащения новыми концепциями, адаптированными к региональной идее «Большой Евразии».

Концепция «Большой Евразии» как главный фактор российско-китайско-германского геополитического взаимодействия

Нестабильность экономико-политической и социальной системы США в настоящее время усиливает раздражение Берлина и Пекина, что подталкивает их к формированию ситуативного взаимодействия с расчётом на поддержку новой евроазиатской реальности со стороны России. КНР демонстрирует внимание к крупным проблемам, приоритетным для германских национальных интересов, включая вопросы глобальных климатических изменений, реформу ВТО, а также германо-российское энергетическое сотрудничество. Германия в свою очередь заинтересована в укоренении на внутреннем китайском рынке и для этого готова присоединиться к КНР в отстаивании для неё статуса привилегированного торгового партнёра ВТО [Чжан Тяньбин: 15]. Хотя ФРГ и КНР объективно дополняют друг друга экономически, они очень далеки друг от друга политически и ментально. При этом Китай в производстве ориентируется на выпуск массовой продукции, а Германия – на высокотехнологичные, но штучные товары. В этом случае оба государства заинтересованы в сотрудничестве, особенно в отстаивании своих прав через структуры ВТО.

Россию очень интересует китайско-германское взаимодействие на евро-азиатском континенте из-за сложных и глубоких перемен в мире – стремлении крупнейших стран перейти от примитивного наращивания производственных мощностей к развитию умного

производства с помощью новейших технологий. Москва готова строить трёхстороннее сотрудничество с Китаем и Германией – как с ключевыми континентальными партнёрами – на основе уважения суверенитетов, культурных традиций и особенностей общественно-политического строя. Сейчас три страны начинают осознавать значимость стратегической стабильности, которая способствует экономическому развитию без политического доминирования и стратегического давления на партнёров. Объективно Россия является стержнем «широтной интеграции» в Евразии, т. е. интеграционные процессы между Китаем и Германией не могут происходить в обход РФ, которая связывает региональное геополитическое пространство и осуществляет названную миссию мирными, дипломатическими средствами. Данная модель функционирует с учётом самого уязвимого и сложного аспекта – постепенного единения евро-азиатского геополитического пространства на основе добровольного присоединения разнородных регионов, наиболее лояльных мощной связке Россия – Китай – Германия [Kirp: 18].

Коллективный Запад полагает, что сдерживание развития Китая уже практически невозможно из-за его колоссальной демографической и экономической мощи. Иными словами, главной проблемой выступают не действия Поднебесной, а последовательное увеличение её и так могучего во всех отношениях совокупного потенциала. Россия и Германия не могут не признавать силу КНР, особенно после её стремительного вхождения в группу влиятельнейших мировых игроков. Это концентрирует их внимание к китайской действительности и множит попытки определить реальный вектор глобального развития и тенденций становления нового международного правопорядка. Москва и Берлин явно озадачены нынешней неопределённостью: непонятно, какую роль отводит себе сам Китай в развивающейся новой «большой игре», ведь от этого зависят основные контуры складывающегося миропорядка в XXI в. Россия и Германия осознают, что КНР сталкивается с множеством серьёзных проблем, которые порождены не низкой эффективностью государственного устройства или отсталостью управления, а реальными проблемами роста. В связи с этим отношения с Китаем наиболее значимы для РФ и ФРГ, потому что Пекин комплексно адаптируется к глобализации и даже стремится влиять на её содержание и формы. КНР видит в ней шанс для интеграции в мировую экономику и дальнейшего завоевания наиболее ёмких зарубежных рынков для расширяющейся номенклатуры китайских товаров [Juchler: 11].

По оценкам американских экспертов, Россия уже прекратила попытки встраиваться в структуры Запада на неприемлемых для Москвы условиях, кроме того не складываются и союзнические отношения с Пекином из-за стремления российского руководства к укреплению национального суверенитета и стойкого нежелания поступиться внешнеполитической самостоятельностью [Czerewko: 1–2]. Желание России действовать в качестве независимого игрока на евро-азиатском континенте явно снижает для неё ценность политического взаимодействия с конкурирующими державами и вынуждает проводить прагматичную внешнюю политику для выстраивания устойчивого равновесия между Востоком, Западом и Югом. Российские претензии на статус великой державы вполне оправданы. Россия – одна из немногих стран, органически не признающих гегемонию, доминирование или лидерство иных государств, о чём свидетельствует эффективное военно-политическое противодействие со стороны Москвы американским попыткам сохранить своё влияние на Ближнем Востоке. Миссия Россия во все исторические

периоды представляет собой поддержание геополитического равновесия и укрепление безопасности на обширном евро-азиатском пространстве [Ханэ: 5]. Реализовывать её можно исключительно в общепризнанных правовых рамках, при поддержке искусной дипломатии и с использованием необходимого силового потенциала.

Формула российского влияния на китайско-германское взаимодействие

В результате пандемии коронавируса активизируются процессы, ведущие к смене мирового порядка на основе формирующейся новой системы биполярности. В связи с этим быстрее стала меняться международная среда, в которой реализуется российская внешняя политика. В условиях возрастающей на континенте нестабильности, вызванной распространением традиционных и нетрадиционных угроз международной безопасности, многосторонняя и многоуровневая система стратегического партнёрства между Германией и Китаем сталкивается с новыми препятствиями. В отношениях с Пекином Берлин придерживается политики «одного Китая», то есть де-юре признаёт только КНР, не поддерживая дипломатические отношения с Тайванем, но вместе с тем развивая активные торгово-экономические и гуманитарные связи с Тайбэем. Это вызывает откровенное недовольство китайского руководства, но устойчиво развивающееся германо-российское инвестиционное взаимодействие заставляет Китай «закрывать глаза» на сотрудничество Германии с Тайванем, поскольку России очень выгодно китайское давление на Тайбэй [Schubert: 8]. Кроме того, Пекин весьма заинтересован в развитии сотрудничества с Берлином в финансовой сфере, вследствие чего во Франкфурте-на-Майне был создан германо-китайский расчётно-клиринговый центр для проведения финансовых сделок в юанях, в том числе и с тайваньскими фирмами, работающими на рынке КНР.

В последнее время Китай заметно активизировал работу по интернационализации юаня и формированию собственной системы международных платежей, для чего были определены десять клиринговых банков, получивших право проводить межбанковские расчёты в юанях. Цель вполне очевидна – превратить юань в серьёзную мировую резервную валюту и заменить им американский доллар, что также даёт реальную возможность международным финансовым институтам получить альтернативу, особенно ценную для развивающихся стран, активно усиливающих сотрудничество и торговлю с КНР. Как представляется, в связи со складывающейся ситуацией жёсткого противостояния с США Россия и Китай должны окончательно перейти к экономическому сотрудничеству без финансовых посредников, осуществляя расчёты в национальных валютах, а это позволит вывести взаимоотношения двух стран на более высокий уровень. В Германии считают, что разностороннее тесное сотрудничество с Китаем представляет собой не отдельный узкий двусторонний проект, а проект исключительно геополитический, выступающий в качестве составной части более широкой идеи по формированию единого евро-азиатского экономического пространства, на котором финансовые расчёты будут осуществляться на бездолларовой основе [Esteban: 75]. В реальности для России экономические связи с КНР и ФРГ являются наиболее важными с точки зрения участия в мировом хозяйственном процессе, а с учётом накапливающихся признаков разрушения мирового экономического порядка китайско-германское сближение может стать фундаментальной категорией по эффективному противодействию протекционизму и

предоставлению России реальной возможности на равных войти в китайско-германское экономическое взаимодействие и таким образом ускорить собственную модернизацию.

Российская государственность в формате «Большой Евразии»

Россия продолжает формировать собственное видение пространственного развития на основе исторически устоявшихся ценностей, ориентированных на создание большого евро-азиатского партнёрства, имеющего стратегическое значение для подтверждения геополитической состоятельности российской государственности. Её развитие всегда сопровождалось мощным стремлением к региональной интеграции на материке. Это объективный и закономерный процесс, т. к. его главная цель – международно-правовое оформление исторически складывающейся геополитической общности государств. Россия обладает идеальным внешнеполитическим потенциалом для развития экономической, логистической, военно-политической интеграции Азии и Европы, который постепенно обретает форму структурообразующего ядра «Большой Евразии» как формирующегося евро-азиатского цивилизационного пространства [Янь Цзяньфэн: 4]. На этой территории сегодня сталкиваются геополитические интересы трёх основных «центров силы»: России, Китая и США, – жёстко конкурирующих за технологическое лидерство, составляющее реальное содержание четвёртой промышленной революции, обеспечивающей стремительный переход к шестому технологическому укладу. Для «Большой Евразии» очень важно целеполагание России, которая ищет свою цивилизационную идентичность и намеревается следовать стратегии опережающего развития и создания большого евро-азиатского партнёрства.

Российская концепция «Большой Евразии» способна стать основной идеей регионального взаимодействия с участием таких государств-цивилизаций, как Китай и Индия, которые уже высоко оценили её востребованность и потенциальную эффективность, особенно в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Сложные геополитические процессы последних нескольких лет можно рассматривать как серьёзные попытки Москвы уйти от исторического выбора между принадлежностью к Европе и цивилизационной самостоятельностью. Россия не должна быть европейской или азиатской периферией, поскольку главной целью для неё является осмысление Евразии в категориях регионального сотрудничества, нацеленного на решение задач национального развития каждого из населяющих её народов. России явно по силам роль системного интегратора в «Большой Евразии», т. к. единое государство было, есть и остаётся самым важным фактором дальнейшего развития российской идентичности. Активное формирование российских национальных интересов понимается сегодня в качестве приоритета государственной стратегии в международных делах и изменений в системе базовых ценностей общества, что приводит к совершенно новому позиционированию России, прежде всего, в рамках евро-азиатского континента [Агню: 5].

Россия как геополитическая единица – некое единство во множестве, страна пространственной и межэтнической дифференциации, где происходит не только тесное взаимодействие, но и взаимопроникновение национальных культур.

Единение государств континента Евразия детерминировано глобальной геополитической конкуренцией, напряжёнными демографическими тенденциями, изменениями в структуре населения отдельных стран, когда намечается количественное снижение доли

квалифицированной рабочей силы. Большинство государств евро-азиатского региона не смогут в обозримой перспективе обеспечить устойчивый экономический рост, поскольку не в состоянии поддерживать необходимое технологическое развитие и достаточный уровень информационно-коммуникационного обеспечения общественных процессов. В долгосрочном плане странам «Большой Евразии» придётся достигать непопулярных интеграционных компромиссов, диктуемых жёсткой логикой общественного стратегического выбора в интересах макроэкономической стабильности [Popescu: 9]. Доступность финансовых ресурсов в Евразии становится стратегической задачей в условиях сжатия рынков долгосрочных кредитов, когда крупнейшие доноры США, Китай и Евросоюз уделяют всё больше внимания ресурсосбережению и повышению собственной энергоэффективности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агню Джон.* Гуробарука дзидай но тисэйгаку : [Геополитика в эпоху глобализации] // Токубэцу коги. “Сэкай кэнкю”. 2016. № 6. С. 1–17. (На яп.).
- Микава Канро.* Синригаку то дзиссёюги : [Психология и реализм]. Химэдзи-Доккё дайгаку. “Кэнкю рэпото”. 2017. № 2. Т. 34. С. 23–82. (На яп.).
- Наканиси Хира.* Атарасий “Тэйкоку” то Амэрика : [Новая «Империя» и Америка]. Токио, Хосэй дайгаку кэнкюсё сёппан, 2014. (На яп.).
- Ханэ, Дзиро.* Тисэйгаку но рюко гэнсё : [Модное явление геополитики]. Токио, Хитоцубаси дайгаку но кэйдзай кэнкюсё сёппан, 2019. (На яп.).
- Янь Цзяньфэн.* Оучжоу-Ячжоу Цзюньчжэн Хэцзо : [Военно-политическое сотрудничество Европы и Азии]. Пекин, Чжунго цзинци, 2017. 14 с. (На кит.).
- Ян Ли.* Оумин цюаньцю чжилугуань дэ шиюнчжуи чжуаньсин : [Модель прагматического поворота европейской точки зрения на глобальное управление]. Пекин, Чжунго шэхуйкэсююань. Цзиньци юаньцзюсо чубаньшэ, 2015. (На кит.).
- Чжан Тяньбин.* Цюаньцю чжицаоэ цзинчжэнли : [Глобальная производственная конкурентоспособность]. Пекин, Чжунго гуне чаньпинь яньцзююань чубаньшэ, 2016. 94 с. (На кит.).
- Czerewko, Jeffrey.* Russian Strategic Intentions. A Strategic Multilayer Assessment White Paper. Department of Defence. Washington, 2019. P. 1–2. 151 p.
- Bobo Lo.* Greater Eurasia. The Emperor’s New Clothes or an Idea Whose Time Has Come? Études de l’Ifri. Russie. Nei. Reports. 2019. № 27.
- Esteban, Mario.* Europe in the Face of US-China Rivalry. A Report by the European Think-tank Network on China. Real Instituto Elcano. Madrid, 2020. P. 75. 185 p.
- Herrmann, Bernd.* Europa und die neue Weltordnung. Analysen und Positionen zur europäischen Außen- und Sicherheitspolitik. Berlin, Heinrich Böll Stiftung, 2016. 171 s. (In German).
- Juchler, Ingo.* Volksrepublik China. Eine neue Weltmacht? Zeitschrift für Politische Bildung. Baden-Württemberg, 2008. 60 s. (In German).
- Kipp, Jacob.* An Emerging China-Russia Axis? Dirksen Senate Office. Washington, DC. 2019. 244 p.

Luchterhandt, Otto. Auf dem Wege zur Gleichschaltung der Zivilgesellschaft. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Kritische Kommentare. Universität Hamburg. 2016. 40 s. (In German).

Moscoso de la Cuba, Pablo. The statehood of “collapsed” states in Public International Law. *Agenda International* Año XVIII. 2011. № 29. С. 121–174.

Priess, Frank. Corona-Krise: Der deutsche Blick auf Asien. Konrad Adenauer Stiftung. Berlin, 2020. 21 s. (In German).

Popescu, Nicu. Eurasian Union: the real, the imaginary and the likely. EU Institute for Security Studies. Chillot Paper. 2014. № 132.

Schubert, Gunter. (2011). The European Demension of German-Taiwanese Relations – A Critical Assessment. Heidelberg University. 28 p.

REFERENCES

Agnew John. (2016). Gurobaruka jidai no chiseigaku [Geopolitics in the age of globalization], Tokubetsu kogi. “Sekai kenkyu”, 6: 1–17. (In Japanese).

Bobo Lo. (2019). Greater Eurasia. The Emperor’s New Clothes or an Idea Whose Time Has Come? *Études de l’Ifri. Russie. Nei. Reports*, 27.

Czerewko Jeffrey. (2019). Russian Strategic Intentions. A Strategic Multilayer Assessment White Paper. Department of Defence. Washington. P. 1–2. 151 p.

Esteban, Mario. (2020). Europe in the Face of US-China Rivalry. A Report by the European Think-tank Network on China. Real Instituto Elcano. Madrid. P. 75. 185 p.

Hane Jiro. (2019). Chiseigaku no ryuko gensyo [An actual phenomenon of geopolitics], Tokyo, Hitotsubashi daigaku no keizai kenkyusyo. (In Japanese).

Herrmann, Bernd. (2016). Europa und die neue Weltordnung. Analysen und Positionen zur europäischen Außen- und Sicherheitspolitik. Berlin, Heinrich Böll Stiftung, 175 s. (In German).

Juchler Ingo. (2008). Volksrepublik China. Eine neue Weltmacht? *Zeitschrift für Politische Bildung*. Baden-Württemberg, 60 s. (In German).

Kipp Jacob. (2019). An Emerging China-Russia Axis? Washington, DC, Dirksen Senate Office, 244 p.

Luchterhandt Otto. (2016). Auf dem Wege zur Gleichschaltung der Zivilgesellschaft. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Kritische Kommentare. Universität Hamburg, 40 s. (In German).

Mikawa Kanro. (2017). Shinrigaku to jissyoshugi [Психология и реализм]. Himeji-Dokkyo daigaku. *Kenkyu repoto*, 3, vol. 34: 23–82. (In Japanese).

Moscoso de la Cuba, Pablo. (2011). The statehood of “collapsed” states in Public International Law. *Agenda International* Año XVIII, 29: 121–174.

Nakanishi Hira. (2014). Atarasiy “Teikoku” to Amerika [New “Imperia” and America], Tokyo, Hosei daigaku kenkyusyo. (In Japanese).

Priess Frank. (2020). Corona-Krise: Der deutsche Blick auf Asien. Berlin, Konrad Adenauer Stiftung, 2020, 21 s. (In German).

Popescu Nicu. (2014). Eurasian Union: the real, the imaginary and the likely. EU Institute for Security Studies. Paris, Chillot Paper, 132.

Schubert Gunter. (2011). The European Demension of German-Taiwanese Relations – A Critical Assessment. Heidelberg University, 23 p.

Yan Jiangfeng. (2017). Ouzhou-Yazhou Junzheng Hezuo [Military-political cooperation between Europe and Asia], Beijing, Zhongguo jingji chubanshe, 14 p. (In Chinese).

Yang Li. (2015). Ouming quanqiu zhiliguan de shiyongzhuyi zhuanxing [Model of a pragmatic turn of the European point of view on global governance], Beijing, Zhongguo shehui kexueyuan. Jinji yuanjiesuo. (In Chinese).

Zhang Tianbing. (2016). Quanqiu zhizaoye jingzhengli [Global industrial competitiveness], Beijing, Zhongguo gongye chanpin yanjiuyuan, 94 p. (In Chinese).

Поступила в редакцию 01.09.2020

Received 1 September 2020

Для цитирования: Балакин В.И. Смена для России парадигмы развития в условиях актуализации концепции «Большой Евразии» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 3. С. 54–64. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10018

For citation: Balakin V.I. (2020). Smena dlya Rossii paradigmy razvitiya v usloviyah aktualizacii koncepcii «Bol'shoj Evrazii» [Change of the development paradigm for Russia in the conditions of “Greater Eurasia” conception relevance], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 3: 54–64. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10018

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10019

Китайский язык: термины в XXI веке

О.И. Завьялова

Аннотация: Разнообразие китаезычного мира в прошлом и настоящем предопределило появление сложной системы терминов со значением «китайский язык» в самом Китае и за его пределами. В начале прошлого столетия термин *гоюй* – «государственный язык» был впервые официально введён применительно к стихийно сложившемуся наддиалектному средству общения, которое называлось «языком чиновников». После образования КНР слово *гоюй* был заменено на более демократичный термин *путунхуа* – «общеупотребительный язык», «общеупотребительный говор». В период «реформ и открытости» реставрации слова *гоюй* в континентальном Китае не произошло, но название *путунхуа* стало употребляться в официальных документах в тесной связи со словом «государство». В дополнение к этому почти во всех традиционных наименованиях диалектных групп недавно исчезли морфемы «язык» или «язык, говор» и было добавлено слово «диалекты».

Ключевые слова: китайский язык, государство, государственный язык, языковая политика, закон о языке и письменности, *вэньянь*, *байхуа*, *гуаньхуа*, *путунхуа*, китайские диалекты.

Автор: Завьялова Ольга Исааковна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-3355-4598; E-mail: olgazavyalova@yahoo.com.

Chinese language: terminology in the 21st century

O.I. Zavyalova

Abstract. The past and present diversity of the Chinese-speaking world, as well as different history of Sinological studies, in particular, in Russia and in the West, caused the appearance of a complicated varying terminology used in modern Chinese linguistics. The term 国语 *guóyǔ* “state language” (“national language”) was officially introduced for Chinese at the beginning of the 20th century, but in the PRC it was replaced by a more “democratic” word 普通话 *pǔtōnghuà* “common language” (“common speech”, “Standard Mandarin”). With the beginning of the period of “reform and opening up”, the term *guóyǔ* was not restored in mainland China, however the word 国家 *guójiā* “state” is widely used in a close connection with *pǔtōnghuà* in official documents. Recently, the modern term “dialects” was officially added to almost all traditional words for ten Chinese dialect groups, i. e. “Sinitic languages” in many Western publications.

Keywords: Chinese language, “state language”, Mandarin, Standard Mandarin, language policy, Chinese dialects.

Author: Zavyalova Olga I., Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3355-4598; E-mail: olgazavyalova@yahoo.com

С 1 января 2001 г., на протяжении почти 20 лет, в КНР действует первый в истории страны языковой закон. Полное название этого документа – «Закон КНР об общеупотребительном в государстве языке и письменности» [Чжунхуа...]. В его текст включены разные термины, которые соответствуют традиционно употребляющемуся в отечественной синологии словосочетанию «китайский язык». Всё это обусловлено как сложным многоуровневым разнообразием китаезычного мира в прошлом и настоящем, так и неодинаковой историей знакомства с этим миром отечественных и западных синологов.

В нашей стране до середины XIX в. основным источником сведений о Китае оставалась находившаяся в Пекине Российская духовная миссия. Те, кто работал в её составе, читали иероглифические тексты и владели устным столичным китайским языком, на котором говорили образованные пекинцы, но не региональными вариантами-диалектами. Диалектологические работы в отечественном китаеведении появились только в советский период – начиная с 1930-х гг., когда А.А. Драгунов и Е.Н. Драгунова опубликовали описание двух разновидностей хунаньской группы Сян [Драгунов]. Ср. также новаторские исследования С.Е. Яхонтова 1960-х гг. [Яхонтов, 1966, 1967]. В целом в китаеведении советского периода сложилась достаточно чёткая общепринятая система лингвистических терминов.

Китайский язык – это, с одной стороны, его официальный вариант, который назывался в конце правления династии Цин и по-прежнему называется на Тайване «государственным языком» *гоюй* (国语 *guóyǔ*), но в КНР был переименован в «общеупотребительный язык» (или даже «общеупотребительный говор») *путунхуа* (普通话 *pǔtōnghuà*). С другой – это совокупность всех китайских исторических и современных языковых составляющих, в том числе региональных и официальной *гоюй/путунхуа*. По сути дела, отечественный термин «китайский язык» – это аналог современного китайского термина «ханьский язык», «язык китайцев-ханьцев» (汉语 *hànyǔ*) или такого же общего английского термина *Chinese* [Norman, 1988].

Под названием «ханьский язык» *путунхуа* преподают в учебных заведениях по всему миру, именно с этим названием официальный язык представлен в учебниках для иностранцев и словарях, изданных в КНР; ср. нормативный словарь современного китайского языка, первое издание которого появилось в 1978 г., седьмое – в 2016 г. [Сяньдай...]. Знание именно *путунхуа* требуется от тех иностранцев, китайских эмигрантов в разных странах мира и представителей малых народов внутри Китая, которые сдают специальный экзамен на уровень владения «ханьским языком» (*Ханьюй шуйпин каоши*). В то же время ещё один официальный экзамен, ориентированный на тех, для кого китайский язык в разных региональных вариантах является родным внутри континентального Китая, называется «Тестом на знание *путунхуа*» (*Путунхуа шуйпин цэши*), но не на знание «ханьского языка».

В отличие от отечественных синологов, западные миссионеры уже с XVI в. были хорошо знакомы не только с койне на северной диалектной основе – «языком» или «говором» чиновников-мандаринов *гуаньхуа* (官话 *guānhuà*), но также с далеко отстоящими от северных диалектами южных групп. Они изучали и описывали эти диалекты, разрабатывали для них латинизированные письменные системы, записывали диалектные тексты [Klötter]. В результате система современных терминов, употребляющихся в западном

китаеведном языкознании, не всегда совпадает с российской. В частности, наряду с общим термином «китайский язык» в работах на английском языке до сих пор употребляется имеющее несколько разных значений слово «мандаринский» (*Mandarin*).

Неофициальный язык чиновников-мандаринов

Известно, что на протяжении многих веков в Китае параллельно существовали два письменных языка [Чжан Чжунсин]. Официальный, по сути дела, письменный язык *вэньянь* (文言 *wényán*, 文言文 *wényánwén*, в работах на английском языке обычно «литературный» или «классический» китайский – *literary Chinese, Classical Chinese*) воспроизводил лексические и грамматические особенности памятников на древнекитайском языке. «Понятный язык» *байхуа* (白话 *báihuà*, 白话文 *báihuàwén*, он же «среднекитайский язык», англ. *vernacular written Chinese*) начал формироваться параллельно *вэньяню* в эпоху Тан (618–907 гг.) и в отличие от *вэньяня* существовал вне контроля государства [Кондратьева, 2012; Зограф, 1979, 1990]. В основе *байхуа* лежали находившиеся в реальном употреблении диалекты группы, которую сейчас называют в Китае «северной» или *гуаньхуа* (官话 *guānhuà*, букв. «язык чиновников», «говор чиновников»). Из официального обращения *байхуа* вытеснил *вэньянь* лишь к середине XX в., хотя элементы *вэньяня* по-прежнему присутствуют в современных текстах разного назначения.

Первоначально термин *гуаньхуа* появился в Китае как название стихийно сформировавшегося устного средства общения на северной, прежде всего столичной диалектной основе. В разной степени этим наддиалектным койне владели и пользовались образованные люди – главным образом, чиновники, которые к тому же по долгу службы активно перемещались по стране. Начало формирования «языка чиновников» относят к периоду правления на севере страны некитайских династий Ляо (907–1125 гг.) и Цзинь (1115–1234 гг.), соответственно южная и средняя столицы которых находились на месте современного Пекина. При монгольской династии Юань (1271–1368 гг.) Пекин (Даду) стал столицей всего Китая, и предшественник пекинского диалекта продолжал распространяться по стране. Позже достаточно долго сохранявшееся влияние на собственно пекинский вариант *гуаньхуа* оказало перемещение столицы в Нанкин (в то время Интяньфу) в начале правления династии Мин (1368–1644 гг.) и при той же династии обратно в Пекин [Чжан Чжунсин, с. 184–203]. В *путунхуа* остатки этого влияния до сих пор присутствуют в виде так называемых «литературных» вариантов чтений иероглифов. В целом под *гуаньхуа* мог подразумеваться не только его чисто столичный – пекинский, нанкинский или пекинско-нанкинский вариант, – но также другие достаточно устойчивые и системные местные разновидности, сложившиеся в диалектных районах [Линь Тао, с. 1–6]. Об этом, в частности, свидетельствует ряд зафиксировавших фонетику *гуаньхуа* корейских и европейских памятников [Coblin]. Несистемные, ломаные варианты «языка чиновников», существовавшие параллельно системным местным формам, в Китае называли «синими».

В западной миссионерской традиции термин «язык чиновников» первоначально употреблялся – так же, как в самом Китае, – применительно к общекитайскому койне на северной диалектной основе. Слово либо было заимствовано в его исходном китайском варианте, ср. *Quonhoa* у итальянского миссионера Маттео Риччи (1552–1610 гг.), либо было переведено как «мандаринский язык», «язык чиновников-мандаринов» – португ. *falla midarin*

(*falla mandarim*), исп. *la lengua mandarina* [Coblin]. Позже появились английские аналоги этого термина – *Mandarin language*, *Mandarin*. Слово «мандарин» (чиновник) при этом было заимствовано в западные языки из малайского, восходит к санскритскому слову «советник» и широко употреблялось европейцами в регионах Океании, Юго-Восточной и Восточной Азии. Применительно к юаньскому периоду в современных работах *гуаньхуа* иногда называют «раннемандаринским языком» (早期官话 *zǎoqī guānhuà*, *Early Mandarin*).

Позже в публикациях на английском языке термин «мандаринский» стал употребляться в качестве не только и не столько названия исторического койне на северной диалектной основе или же современных диалектов северной группы, но прежде всего в разных вариантах (*Mandarin*, *Mandarin Chinese*, *Standard Mandarin* – наряду с более точным *Modern Standard Chinese*) как термин для современного официального варианта китайского языка (он же *путунхуа*, или «общеупотребительный язык/говор» в континентальном Китае, «государственный язык» *гоюй* на Тайване и «язык этнических китайцев» *хуаюй* в Сингапуре) [Coblin; Weng]. В российской традиции слово «мандаринский» почти не употреблялось (ср., однако, пособие, опубликованное во Владивостоке в начале XX в. [Шмидт]). Тем не менее в современную эпоху доступности англоязычных публикаций его можно обнаружить без уточнения значения не только в русскоязычном интернете, но иногда также в профессиональных отечественных работах.

«Государственный язык» в истории Китая

Исторически термин «государственный язык» возник на территории Китая как название языков не китайских династий. В их числе был монгольский при династии Юань и маньчжурский при династии Цин, хотя письменным языком документов – параллельно с монгольским и маньчжурским – в эти периоды был *вэньянь* и в монгольский период частично *байхуа* [Норман, 1988, с. 133; Зограф, 1984]. Маньчжурский в качестве устного языка администрации использовался вплоть до правления императора Канси (1662–1722 гг.), но в дальнейшем бюрократические процедуры были постепенно китаизированы [Голиков]. В конце правления династии Цин в результате, в частности, контактов с западным миром и Японией была осознана необходимость распространения на государственном уровне единого устного китайского языка, без которого не мыслилась модернизация страны. В 1907 г. Министерство образования разработало программу преподавания в школе *гуаньхуа* в его столичном варианте, употреблявшемся образованными людьми в Пекине. В 1909 г. член Совещательной палаты при цинском императорском правительстве Цян Цзянь предложил переименовать *гуаньхуа* в «государственный язык» *гоюй* по японскому образцу [Софронов, 1979]. В этот период *гоюй* воспринимался как устный язык администрации и школы, в качестве официального письменного языка по-прежнему использовался *вэньянь*.

Общественное движение за переход с письменного *вэньяня* на современный вариант письменного *байхуа* развернулось после образования Китайской Республики в 1911 г. *Гюй* в этот период сохранил своё недавно введённое название и статус устного официального языка. В 1913 г. была разработана система нормативных чтений иероглифов, которая первоначально отражала некоторые особенности как пекинского, так отчасти и других диалектов [Софронов, 1979; Софронов, 2007, с. 327–335]. В числе этих отличительных черт был так называемый «входящий тон», который до сих пор сохраняется не только в пределах

южных диалектных групп, но также во многих диалектах группы *гуаньхуа* в бассейне Янцзы и в той шаньсийско-шэньсийской группе, которая была сравнительно недавно выделена из *гуаньхуа* и носит сейчас название Цзинь.

В 1932 г. нормативным чтением всё же стало пекинское, но при этом в различных регионах до сих пор считают, что столичный диалект лишь случайно победил другие разновидности китайского языка. Так, пользователи Интернета рассказывают о том, что Сунь Ятсен в своё время предложил руководству партии Гоминьдан положить в основу государственного языка Китайской Республики далеко отстоящий от пекинского кантонский (гуанчжоуский) диалект (он же гуандунский, относится к диалектам группы Юэ, которую также иногда называют кантонским диалектом). Пекинский, по мнению Сунь Ятсена, который сам был уроженцем провинции Гуандун и носителем кантонского диалекта, ассоциировался с маньчжурскими завоевателями. Он до сих пор обнаруживает влияние не только маньчжурского, но также монгольского и других неродственных и чуждых китайскому языков. Для победы над пекинским в борьбе за официальный статус кантонскому диалекту якобы не хватило всего одного голоса участвовавших в обсуждении гоминьдановцев [Сунь Чжуншань...].

После образования КНР была продолжена всё та же языковая политика, направленная на распространение в стране единого устного средства общения. При этом, во-первых, в 1955 г. на двух лингвистических конференциях в Пекине было принято решение заменить термин «государственный язык» на более «демократичный» термин *путунхуа*, и, во-вторых, включить в это понятие не только устную, но также письменную составляющую. Слово *путунхуа* при этом не было изобретено после образования КНР, уже в конце XIX в. оно появилось в обиходе перемещавшихся по стране торговцев. Тогда же об «общеупотребительном языке» писали некоторые китайские интеллектуалы, которые отмечали, что в Японии таким языком стал столичный токийский диалект. Позже этот же термин употребляли китайские левые литераторы и политики, в их числе были Лу Синь и один из создателей КПК Цюй Цюбо [Чжоу Югуан, с. 376; Ли Юймин, с. 333–334].

В КНР определение *путунхуа* было дано в Указании Госсовета 1956 г.: «Основа для единства китайского языка уже существует. Это *путунхуа*, фонетической нормой которого является пекинское произношение, основой – северные диалекты. Грамматические стандарты *путунхуа* отражены в образцовых произведениях, написанных на современном варианте письменного языка *байхуа*». В результате официальных преобразований 1950-х гг. слово *байхуа* стало употребляться только в своём историческом значении – вариант письменного языка прежних периодов. В первые годы существования КНР *путунхуа* иногда определяли также как «общий язык китайской нации» (汉民族的共同语 *hànmínzú de gòngtóngyǔ*).

От *путунхуа* – к «общеупотребительному в государстве» языку

С началом «реформ и открытости» реставрации термина *гоюй* в континентальном Китае не произошло, тем не менее слово «государство» вновь начинает активно употребляться в официальных документах в тесной связи с термином *путунхуа*. В 1982 г. языковые проблемы впервые упомянуты в тексте Конституции КНР, ст. 19 этого документа в буквальном переводе гласит: «Государство распространяет повсеместно употребляющийся в государстве *путунхуа*». С 1 января 2001 г. вступает в силу первый в истории страны «Закон

КНР об общеупотребительном в государстве языке и письменности» (в официальном английском переводе это тем не менее «Закон КНР о стандартном устном и письменном китайском языке») [Law...].

Во второй статье документа содержится разъяснение: «общеупотребительные в государстве язык и письменность» – это *путунхуа* и стандартное иероглифическое письмо. Далее словосочетание «общеупотребительные в государстве язык и письменность» и традиционный для КНР термин *путунхуа* употребляются в тексте соответственно ещё 22 и 13 раз. При этом под *путунхуа*, как это было в своё время с *гоюем*, скорее подразумевается устная форма официального языка. Так, «*путунхуа* является основным языком вещания на радио и телевидении», «*путунхуа* должен использоваться в качестве языка сферы обслуживания». Термин сохраняется также в названии введённого в 1994 г. устного «Теста на уровень знания *путунхуа*» и в традиционном для КНР словосочетании «распространять *путунхуа* и продвигать стандартную иероглифическую письменность».

Обобщающий термин «ханьский язык» присутствует только в той статье закона, где идёт речь о преподавании китайского языка иностранцам. Он же по-прежнему употребляется в названии введённой в 1958 г. латинизированной письменной системы «Ханьюй пиньинь», разработанной с учётом написания всех слогов *путунхуа* (букв. «Транскрипция для китайского языка», хотя фактически это латинизированная письменная система, параллельная иероглифической, но не транскрипция). Термин 汉语文 *hànyǔwén* «китайский язык и китайская письменность» присутствует, во-первых, в ст. 10, где идёт речь об учебных программах в самом Китае и о соответствующих учебных материалах, и, во-вторых, в ст. 11, регламентирующей язык современных печатных изданий на китайском языке. Два раза в тексте закона появляется традиционное слово со значением «письменный китайский язык» – 中文 *zhōngwén*, букв. «письмена Срединного [государства]» – в сочетании «письменные памятники на китайском языке» и там, где идёт речь о параллельных надписях на китайском и иностранных языках на вывесках, в объявлениях и т. п.

Современные термины в китайской диалектологии

Известно, что в европейской традиции различие между диалектами одного и того же языка и отдельными языками определялось по-разному в каждом конкретном случае с использованием лингвистических и экстралингвистических критериев. Так, очень близкие румынский и молдавский языки функционируют на территории двух разных государств. Сейчас оба записываются латиницей, но молдавский в прошлом пользовался кириллицей, соответствующие литературные варианты одно время несколько отличались друг от друга. Тем не менее некоторые языковеды не без оснований считают румынский и молдавский единым языком. Ещё один пример – два исторически бесписьменных памирских языка: сарыкольский и ваханский, – на которых в Китае говорят на западе Синьцзяна. В отечественном и западном языкознании они признаны отдельными языками, но в КНР считаются таджикским языком, а их носители – таджиками. Таджики КНР – это и есть носители сарыкольского и ваханского, но не таджикского языка [Эдельман; Чжоу Циншэн, с. 144]. Точно так же официальный в Республике Бурятия бурятский язык – это диалект монгольского языка в КНР [Актамов].

Китайские диалекты издавна были объединены общей государственностью, иероглифической письменностью и иероглифическими текстами. С учётом этого, а также психологического фактора (принадлежность китайцев-ханьцев к единой ханьской нации) в континентальном Китае (но не на Тайване) все диалектные группы считаются относящимися к общему «ханьскому языку». В то же время чисто лингвистически эти группы должны были бы считаться отдельными языками – как по своим расхождениям, в том числе лексическим, так и с точки зрения взаимопонимания, которое невозможно между представителями разных выделенных к настоящему времени диалектных групп.

По подсчётам Дж. Нормана, сделанным с учётом списка М. Сводеша из 100 слов, совпадение с пекинским диалектов, которые относятся к той же северной группе *гуаньхуа*, варьирует от 90 до 96 %; диалектов всех остальных групп кроме группы Минь – от 72 до 84 %; совпадение с пекинским различных диалектов Минь – от 50 до 60 %. Ср. аналогичные цифры совпадений внутри славянских, романских и германских языков, которые колеблются от 70 до 80 % [Norman, 2015].

Что касается взаимопонимания, то с недавнего времени всё чаще пишут, что даже носители разновидностей внутри одной и той же диалектной группы иногда с трудом понимают или вообще не понимают друг друга, как это недавно наблюдалось, например, в городе Ухань в разгар коронавирусной эпидемии. На большей части территории провинции Хубэй, административным центром которой является Ухань, распространены две подгруппы внутри диалектов группы *гуаньхуа* – юго-западная и подгруппа Цзянхуай, или подгруппа междуречья Янцзы и Хуайхэ. Только на юге, примыкающем к провинции Цзянси, говорят на диалектах ещё одной группы, Гань. В самом г. Ухань, объединившем три города, сосуществует несколько близких вариантов диалектов юго-западной подгруппы внутри группы *гуаньхуа*. И тем не менее врачам, направленным во время эпидемии в Ухань из Шаньдуна, лингвистически входящего в тот же ареал *гуаньхуа*, пришлось срочно подготовить разговорник – иначе они и другие приезжие врачи не могли объясняться с пациентами старшего возраста. Ещё один разговорник составил медик, прибывший также из района распространения диалектов *гуаньхуа*, – врач из команды города Цанчжоу, расположенного недалеко от Пекина в провинции Хэбэй. В середине февраля по инициативе хубэйского отдела образования в мобильной системе WeChat, которой пользуются в своих смартфонах уже более миллиарда жителей Китая, стал доступным устный и письменный перевод на *путунхуа* 156 слов и 75 фраз на разных диалектах населённых пунктов провинции Хубэй. В начале марта полицейские стали раздавать приезжим медикам распечатанное пособие по уханьскому диалекту [Wuhan...; Юань Э...].

В отношении локальных письменных традиций особое место среди китайских диалектов занимает кантонский (гуанчжоуский) диалект, который издавна использовался в качестве единого средства общения в ареале распространения диалектов группы Юэ. Появление первых текстов на кантонском диалекте датируют концом правления династии Мин (1368–1644 гг.), записи кантонской оперы появились в начале XX в. Современные тексты на кантонском могут как содержать элементы *путунхуа* и *вэньяня*, так и быть чисто разговорными местными [Dong]. Во всех этих текстах, которые широко распространены прежде всего в Гонконге – в рекламе, объявлениях, на вывесках, в Интернет-блогах, детских книгах и субтитрах фильмов – используются не только общекитайские, но также диалектные иероглифы, для которых, в частности, созданы специальные компьютерные кодировки

[Гутин]. При этом даже для общекитайских иероглифов в Гонконге и Макао, так же как на Тайване, не введены их упрощённые варианты, которые официально употребляются в континентальном Китае. Любые тексты записываются здесь только традиционными полными иероглифами, при том что в соседнем Гуанчжоу в пособиях по кантонскому диалекту местные иероглифы соседствуют с упрощёнными.

Остальные диалектные письменные традиции не столь развиты либо вообще отсутствуют. Тем не менее в последние годы китайцы, живущие за пределами континентального Китая, стали создавать в Википедии разделы не только на кантонском, но также на других диалектах. По данным на 2017 г., на первом месте по числу публикаций после *путунхуа* с 208 033 статьями стояли южноминьские диалекты (Миньнань), на которых, в частности, говорит большинство жителей Тайваня (в соответствии с официальной классификацией, принятой в КНР, Миньнань – это подгруппа внутри диалектов группы Минь; во многих классификациях за пределами Китая – отдельная группа, см., напр., [Яхонтов, 1966]). Кантонский диалект по числу статей (53 986) оказался на втором месте, но зато на первом по числу пользователей. На диалектах группы *хакка*, восточноминьских (Миньдун), а также на диалектах групп Гань и У было размещено соответственно 7423, 6432, 6388 и 5812 статей. При этом существенно, что иероглифическую письменность использовали только разделы на кантонском, Гань, У, а также в инкубированном разделе на диалектах Сян. Статьи остальных разделов – *хакка*, Миньдун и даже на диалекте Миньнань, иероглифические тексты на котором всячески продвигаются в последние годы на Тайване, участники Википедии смогли создать только в латинизированном варианте [Dong].

В современном континентальном языкознании западному термину «диалекты» соответствует состоящее из двух корней сложное слово 方言 *fāngyán*, ср. также 汉语方言 *hànyǔ fāngyán* «диалекты китайского, или ханьского, языка». Это слово, в частности, присутствует в многочисленных лингвистических публикациях, в «Законе об общегосударственном языке и письменности» 2001 г. или в диалектном томе двух изданий «Атласа языков Китая» – 1987 и 2012 гг. [Чжунго юйянь дитуцзи...]. В атласе всё ещё использованы традиционные местные названия диалектных групп, включающие морфемы 语 *yǔ* «язык» или 话 *huà* «язык, говор». В то же время начиная с 2017 г. в обзорных документах Министерства образования, ведающего языковой политикой и языковыми проблемами в КНР, эти термины были явно изменены и упорядочены [Чжунго юйянь взньцзы...]. К названиям всех групп, кроме недавно выделенной сравнительно малочисленной (7,78 млн говорящих) группы *пинхуа/мухуа*, добавлен термин «диалект, диалекты». Ср. примеры соответствующих терминов в атласе, с одной стороны, и в обзоре, опубликованном Министерством образования в 2019 г., с другой: 官话 *guānhuà* «гуаньхуа», «говор чиновников» – 官话方言 *guānhuà fāngyán* «диалекты *гуаньхуа*»; 晋语 *Jìnyǔ* «язык [государства] Цзинь» – 晋方言 *Jìn fāngyán* «диалекты [государства] Цзинь», 吴语 *Wúyǔ* «язык [государства] У» – 吴方言 *Wú fāngyán* «диалекты [государства] У», 客家话 *kèjiāhuà* «говор [народности] *хакка*» – 客家方言 *kèjiā fāngyán* «диалекты *хакка*».

В отечественном китаеведении сложившаяся начиная с 1930-х гг. система терминов была идентична той, которая употребляется сейчас в континентальном Китае: в китайском языке существуют группы диалектов, которые в свою очередь делятся на подгруппы и отдельные диалекты внутри подгрупп; ср. [Драгунов; Яхонтов, 1966, 1967; Янкивер]. Англоязычную

систему соответствующих терминов в 1991 г. призывал унифицировать и, в частности, ввести термин с универсальным значением «тополект» (*topolect*), проф. В. Маер [Mair]. Тем не менее в современных англоязычных текстах по-прежнему можно обнаружить разные термины для одних и тех же региональных разновидностей китайского языка – как «китайские диалекты» (*Chinese dialects*), так и «синитические языки» (*Sinitic languages*); ср., напр., статьи в двух англоязычных энциклопедиях, изданных в последнее десятилетие [Norman, 2015; Chappell, 2017]. Более того, в постсоветский период на одной и той же странице «Большой российской энциклопедии» появились две статьи на одну и ту же тему – «Китайский язык» и «Китайские языки» (синитские, синитические языки) [Завьялова; Коряков].

***

Унификации терминов в китайском языкознании как в самом Китае, так и в разных странах за его пределами, таким образом, не произошло даже в век Интернета и информационных технологий. Это объясняется как необыкновенным разнообразием китаезычного мира – историческим и современным, так и неодинаковой историей китаеведного языкознания в разных регионах за пределами Китая, в том числе в нашей стране, с одной стороны, и на Западе, с другой. Пожалуй, наиболее существенные изменения в самом Китае на протяжении прошлого и в начале текущего столетия претерпевали те термины, которые используются в отношении официального китайского языка, восходящего к историческому наддиалектному «языку чиновников». Ориентированный прежде всего на столичный пекинский диалект, он стал «государственным языком» в конце правления династии Цин, демократическим «общеупотребительным языком/говором» после образования КНР, тем же «общеупотребительным языком» и одновременно «общеупотребительным в государстве языком» с началом экономического и интеллектуального возрождения Китая в период «реформ и открытости». В дополнение к этому впервые в истории китайского языкознания в последние годы предпринята попытка унифицировать в самом Китае систему терминов в отношении китайских диалектных групп, которые считаются отдельными языками на Тайване и часто называются «синитическими языками» в западных работах. В новейших официальных публикациях девять из десяти групп впервые чётко терминологически обозначены как современные диалекты внутри единого китайского (ханьского) языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Актамов И.Г. Этноязыковые процессы в многонациональных государствах: общемировые тенденции и государственная общеобразовательная политика (на примере Республики Бурятия РФ и АРВМ КНР) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 1. С. 3–9.

Голиков А.П. Власть и язык в политике Цинской империи // Общество и государство в Китае. Т. XLIII, ч. 1. М.: ИВ РАН, 2013. С. 278–287.

Гутин И.Ю. Языковая ситуация в Специальном административном районе Гонконг КНР и политика властей в сфере языка // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 2 (68). С. 79–83.

Драгунов А.А., Драгунова Е.Н. К латинизации диалектов центрального Китая. Диалекты Сянтань и Сянсян // Известия Академии наук СССР (Отделение общественных наук). 1932. Т. VII/3. С. 240–269.

Завьялова О.И. Китайский язык // Большая российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2009. С. 173–176.

Зограф И.Т. Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). М.: Наука, ГРВЛ, 1979.

Зограф И.Т. Монгольско-китайская интерференция (язык монгольской канцелярии в Китае). М.: Наука, ГРВЛ, 1984.

Зограф И.Т. Официальный *вэньянь*. М.: Наука, ГРВЛ, 1990.

Кондратьева Е.Б. Судьба *вэньяня* после Синьхайской революции // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 176–182.

Коряков Ю.Б. Китайские языки (синитские, синитические языки) // Большая российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2009. С. 173.

Ли Юймин. Чжунго юйянь гуйхуа лунь : [О языковом планировании в Китае]. Чанчунь: Дунбэй шифань дасюэ чубаньшэ, 2005.

Линь Тао. Путунхуа юй бэйцзинхуа : [Путунхуа и пекинский диалект]. Пекин: Юйвэнь чубаньшэ, 2000.

Софронов М.В. Китайский язык и китайское общество. М.: Наука, 1979.

Софронов М.В. Китайский язык и китайская письменность: курс лекций. М.: АСТ, 2007.

Сунь Чжуншань бэньлай сянь ба Юэюй цзо гуаньфан юйянь ма? : [Сунь Ятсен на самом деле хотел сделать кантонский диалект официальным языком?]. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/299854499.html> (дата обращения: 26.08.2020).

Сяньдай ханьюй цыдянь : [Словарь современного китайского языка]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2016.

Юань Э иляодуй цзиньци бяньцзуань «фанъянь баодянь», Ухань фанъянь хэнь нань дун ма? : [Медики, направленные в провинцию Хубэй, срочно создали «драгоценное диалектное пособие», речь на уханьском диалекте очень трудно понимать?]. URL: <http://moment.rednet.cn/pc/content/2020/02/12/6715847.html> (дата обращения: 27.08.2020).

Чжан Чжумэй. Шилунь Миндай цяньци Наньцзинхуа дэ юйянь дивэй : [О языковом статусе нанкинского диалекта начального периода династии Мин] // Цзиньдай гуаньхуа юйинь яньцзю : [Исследования фонетики *гуаньхуа* нового времени]. Пекин: Юйвэнь чубаньшэ, 2007. С. 184–203.

Чжан Чжунсин. Вэньянь хэ байхуа : [Вэньянь и байхуа]. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2007.

Чжоу Циншэн. Куацзин шаошу миньцзу юйянь чжуанкуан : [Ситуация с трансграничными языками национальных меньшинств] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2013 : [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2013 г.]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2013. С. 141–152.

Чжоу Югуан. Модернизация китайского языка и письменности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае. М.: Прогресс, 1989. С. 376–398.

Чжунго юйянь дитуцзи (Ханьюй фанъянь цзюань) : [Атлас языков Китая (Китайские диалекты)]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2012.

Чжунго юйянь вэньцзы гайкуан : [Обзор ситуации с языком и письменностью в Китае]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/wenzi/201903/t20190311_372965.html (дата обращения: 27.08.2020).

Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя тунъюн юйянь вэньцзы фа : [Закон Китайской Народной Республики об общеупотребительных в государстве языке и письменности]. URL: http://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-08/31/content_27920.htm (дата обращения: 10.08.2020).

Шмидт П. Опыт мандаринской грамматики с текстом для упражнений. Пособие к изучению разговорного китайского языка пекинского наречия. Владивосток: типография т-ва Сущинский и К°, 1902.

Эдельман Д.И. Проблема «язык или диалект» при отсутствии письменности (на материале памирских языков) // Лингвистическая география, диалектология и история языка. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1976. С. 85–93.

Янкивер С.Б. Гуанчжоуский (кантонский) диалект китайского языка. М.: Наука, 1987.

Яхонтов С.Е. Классификация диалектов китайского языка // Исследования по филологии стран Азии и Африки. Л., 1966. С. 121–128.

Яхонтов С.Е. Географическое распространение диалектов китайского языка // Вестник ЛГУ. № 2. Серия истории, языка, литературы. Вып. 1. 1967. С. 76–82.

Chappell Hilary. Mandarin and other Sinitic languages // Encyclopedia of the Chinese language. Oxford: Routledge, 2017: 605–628.

Coblin W. South. A brief history of Mandarin // Journal of the American Oriental Society, 120 (4): 537–552.

Dong Hongyuan. Language policy, dialect writing and linguistic diversity // Proceedings of the 29th North American conference on Chinese linguistics, 2, Memphis: University of Memphis, 2017: 463–480.

Klöter Henning. Missionary linguistics // Encyclopedia of Chinese language and linguistics, vol. 3, Leiden, Boston: Brill, 2017: 41–46.

Law on the Standard Spoken and Written Chinese Language of the People's Republic of China. URL: http://en.moe.gov.cn/Resources/Laws_and_Policies/201506/t20150626_191388.html (дата обращения: 26.08.2020).

Mair Victor H. What is a Chinese “dialect/topolect”? Reflections on some key Sino-English linguistic terms // Sino-Platonic Papers, 1991, 29: 1–31.

Norman Jerry. Chinese. Cambridge University Press, 1988.

Norman Jerry. Classification of Chinese Dialects // Encyclopedia of Chinese language and linguistics, Brill Online, 2015. URL: http://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopedia-of-chinese-language-and-linguistics/classification-of-chinese-dialects-COM_00000090 (дата обращения: 20.12.2015).

Weng Jeffrey. What is Mandarin? The social project of language standardization in early republican China // The Journal of Asian Studies, 2018: 1–23.

Wuhan dialect guidebook for medical teams goes viral online. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-02/11/c_138774582.htm (дата обращения: 15.08.2020).

REFERENCES

Aktamov I.G. (2015). Etnoyazykovye protsessy v mnogonatsional'nykh gosudarstvakh: obshchemirivye tendentsii i gosudarstvennaya obshcheobrazovatel'naya politika (na primere Respubliki Buryatiya i ARVM KNR) [Ethno-linguistic processes in multinational countries: common

tendencies and the official education policy (on the example of the Republic of Buryatia and Inner Mongolia)], *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, 1: 3–9. (In Russian).

Chappell Hilary. (2017). Mandarin and other Sinitic languages, *Encyclopedia of the Chinese language*, Oxford: Routledge: 605–628.

Coblin W. South. (2000). A brief history of Mandarin, *Journal of the American Oriental Society*, 120 (4): 537–552.

Dong Hongyuan. (2017). Language policy, dialect writing and linguistic diversity, *Proceedings of the 29th North American Conference on Chinese Linguistics*, 2, Memphis: University of Memphis: 463–480.

Dragunov A.A., Dragunova E.N. (1932). К latinizatsii dialektov tsentral'nogo Kitaya. Dialekty Syantan' i Syansyan [On the Latinization of the dialects of Central China. The Xiangtan and Xiangxiang dialects], *Izvestiya Akademii nauk SSSR (Otdelenie obshchestvennykh nauk)*, VII/3: 240–269. (In Russian).

Edelman D.I. (1976). Problema “yazyk ili dialect” pri otsutstvii pis'mennosti (na materiale pamirskikh yazykov) [The “dialect/language” problem in case of the absence of a writing system (on the example of the Pamir languages)], *Lingvisticheskaya geografiya, dialektologiya i istoriya yazyka* [Language geography, dialectology and language history], Yerevan: Izdatel'svo AN Armyanskoy SSR: 85–93. (In Russian).

Golikov A.P. (2013). Vlast' i yazyk v politike Tsinskoy imperii [Government and language in the Qing Empire's policy], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, XLIII (1): 278–287. (In Russian).

Gutin I.Yu. (2018). Yazykovaya situatsiya v Spetsial'nom administrativnom rayone Gonkong KNR i politika vlastey v sfere yazyka [Language situation in the Hong Kong Special Administrative Region of the PRC and the official language policy], *Mezhdunarodniy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2 (68), 79–83. (In Russian).

Klötter Henning. (2017). Missionary linguistics, *Encyclopedia of Chinese language and linguistics*, vol. 3, Leiden, Boston: Brill: 41–46.

Kondrat'eva E.B. (2012). Sud'ba ven'yanya posle Sin'khayskoy revolyutsii [Classical Chinese after the Xinhai Revolution], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2: 176–182. (In Russian).

Koryakov Yu.B. (2009). “Kitayskie yazyki (sinitkiye, siniticheskiye yazyki)” [Chinese languages (Sinitic languages)], *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia], Moscow: Great Russian Encyclopedia: 173. (In Russian).

Li Yuming (2005). *Zhonguo yuyan guihua lun* [On language planning in China], Changchun: Dongbei shifan daxue chubanshe. (In Chinese).

Lin Tao. (2000). *Putonghua yu Beijinghua* [Putonghua and the Beijing dialect], Beijing: Yuwen chubanshe. (In Chinese).

Law on the Standard Spoken and Written Chinese Language of the People's Republic of China. URL: http://en.moe.gov.cn/Resources/Laws_and_Policies/201506/t20150626_191388.html (accessed: 26 August 2020).

Mair Victor H. (1991). What is a Chinese “dialect/topolect”? Reflections on some key Sino-English linguistic terms, *Sino-Platonic Papers*, 29: 1–31.

Norman Jerry. (1988). *Chinese*, Cambridge University Press.

Norman Jerry. (2015). Classification of Chinese dialects, *Encyclopedia of Chinese language and linguistics*, Brill Online. URL: <http://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopedia-of->

chinese-language-and-linguistics/classification-of-chinese-dialects-COM_00000090 (accessed: 20 December 2015).

Shmidt Pyotr (Šmits, Pēteris). (1902) *Opyt mandarinskoy grammatiki s tekstom dlya uprazhneniy. Posobie dlya izucheniya razgovornogo kitayskogo yazyka pekinskogo narechiya* [An essay on Mandarin grammar with a text for exercises. A manual for studying the Pekingese variant of spoken Chinese], Vladivostok: Sushchinskiy and K°. (In Russian).

Sofronov M.V. (1979). *Kitayskiy yazyk i kitayskoe obshchestvo* [Chinese language and Chinese society], Moscow: Nauka. (In Russian).

Sofronov M.V. (2007). *Kitayskiy yazyk i kitayskaya pis'mennost': kurs lektsiy* [Chinese language and Chinese script: lectures], Moscow: AST. (In Russian).

Sun Zhongshan benlai xiang ba Yueyu zuo guanfang yuyan ma? [Did Sun Yat-sen really plan to make Cantonese the official language?]. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/299854499.html> (accessed: 26 August 2020). (In Chinese).

Weng Jeffrey. (2018). What is Mandarin? The social project of language standardization in early republican China, *The Journal of Asian Studies*: 1–23.

Wuhan dialect guidebook for medical teams goes viral online. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-02/11/c_138774582.htm (accessed: 15 August 2020).

Xiandai Hanyu cidian [Modern Chinese dictionary], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2016. (In Chinese).

Yankiver S.B. (1987). Guanchzhouskiy (kantonskiy) dialekt kitayskogo yazyka [The Guangzhou (Cantonese) dialect of the Chinese language], Moscow: Nauka. (In Russian).

Yakhontov S.E. (1966). Klassifikatsiya dialektov kitayskogo yazyka [Classification of the Chinese dialects], *Issledovaniya po filologii stran Azii i Afriki* [Studies on the philology of the countries of Asia and Africa], Leningrad: Leningradskiy gosudarstvenniy universitet: 121–128. (In Russian).

Yakhontov S.E. (1967). Geograficheskoe rasprostranenie dialektov kitayskogo yazyka [Geographic distribution of the Chinese dialects], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta (Istoriya, yazyk, literatura)*, I/2: 76–82. (In Russian).

Yuan E yiliaodui jinji bianzuan “fangyan baodian”, Wuhan fangyan hen nan dong ma? [A medical team aiding Hubei urgently compiled a “precious” dialect guidebook, is it difficult to understand the dialect of Wuhan?]. URL: <http://moment.rednet.cn/pc/content/2020/02/12/6715847.html> (accessed: 27 August 2020). (In Chinese).

Zavyalova O.I. (2009). Kitayskiy yazyk [Chinese language], *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia], Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya: 173–176. (In Russian).

Zhang Zhumei. (2007). Shilun Mingdai qianqi Nanjinghua de yuyan diwei [On the language status of the Nanjing dialect in the early Ming period], *Jindai Guanhua yuyin yanjiu* [Studies in the Early Mandarin phonetics], Beijing: Yuwen chubanshe: 184–203. (In Chinese).

Zhang Zhongxin. (2007). Wenyan he baihua [Classical and written vernacular Chinese], Beijing: Zhonghua shuju. (In Chinese).

Zhongguo yuyan dituji (Hanyu fangyan juan) [Language atlas of China (Chinese dialects)], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2012. (In Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo guojia tongyong yuyan wenzi fa [The law of the People's Republic of China on the nationwide language and script]. URL:

http://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-08/31/content_27920.htm (accessed: 10 August 2020). (In Chinese).

Zhongguo yuyan wenzi gaikuang [A review of the situation with language and script in China]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/wenzi/201903/t20190311_372965.html (accessed: 27 August 2020). (In Chinese).

Zhou Qingsheng. (2013). Kuajing shaoshu minzu yuyan zhuangkuang [On the transborder languages of national minorities], *Zhongguo yuyan shenghuo zhuangkuang baogao 2013* [Language situation in China: 2013], Beijing: Shangwu yinshuguan: 141–152. (In Chinese).

Zhou Youguang. (1989). Modernizatsiya kitayskogo yazyka i pis'mennosti [Modernization of the Chinese language and script], *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [Latest studies in foreign linguistics], XXII (Linguistics in China), Moscow: Progress: 376–398. (In Russian).

Zograf I.T. (1979). Srednekitayskiy yazyk (Stanovlenie i tendentsii razvitiya) [Middle Chinese (Formation and development tendencies)], Moscow: Nauka, GRVL. (In Russian).

Zograf I.T. (1984). Mongol'sko-kitayskaya interferentsiya (yazyk mongol'skoy kantselyarii v Kitae), [Mongolian-Chinese language interference (the language of the Mongolian documentation in China)], Moscow: Nauka, GRVL. (In Russian).

Zograf I.T. (1990). Ofitsial'niy ven'yan' [Official Classical Chinese], Nauka, GRVL. (In Russian).

Поступила в редакцию 04.09.2020

Received 4 September 2020

Для цитирования: Завьялова О.И. Китайский язык: термины в XXI веке // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 3. С. 65–78. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10019

For citation: Zavyalova O.I. (2020). Kitajskij yazyk: terminy v XXI veke [Chinese language: terminology in the 21st century], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 3: 65–78. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10019

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10020

Система государственного управления КНР в период смены генеральной линии (середина 1950-х – конец 1950-х годов)

В.Ф. Бородич

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования системы государственного управления КНР после принятия в 1954 г. Конституции КНР и заканчивая 2-й сессией VIII съезда КПК, проходившей в мае 1958 г. Автор анализирует стратегически важные факторы, оказавшие влияние на этот процесс, прослеживает возникновение характерных для государственного управления КНР черт и особенностей, объясняет природу института партийных групп в руководящих органах государственных структур. Исследование показывает, что система государственного управления формировалась как продукт борьбы двух подходов к руководству страной: созидательного, научно обоснованного, опирающегося на знание и опыт Советского Союза, и деструктивного, ориентированного на укрепление режима личной власти Мао Цзэдуна методами идеологического, морально-психологического воздействия и административного давления на население и кадровых работников.

Ключевые слова: система государственного управления, Госсовет, Конституция КНР, генеральная линия, VIII съезд КПК, режим личной власти Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Дэн Сяопин.

Автор: Бородич Владимир Фёдорович, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: borodich@rambler.ru

PRC governance system during the period of general line change (mid 1950s – late 1950s)

V.F. Borodich

Abstract. The article examines the process of the formation of the system of public administration of the PRC in the period after the adoption of the Constitution of the PRC in 1954 and ending with the 2nd session of the VIII Congress of the CPC, held in May 1958. The author analyzes the strategically important factors that influenced this process, traces the emergence of features and characteristics, specific for the PRC public administration, explains the nature of the institution of party groups in the governing bodies of state structures. The study shows that the system of public administration was formed as a product of the struggle between two approaches to governing the country – creative, scientifically grounded and based on the knowledge and experience of the Soviet Union, and destructive, focused on strengthening the personal power regime of Mao Zedong by methods of ideological, moral and psychological influence and administrative pressure on the population and personnel.

Keywords: the system of government, the State Council, the PRC Constitution, the general line, the VIII Congress of the CPC, the personal power regime of Mao Zedong, Liu Shaoqi, Deng Xiaoping.

Author: *Borodich Vladimir F.*, Leading Researcher, Center for Political Research and Forecasts, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (address: 117997, Moscow, Nakhimovsky pr-t, 32). E-mail: borodich@rambler.ru

С созданием 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики перед КПК, одержавшей победу в гражданской войне над Гоминьданом, остро встал вопрос о формировании новой системы государственной власти, включавшей систему административных органов. КПК, провозгласившая себя правящей партией, обладала набором отдельных, не взаимосвязанных, управленческих ресурсов, лишь частично соответствующих сложности задач, возникших перед новой властью. Она располагала кадрами и управленческим опытом, приобретённым за время контроля над отсталыми территориями страны в 20–40-е гг. XX в.; определёнными знаниями о том, как управляли гоминьдановские власти более развитыми районами Китая, власти Маньчжоу-го – северо-восточными провинциями страны, а японские оккупационные войска территориями, оккупированными ими в ходе японо-китайской войны 1937–1945 гг. Помимо этого в распоряжении руководства КПК был пример организации государственного управления в СССР, а также конкретная поддержка Советского Союза, в том числе помощь, оказываемая китайским коммунистам в приграничных с СССР территориях Северо-Востока Китая – самого индустриально развитого, наряду с Восточным Китаем, региона страны.

Руководству КПК предстояло одновременно решать несколько стратегических задач: контролировать территорию, управление которой до провозглашения КНР осуществлялось по-разному; обеспечивать функционирование экономики, находившейся в отсутствие единого рынка в плачевном состоянии после антияпонской и гражданской войн; представлять Китай на международной арене, прежде всего, в отношениях с СССР и США.

С принятием в 1954 г. Конституции КНР и Закона об организации Госсовета система государственного управления или (что одно и то же) государственного администрирования КНР обрела фундаментальную правовую основу, позволявшую ей, при благоприятном стечении обстоятельств, развиваться в соответствии с потребностями решения стратегических задач, определяемых правящей партией. Государственное администрирование, реализующее политическую волю власти и отражающее сложившиеся властеотношения, находилось под влиянием ряда обстоятельств, в первую очередь:

- объективной потребности в администрировании государственной политики, в фокусе которой находилась генеральная линия КПК;

- разрозненности политической воли, что ставило формирование системы государственного управления в зависимость от внутривластной борьбы;

- недостатка профессионально подготовленных кадров для работы в структурах государственного управления на всех уровнях;

- различного отношения групп руководства КНР, отдельных начальников её партийно-государственного аппарата к СССР, его экономической и военно-политической помощи, идейно-политическим знаниям, опыту и практике государственного администрирования;

- недостаточным влиянием КПК, которая с конца 1920-х гг. действовала исключительно в малонаселённых и отдалённых от крупных городов районах Китая, на

умонастроения и политическое сознание образованной части китайского общества. Такое положение не только оставляло эту часть общества за пределом рекрутинговой базы, которая должна была питать органы государственной власти и все горизонты системы государственного администрирования, но затрудняло формирование массового политического сознания, ориентированного на социалистическую идеологию. Объективно данное обстоятельство способствовало гипертрофированному развитию методов администрирования в политике и управлении, ориентированных не на разум и логику, а на бессознательную веру. К числу таких методов относились идеологические кампании, «чистки», публичная критика и самокритика и др.

Каждое из перечисленных обстоятельств по-своему отразилось на формировании и функционировании системы государственного управления, которая, как показали события второй половины 1950-х гг., равно и двух последующих десятилетий политической истории КНР, сохраняла способность стабилизировать политические пертурбации, ставившие под угрозу китайскую государственность.

В 1952 г., как следует из документов VIII съезда КПК (15–27 сентября 1956 г.), генеральная линия КПК была определена так: «в течение довольно длительного времени постепенно осуществить социалистическую индустриализацию страны и постепенно провести социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли» [Материалы VIII Всекитайского съезда, с. 10]. Указанные преобразования были рассчитаны на три пятилетки (с 1953 по 1967 гг.) [Ганшин, с. 51]. Очередным шагом в строительстве системы государственных административных органов, на которые должно было лечь администрирование провозглашённого генеральной линией курса, стало преобразование Государственного административного совета (ГАС) в Госсовет КНР, которому передавался объём полномочий, близкий к полномочиям Центрального народного правительства образца 1949 г., частью которого был ГАС [Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань...]. Закон об организации Госсовета 1954 г. в соответствии с практикой первых лет КНР предусматривал:

– министерства занимаются госадминистрированием в определённых сферах, прежде всего, в экономике;

– министерства и комитеты работают по принципу прямого подчинения, т. е. управляют предприятиями и сферами на местах совместно с локальными органами администрирования по схеме – центр – основа, местные органы – дополнение;

– комитеты должны вырабатывать для министерств руководящий курс, нормативные правила, меры стимулирования и инспектирования;

– решениями комитетов должны руководствоваться соответствующие местные правительства различных уровней [Шэнь Бинь...].

После преобразования ГАС в Госсовет в составе последнего не оказалось Политико-юридического комитета, Финансово-экономического комитета и Комитета культуры и образования. В помощь различным министерствам было образовано 8 канцелярий: политическая, по культуре и образованию, тяжёлой промышленности, лёгкой промышленности, финансам и торговле, транспорту, сельскому и лесному хозяйству, преобразованию собственности. Была реорганизована структура отдельных министерств и комитетов, вместо Комитета народного контроля образовано Министерство контроля, упразднены Министерство кадров, Комитет законодательных предположений, Комитет по

ликвидации неграмотности. Были сформированы Министерство обороны, Комитет государственного строительства, Министерство местной промышленности. Госсовет учредил 20 органов прямого подчинения, среди которых Статистическое управление, Палата мер и весов, Управление гражданской авиации, Управление по делам религии и др. Управления обладали меньшим объёмом полномочий и были призваны осуществлять администрирование на участках и направлениях, представлявшихся актуальными и перспективными в свете генеральной линии. Государственный комитет планирования был преобразован в министерство¹, Академия наук была выведена из структуры рабочих органов Госсовета и получила статус Государственного Высшего научного органа. После реорганизации 1954 г. в Госсовете насчитывалось 64 структурных подразделения [Чжунго дабайкэ цюаньшу, с. 495].

На формирование системы государственного управления оказывали сильное влияние не только установки генеральной линии. В стране происходили неупорядоченные внутривластные процессы, вызванные продолжением противоборства сторонников постепенных, в соответствии с генеральной линией, социально-экономических преобразований, центральной фигурой которых был Лю Шаоци, и группой руководителей, адептов мобилизационного подхода, ориентирующихся на Мао Цзэдуна и выступавших за ускоренные общественно-экономические трансформации. Источник противостояния крылся в различной политической ориентации лидеров этих групп. Высший состав партийных и государственных кадров-сторонников Лю Шаоци в значительной мере составляли лица, напрямую соприкоснувшиеся с политической теорией и практикой СССР, ставившие на первое место в своём мировоззрении марксизм-ленинизм как учение о строительстве нового общества. Будучи интернационалистами, они полагали, что происходящие в Китае исторические события являются составной частью мирового революционного процесса. Не отвергая своеобразия исторического пути своей страны, они считали, что для становления Китая как социалистического государства теоретическую основу и практический пример предлагает СССР. Он же реально помогает экономически и политически, обеспечивает гарантию от военных угроз государственности. Позиция данной группы руководителей отличалась в связи с этим прагматизмом, нацеленностью на созидательные усилия в политике, экономике и культуре. В сфере государственного управления именно прагматический подход обеспечил конструктивность структурно-организационных и кадровых решений, их правовое закрепление.

Группу сторонников Мао объединяла приверженность режиму личной власти Мао Цзэдуна как главного условия пребывания на руководящих постах. В рамках такого устройства, который Мао Цзэдун практиковал в доступных ему масштабах всю свою политическую карьеру, неоднократно менялись его политические предпочтения и установки. Любое политическое решение просчитывалось им в одном ракурсе – позволит ли оно сохранить роль главного политика страны. В таких условиях сформулированная в 1952 г. генеральная линия, предполагавшая теоретические, политико-организационные и управленческие рамки, включая, в частности, роль «младшего брата» в отношениях с СССР,

---

¹ Возможно, Шэнь Бинь имеет в виду повышение статуса Госплана до уровня министерства, а не преобразование его в министерство. Госплан в других источниках и до, и после 1954 г. сохраняет это название. См., например: [Проблемы планового управления, с. 83].

была крайне неудобна для режима личной власти Мао Цзэдуна. Неудивительно, что он и его сторонники прокладывали курс на замену «неудобных» политических рамок удобными.

Обе группы отличало принципиально разное отношение к обоснованию решений по вопросам государственной политики и администрирования. Лица, которых можно отнести к первой группе, считали научное обоснование обязательным условием принятия решений, а при недостатке собственного знания и опыта – допустимым заимствование недостающего извне, прежде всего, у СССР как первого и успешно развивающегося социалистического государства. Сторонники Мао Цзэдуна во главу угла ставили политическую волю первого лица в партии и нигилистическое отношение к научному обеспечению государственных политических решений. Апробированному опыту обоснованию государственных решений они противопоставляли апелляцию к отдельным теоретическим положениям марксизма, в частности, установку на «продолжение классовой борьбы при диктатуре пролетариата» использовали и для периода времени после установления народной власти. Созидательному подходу к политике и государственному управлению эта группа на всём протяжении властвования Мао Цзэдуна противопоставляла подход разрушительный. Неслучайно восстановление и развитие экономики страны происходили, когда Мао Цзэдун не держал в руках главные нити управления государственной политикой – это период 1949–1956 гг. и наступивший после его смерти в 1976 г.

Формирование организационных управленческих структур и рекрутирование управленческих кадров было частью внутривластного противоборства. В нём Мао Цзэдун использовал созданные им и его сторонниками позиции, позволявшие контролировать организационно-партийную и организационно-кадровую работу в партийных и правительственных структурах. Так, его бывший личный секретарь Ань Цзывэнь [Ледовский, с. 144] с 1945 г. занимал ответственные посты по работе с кадрами в ЦК КПК, в 1950–1954 гг. возглавлял Министерство по делам кадров Центрального народного правительства (кит. 中央人民政府人事部), являясь одновременно секретарём партийной организации этого Министерства и первым секретарём парткома органов прямого подчинения Центрального народного правительства (кит. 中央人民政府直属机关党委). В 1955–1956 гг. он по совместительству занимал пост первого секретаря партийной организации центральных государственных органов (кит. 中央国家机关党委), а с ноября 1956 г. по август 1966 г. беспрерывно руководил работой Орготдела ЦК КПК [Ань Цзывэнь...]. В 1954–1956 гг. работу Орготдела ЦК КПК возглавлял Дэн Сяопин, пользовавшийся доверием обеих противоборствующих групп и в связи с этим стремительно поднимавшийся по карьерной лестнице. Его предшественником был Жао Шуши, до назначения на этот пост возглавлявший партийные и государственные структуры промышленного Восточного региона с центром в Шанхае, деятель, близкий к Лю Шаоци. Вместе с Гао Ганом, руководителем другого промышленно развитого региона – Северо-Восточного Китая – Жао Шуши стал объектом преследования по обвинению в «заговорщической деятельности с целью захвата руководства в партии и государстве». На Всекитайской партийной конференции в марте 1955 г. Дэн Сяопин выступал от имени ЦК КПК с докладом «Об антипартийном блоке Гао Гана – Жао Шуши» [Ледовский, с. 149]. «Персональные дела» и «чистки» руководителей высокого ранга и кадровых работников партийно-государственного аппарата всех ступеней, следуя традиции кампаний по

«упорядочению стиля» первой половины 1940-х гг., широко использовались сторонниками Мао Цзэдуна в борьбе за его волевое решение – перевод генеральной линии КПК на рельсы ускорения социально-экономических преобразований за счёт идеологического, морально-психологического воздействия на кадровых работников и народ, а также за счёт административного нажима.

В борьбе со своими оппонентами Мао Цзэдуну, по его признанию, пришлось сталкиваться с тем, что партгосаппарат умел переводить начатые им кампании с направления эгалитарной утопии в русло практического применения. Неоднократно он высказывал мысль о том, что партгосаппарат работает главным образом ради собственного самосохранения [Барач Денеш, с. 166].

С конца 1955 г. противники конституционно утверждённой генеральной линии стали продвигать в качестве альтернативы лозунг Мао Цзэдуна: «Строить социализм по принципу – больше, быстрее, лучше, экономнее» [Новейшая история Китая (1917–1970), с. 279]. Лозунг фактически призывал к пересмотру генеральной линии и служил средством консолидации её противников. Сторонники Мао Цзэдуна шаг за шагом добивались решений, вопреки букве и духу генеральной линии, о форсировании преобразований в социально-экономической сфере. Внешне такие решения могли не трактоваться как отказ от генеральной линии КПК в переходный период, однако они шли с ней вразрез фактически. На 6-м пленуме ЦК КПК в октябре 1955 г. было принято решение об ускоренном кооперировании деревни. Поставленная задача была решена не постепенно, а уже до конца 1956 г., когда около 1 млн производственных кооперативов объединили 96,3 % крестьянских дворов [Ганшин, с. 55].

Одновременно методами прямого администрирования проходило преобразование кустарного производства. К концу 1956 г. кооперированием было охвачено 92 % кустарей [Ганшин, с. 56]. В течение осени 1955 – весны 1956 гг. путём перевода частных предприятий в смешанные и государственно-частные было завершено преобразование частного сектора промышленности. Смешанные производства фактически перешли в полное распоряжение государства, частная собственность была национализирована за соответствующий выкуп. Бывшим владельцам предоставили право на фиксированный процент (5 %), позволяющий жить на нетрудовые доходы. Вместе с тем часть бывших владельцев трудоустроивалась на принадлежащих им ранее предприятиях, что обеспечивало возможность использовать их управленческий опыт [Ганшин, с. 56–57].

Вся система государственного управления испытывала колоссальное напряжение, потому что ей приходилось ориентироваться на противоречивые критерии работы. Финансово-экономический блок Госсовета, находившийся на острие реализации политических решений, не согласующихся с генеральной линией, реагировал на события 1955–1956 гг. наибольшими структурными переменами: были упразднены министерства тяжёлой промышленности и топливной промышленности, из их состава образованы Министерство металлургической промышленности, Министерство химической промышленности, Министерство строительных материалов, Министерство угольной промышленности, Министерство электроэнергетической промышленности, Министерство нефтяной промышленности, Министерство лесной промышленности и 2-е Министерство промышленности (атомная отрасль). Кроме того, сформированы другие министерства и органы прямого подчинения Госсовету. Одновременно с этим были упразднены

Министерство местной промышленности и 3-е Министерство машиностроения. В 1956 г. для улучшения руководства работой по планированию был создан в дополнение к Госплану Государственный экономический комитет (ГЭК). К ведению Госплана было отнесено составление и реализация средне- и долгосрочных планов, а к епархии ГЭК – организация текущего планирования [Проблемы планового управления, с. 83]. После реорганизации Госсовет насчитывал 81 структурную единицу: 48 министерств, 24 органа прямого подчинения, 8 канцелярий и Секретариат, в функции которого входило ведение текущих дел, документооборота и распоряжение печатями [Чжунго дабайкэ цюаньшу, с. 495].

В 1956–1958 гг. Госсовет КНР функционировал в условиях, когда внутривластная борьба достигла высшего накала. Сторонники генеральной линии взяли верх на VIII съезде КПК, прошедшем в сентябре 1956 г. Из Устава КПК, принятого на съезде по докладу Дэн Сяопина, ставшего к тому времени членом Политбюро ЦК, было, в частности, исключено положение об определяющей роли идей Мао Цзэдуна, а идеологической основой КПК провозглашён марксизм-ленинизм. Решение, вполне вероятно, было принято под влиянием развенчания культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Детальную информацию об этом Мао Цзэдун получил от Дэн Сяопина, бывшего на съезде в составе делегации КПК и возвратившегося в Китай сразу после доклада Н.С. Хрущева [Мэн Циншу, с. 630]. Такое решение серьёзно осложняло позиции Мао Цзэдуна и его сторонников, которые стремились, вопреки генеральной линии, вести строительство нового Китая ускоренными темпами.

Для системы государственного управления стратегическое значение имело введение (пунктом 59 Устава) института партийных групп (*данцзу* 党组) в руководящих органах государственных структур, народных организаций, где работают три и более члена КПК, занимающих ответственные посты. Задачей таких групп стало проведение в данных структурах курса и решений партии – крепить единство с беспартийными кадровыми работниками, поддерживать тесные связи с массами, усиливать партийную и государственную дисциплину, бороться с бюрократизмом [Чжунго гунчандан чжанчэн...]. Благодаря учреждению подобного института КПК получила возможность и право непосредственно участвовать в государственном управлении, оказывая влияние на принятие и реализацию управленческих решений. Партийная бюрократия, сливаясь с государственной управленческой, де-факто ставила госадминистрирование под свой непосредственный контроль. Институт партийных групп с того времени стал отличительной чертой организации государственного управления в КНР. В Уставе был сделан акцент на централизме – партийные группы не избираются, а назначаются парткомами. В управленческих структурах центрального уровня назначения осуществляет непосредственно ЦК КПК. Секретарь и заместители секретаря партийных групп также назначаются. В структурах министерского уровня секретарём партийной группы становится министр [Политическая система Китайской Народной республики, с. 22].

На фоне проводимых ускоренными темпами, вопреки генеральной линии, социально-экономических преобразований, съезд признал эти преобразования состоявшимися. Однако и по данному вопросу наблюдалось «сочетание несочетаемого» – съезд выступил с предостережением от «слепого забегания вперёд» и утвердил установку на постепенность: «постепенное завершение социалистических преобразований сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли, постепенное осуществление индустриализации страны» [Материалы VIII Всекитайского съезда, с. 10–11].

Относительный успех сторонников генеральной линии, достигнутый на VIII съезде КПК, усилил противодействие генеральной линии со стороны оппонентов. Одним из фронтов такого противодействия с весны 1956 г. стала кампания «ста цветов» (百花齐放, 百家争鸣 – пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ). Её концепцию толковали по-разному, но в сущности важно, что противники генеральной линии провоцировали публичные выступления с критикой социализма, систем однопартийного правления и государственного администрирования. Против руководящей роли и вмешательства КПК в государственное администрирование выступила часть партийно-государственной бюрократии, в том числе министерского уровня (министр продовольствия Чжан Найци, министр путей сообщения Чжан Боцзюнь, министр лесного хозяйства Ло Лунци – все не члены КПК) [Кюзаджян, с. 82–83, 92–93]. Публичная критика обнажала реально существующие проблемы и в деятельности компартии, и в государственном администрировании. В частности, Чжан Найци заявлял, что улаживанием народных волнений надлежит заниматься прежде всего администрации, а партийным органам следует ограничиваться указаниями и поддержкой, так как в противном случае дело зайдёт в тупик [Кюзаджян, с. 93–94]. Противники генеральной линии использовали подобные замечания как примеры обострения противоречий «между нами и нашими врагами», где под «нами» подразумевался народ, а под «врагами» – управленцы-бюрократы. В таком свете вся система государственного администрирования, выстроенная для решения задач в духе генеральной линии, превращалась противниками последней в объект «чистки» от сторонников генеральной линии, в пользу сторонников лозунга Мао Цзэдуна: «Строить социализм по принципу – больше, быстрее, лучше, экономнее».

Борьба сторонников «слепого забега вперёд» уже через год, на 3-м пленуме ЦК КПК, привела к тому, что ЦК поставил задачу «борьбы с правыми», под которыми подразумевались сторонники генеральной линии. А в мае 1958 г., на 2-й сессии VIII съезда КПК, сторонники ускоренного построения социализма в Китае одержали очередную победу. Курс на создание новодемократического государства, которому тогда формально ещё следовала правящая партия, был скорректирован выдвинутой на съезде теорией «демократической диктатуры народа», согласно которой перед Китаем ставилась задача перехода от новодемократической стадии развития к социалистической [Смирнов, с. 134].

Уже в первой половине 1958 г. управление промышленностью, торговлей и финансами было реорганизовано на началах, которые, по мнению сторонников ускорения социально-экономических преобразований, могли обеспечить постановку и решение амбициозных задач. Права и самостоятельность местных хозяйственных органов, а также отдельных предприятий были резко расширены, промышленность переведена на руководство по территориальному принципу. К 15 июля 1958 г. в управление провинций, автономных областей и городов центрального подчинения было передано 80 % промышленных предприятий, ранее находившихся в ведении центра [Социально-экономический строй, с. 145]. Ответственность за руководство промышленностью и транспортом при этом была возложена на Государственный экономический комитет [Проблемы планового управления, с. 83]. Реорганизация принципиально и в большом объёме снижала роль Госсовета в экономической политике. Из входивших в его состав в 1956 г. 81 структурной единицы

к концу 1959 г. осталось 60, в том числе 39 министерств и комитетов, 14 органов прямого подчинения, 6 канцелярий и Секретариат [Чжунго дабайкэ цюаньшу, с. 595].

В результате прямого столкновения сторонников созидательного и деструктивного подходов на VIII съезде КПК в 1956 г. и на 2-й сессии VIII съезда КПК в 1958 г. система государственного управления перестала играть роль фактора развития. Она превратилась в проводника волюнтаристских решений Мао Цзэдуна, несостоятельность которых страховалась укреплением режима его личной власти. Именно подчинение системы государственного управления в 1958–1960 гг. обслуживанию этого режима разоряло страну. В спасении государства от полной дезинтеграции важную роль в начале 1960-х гг. предстояло сыграть системе государственного управления. Однако неудача сторонников постепенного и последовательного подхода к развитию страны, постигшая их во второй половине 1950-х гг., лишала государственное управление политических гарантий от возможного повторения волюнтаристского вмешательства. Вскоре «культурная революция» стала ещё одним испытанием для правительственных органов всех уровней. Со смертью Мао Цзэдуна перед Китаем открылись возможности поставить развитие страны во главу угла, и политическое руководство, в значительной мере состоявшее из участников становления системы государственного управления КНР, смогло консолидироваться и постепенно сгенерировать политику реформ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ань Цзывэнь. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%AE%89%E5%AD%90%E6%96%87> (дата обращения: 06.09.2020). (На кит.).

Барач Денеш. Дэн Сяопин. М.: Международные отношения, 1989. 264 с.

Ганшин Г.А. Очерк экономики современного Китая. М.: Мысль, 1982. 316 с.

Кюзаджян Л.С. Идеологические кампании в КНР (1949–1966). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. 239 с.

Ледовский А.М. Дело Гао Гана – Жао Шуши. М.: Институт Дальнего Востока, 1990. 168 с.

Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15–27 сентября 1956 г.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 535 с.

Мэн Циншу. Чэнь Шаоюй – Ван Мин. Биография. Воспоминания. Пер. с китайского и редактирование Ван Даньчжи. М.: БФ «Онтопсихология», 2011. 970 с.

Новейшая история Китая (1917–1970). М.: Мысль, 1972. 437 с.

Политическая система Китайской Народной республики (Структура основных институтов власти) // Экспресс-информация, № 1. М.: Институт Дальнего Востока РАН, Центр научной информации и банка данных, 1996. 92 с.

Проблемы планового управления в Китае: В 2 т. Т. 1: Пер. с кит. М.: Прогресс, 1989. 502 с.

Смирнов Д.А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. 323 с.

Социально-экономический строй и экономическая политика КНР 1949–1975. М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1978. 261 с.

Чжунго гунчандан чжанчэн : [Устав Китайской компартии]. 26.09.1956. URL: [https://zh.wikisource.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AB%A0%E7%A8%B_\(1956%E5%B9%B4\)](https://zh.wikisource.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AB%A0%E7%A8%B_(1956%E5%B9%B4)) (дата обращения: 06.09.2020).

Чжунго дабайкэ цюаньшу. Чжэнчжисюэ : [Большая энциклопедия Китая. Политология]. Пекин, Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 2002.

Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань : [Госссовет КНР]. URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%9B%BD%E5%8A%A1%E9%99%A2> (дата обращения: 06.09.2020).

Шэнь Бинь. Бу юй вэйдэ цюйбе даоди цзай нали? : [В чём же различие между министерством и комитетом?]. URL: http://opinion.huanqiu.com/opinion_china/2013-03/3733904.html (дата обращения: 06.09. 2020).

REFERENCES

An Ziwen. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%AE%89%E5%AD%90%E6%96%87> (accessed: 6 September 2020). (In Chinese).

Barach Denesh. (1989). Den Syaopin [Deng Xiaoping], Moscow: International relationships. 264 p. (In Russian).

Ganshin G.A. (1982). Oчерk ekonomiki sovremennogo Kitaya [An outline of the economy of modern China], Moscow: Mysl'. 316 p. (In Russian).

Kuzadzhyan L.S. (1970). Ideologicheskiye kampanii v KNR (1949–1966) [Ideological campaigns in the PRC (1949–1966)], Moscow: The main editorial office of oriental literature of the publishing house Nauka. (In Russian).

Ledovskiy A.M. (1990). Delo Gao Gana – Zhao Shushi [Case of Gao Gang – Zhao Shushi], Moscow: Institute of Far Eastern Studies. 168 p. (In Russian).

Materialy VIII Vsekitayskogo s'yezda Kommunisticheskoy partii Kitaya (15–27 sentyabrya 1956 g.) [Materials of the VIII All-China Congress of the Communist Party of China (September 15–27, 1956)], Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1956. 535 p. (In Russian).

Meng Qingshu. (2011). Chen' Shaoyuy – Van Min. Biografiya. Vospominaniya [Chen Shaoyu – Wang Ming. Biography. Memories], translation from Chinese and editing by Wang Danzhi. Moscow: CF "Ontopsihologiya". 970 p. (In Russian).

Noneyshaya istoriya Kitaya (1917–1970) [Modern history of China (1917–1970)], Moscow: Mysl', 1972.

Politicheskaya sistema Kitayskoy Narodnoy respubliki (Struktura osnovnykh institutov vlasti) [Political system of the People's Republic of China (Structure of the main institutions of power)], *Ekspress-informatsiya* [Express information], 1996, № 1, Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Center for Scientific Information and Data Bank. (In Russian).

Problemy planovogo upravleniya v Kitaye [Problems of planned management in China], 1989, in 2 vol., vol. 1. Moscow: Progress. (In Russian).

Shen Bin. Bu yu weide qube daodi zai nali? [What is the difference between a ministry and a committee?]. URL: http://opinion.huanqiu.com/opinion_china/2013-03/3733904.html (accessed: 6 September 2020). (In Chinese).

Smirnov D.A. (2005). Ideyno-politicheskiye aspekty modernizatsii KNR: ot Mao Tszeduna k Den Syaopinu [Ideological and political aspects of the modernization of the PRC: from Mao Zedong to Deng Xiaoping], Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. 323 p. (In Russian).

Sotsial'no-ekonomicheskiy stroy i ekonomicheskaya politika KNR 1949–1975 [Socio-economic system and economic policy of the PRC 1949–1975], Moscow: Nauka, 1978. (In Russian).

Zhongguo dabaike quanshu [Great Encyclopedia of China. Political science], Beijing: Encyclopedia Publishing House, 2002. (In Chinese).

Zhongguo gunchandan chzhanchen [Chapter of the PRC]. 26.09.1956. URL: [https://zh.wikisource.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AB%A0%E7%A8%8B_\(1956%E5%B9%B4\)](https://zh.wikisource.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AB%A0%E7%A8%8B_(1956%E5%B9%B4)) (accessed: 6 September 2020). (In Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo guowuyuan [State Council of the PRC]. URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%9B%BD%E5%8A%A1%E9%99%A2> (accessed: 6 September 2020). (In Chinese).

Поступила в редакцию 08.09.2020

Received 8 September 2020

Для цитирования: Бородич В.Ф. Система государственного управления КНР в период смены генеральной линии (середина 1950-х – конец 1950-х годов) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 3. С. 79–89. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10020

For citation: Borodich V.F. (2020). Sistema gosudarstvennogo upravleniya KNR v period smeny general'noj linii (seredina 1950-h – konec 1950-h godov) [PRC governance system during the period of general line change (mid 1950s – late 1950s)], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 3: 79–89. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10020

*Новые книги**New books*

Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов

Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. 376 с. ISBN 978-5-8381-0378-9

Аннотация. Сборник состоит из статей российских и вьетнамских учёных – участников состоявшегося в ИДВ РАН 20 января 2020 г. международного Круглого стола, посвящённого 70-летию установления дипломатических отношений между СССР и ДРВ (30.01.1950). Книга состоит из трёх разделов. В первом анализируется сам формат всеобъемлющего стратегического партнёрства России и

Вьетнама, его региональные и международные аспекты. Во втором показаны конкретные направления, результаты и перспективы двустороннего сотрудничества. В третьем рассмотрены международные аспекты партнёрства, в том числе связи с АСЕАН и другими региональными проектами. Авторы выявляют сферы сохраняющегося совпадения интересов двух стран, анализируют проблемы и недостатки взаимодействия и поиск путей их преодоления.

Сборник ориентирован на учёных, преподавателей и студентов, изучающих Вьетнам и российско-вьетнамские отношения, практических работников, занимающихся развитием отношений с Вьетнамом, а также на широкий круг читателей.

Ключевые слова: 70-летие дипломатических отношений, СССР-РФ, ДРВ-СРВ, Южно-Китайское (Восточное) море, АСЕАН, всеобъемлющее стратегическое партнёрство, направления, результаты и перспективы сотрудничества, сферы совпадения интересов, проблемы и недостатки взаимодействия.

Russia – Vietnam relationship: Convergence of bilateral interests

Russia – Vietnam relationship: Convergence of bilateral interests. Moscow: IFES RAS, 2020. 376 p. ISBN 978-5-8381-0378-9

Abstract. The collection consists of articles by Russian and Vietnamese scholars who participated in the international Round Table organized by the Center for Vietnam and ASEAN Studies, IFES dedicated to the 70th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the USSR and the DRV (01/30/1950). These articles are divided into three sections. The first section analyses the format of comprehensive strategic partnership between Russia and Vietnam and its regional and international drivers. The second section highlights specific areas, results, and prospects of bilateral cooperation. The third section explores international aspects of this partnership including relations with the ASEAN and other regional organizations. The attention of the authors of the articles

is focused on identifying the remaining areas of convergence of interests as well as problems and shortcomings of interaction and finding ways to overcome them.

The collection is focused both on scientists, teachers and students studying Vietnam and Russian-Vietnamese relations, practical experts specifically involved in the development of relations with Vietnam, as well as a wide range of readers.

Keywords: 70th anniversary of diplomatic relations, USSR-Russia, DRV-SRV, South China (East) Sea, ASEAN, comprehensive strategic partnership, areas, results and prospects of cooperation, convergence of interests, problems and shortcomings of interaction.

* * *

Китайское государство на заключительном этапе построения «среднезажиточного общества»

Китайское государство на заключительном этапе построения «среднезажиточного общества». Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. М.: ИДВ РАН, 2020. 488 с. ISBN 978-5-8381-0377-2

Аннотация. В сборнике опубликованы статьи, подготовленные на основании докладов в рамках ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока Российской академии наук.

В статье содержится анализ актуальных вопросов внешней и внутренней политики современного китайского государства, особенностей правового регулирования некоторых сфер общественных отношений. Исследуются зарубежные подходы к изучению социально-экономических, политических и других процессов в современном Китае, уделяется внимание отдельным аспектам стратегии «Один пояс, один путь». Проведён анализ актуального идеологического курса КПК, важных вопросов национальной политики, в том числе социальной – на примере образования, проблемы преодоления бедности, отношения религий, а также политической культуры современного Китая, положения на Тайване и его влияния на состояние и развитие межбереговых отношений. Содержание сборника отражает основные сложности, с которыми столкнулось китайское государство на заключительном этапе построения «среднезажиточного общества», включая разразившуюся пандемию коронавируса и некоторый спад в экономическом развитии. В издании также приводится перевод на русский язык Постановления Всекитайского собрания народных представителей «О создании и укреплении законодательной системы и исполнительных механизмов для обеспечения государственной безопасности Сянганского особого административного района», принятие которого способствовало повышению градуса напряжённости в Гонконге.

Ключевые слова: Китай, КНР, внешняя политика, внутренняя политика, КПК, Си Цзиньпин, правовое регулирование, сяокан, Тайвань, межбереговые отношения, пандемия, коронавирус.

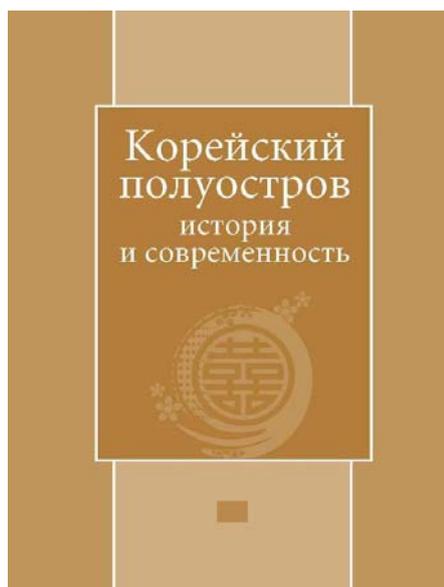
Chinese State at the Final Stage of the Building of a “Moderately Prosperous Society”

Chinese State at the Final Stage of the Building of a “Moderately Prosperous Society”.
Moscow: IFES RAS, 2020. 488 p. ISBN 978-5-8381-0377-2

Abstract. In the presented collection of articles, there are those prepared on the basis of the reports in the frame of the Annual scientific conference of the Centre for Political Research and Prognosis of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. The articles contain the analysis of a variety of actual problems of the external and internal policy of the modern Chinese state. The research of the peculiarities of the legal regulation of some social relations spheres is also conducted. Besides, the foreign approaches to the study of the processes occurring in modern China with much attention paid to the separate aspects of the strategy “One Belt – One Road” are researched in the articles. As well as there is conducted an analysis of the CCP ideological course, some important questions of social development and the PRC social policy basing on the example of education and the problem of poverty overcoming, some directions of the national policy and the policy concerning religion, political culture of modern China, the situation in Taiwan and its influence on the state and development of the cross-Strait relations. The contents of the volume reflect the main problems, which the Chinese state came across at the final stage of the building of a “moderately prosperous society” including pandemic out-break and some decrease of the country economic development. The collection also contains a translation into Russian of the National People’s Congress Decision on Establishing and Improving the Legal System and Enforcement Mechanisms for the Hong Kong Special Administrative Region to Safeguard National Security, the adoption of which led to protests in Hong Kong.

Keywords: China, PRC, external policy, internal policy, economic development, CCP, Xi Jinping, legal regulation, xiaokang, Taiwan, cross-Strait relations, coronavirus.

* * *

Корейский полуостров: история и современность

Корейский полуостров: история и современность. М.: ИДВ РАН, 2020. 456 с. ISBN 978-5-8381-0370-3

Аннотация. Сборник статей российских корееведов, посвящён отмечающейся в 2020 г. 75-й годовщине освобождения Кореи от японского колониального ига. В нём рассматриваются некоторые вехи истории Кореи и отношений России с КНДР и РК, начиная с событий, связанных с этой исторической датой и последующим появлением на полуострове двух корейских государств. Даётся отпор попыткам исказить или принизить роль

Советского Союза в разгроме японского милитаризма и освобождении Кореи. Затрагиваются ключевые проблемы отношений России с двумя корейскими государствами на современном этапе. Большое внимание уделено перспективам урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова. Анализируются некоторые итоги и перспективы социально-экономического развития КНДР и РК и их торгово-экономических связей с Россией в обстановке различных санкционных режимов. Отдельные главы посвящены достижениям литературы и искусства корейских государств и влиянию на эти процессы русской культуры.

Ключевые слова: Корея, Россия, история, отношения, безопасность, экономика, культура.

The Korean Peninsula: History and Present Times

The Korean Peninsula: History and Present Times. Moscow: RAS IFES Press. 2020. 456 p. ISBN 978-5-8381-0370-3

Abstract. The collection of articles by Russian scholars dedicated to the 75th anniversary of the liberation of Korea from the Japanese colonial yoke. The event is celebrated annually on August 15. The volume examines some milestones in the history of Korea and Russia's relations with the DPRK and the ROK, starting with the events directly related to this historical date and the emergence of the two Korean states on the peninsula. Attempts to distort or belittle the contribution of the Soviet Union to the victory over Japanese militarism and the liberation of Korea are rebuffed. Some articles deal with the key problems of Russia's current relations with the two Korean states. Great attention is paid to the prospects of resolving the nuclear problem of the Korean Peninsula (KPNP). The authors also analyze the state and prospects of socio-economic development of the DPRK and the ROK and their trade and economic relations with Russia in the context of various sanctions regimes. Separate chapters are devoted to some results of the development of the culture in both Korean states and the influence of the Russian culture on these processes.

Keywords: Korea, Russia, history, relations, security, economics, culture.

* * *

Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXV

Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXV: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2020. 432 с. ISBN 978-5-8381-0376-5, ISSN 2618-6888

Аннотация. Ежегодный журнал ИДВ РАН издаётся уже 25 лет (с 1996 г.). Его юбилейный выпуск (XXV), состоящий из трёх разделов: «Международные отношения КНР. Российско-китайское стратегическое партнёрство», «Внешнеэкономическая политика КНР» и «История

российско-китайских отношений и двусторонних экономических связей», – содержит статьи специалистов нескольких исследовательских центров ИДВ РАН и других научных, а также образовательных и практических структур. В 2020 г. авторский коллектив пополнился учёными и экспертами из России, Китая, Пакистана и Сербии.

Особенностью выпуска стал углублённый анализ современных позиций Китая на мировой арене, вопросов российско-китайского диалога по ряду направлений, в том числе – становления Большого евразийского партнёрства, сферы безопасности в Евразии и взаимодействия в формате «Россия – Индия – Китай» (РИК).

В фокус внимания авторов попала актуальная проблематика политических и экономических связей Китая с США, Европейским союзом, странами Центральной и Восточной Европы (включая кооперационную платформу «17+1»), государствами Центральной и Юго-Восточной Азии, Пакистаном, КНДР, а также особенности ситуации в треугольнике «Китай – Россия – США» в контексте венесуэльского кризиса власти.

Часть работ посвящена активности КНР в Арктике и Антарктике. Кроме того, сборник содержит статью, характеризующую генеральную линию Китая в отношении развивающегося мира. В книге представлен аналитический обзор новейшей зарубежной научной литературы по проблемам внешней политики КНР.

В экономическом разделе выпуска рассматриваются позиции КНР в глобальной энергетике, на мировых рынках инноваций, «зелёных» технологий и продукции водного промысла.

Сборник содержит статьи на редкие темы из истории российско-китайских отношений: советско-китайское взаимодействие в годы японо-китайской войны (1931–1945 гг.), вклад русской эмиграции в развитие высшего образования в Китае, коммерческие связи Российской Империи и Китая в конце XVIII века.

Ключевые слова: Китай, Россия, США, Chimerica, внешняя политика КНР, российско-китайское взаимодействие, Евразия, формат «Россия – Индия – Китай» (РИК), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Большое евразийское партнёрство, Центральная Азия, Европейский союз (ЕС), Восточная и Центральная Европа, платформа «17+1», Арктика, Венесуэла, международная безопасность, внешнеэкономические связи, история российско-китайских отношений, «мозговые центры».

China in World and Regional Politics (History and Modernity) Issue XXV

China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue XXV/ Exec. editor – Elena I. Safronova. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS), 2020. 432 p. ISBN 978-5-8381-0376-5, ISSN 2618-6888

Abstract. This annual periodical edition/journal of the IFES RAS, dedicated to the analysis of key issues of China's foreign policy, has been published for 25 years already (since 1996).

Its anniversary issue (XXV) consists of three sections: “International relations of the PRC. Russian-Chinese strategic partnership”, “Foreign economic policy of the PRC” and “History of Russian-Chinese relations and bilateral economic ties”. It comprises articles by specialists from a number of research centers of the IFES RAS and other scientific, educational and practical structures. This year, the journal is glad to welcome new authors from Russia, China, Pakistan and Serbia.

Special feature of the XXV issue is an in-depth analysis of China's current position on the global stage, issues of the Russian-Chinese dialogue in a number of areas, including formation of the Greater Eurasian partnership, security in Eurasia and interaction within the Russia – India – China (RIC) format.

There are also discussed current issues of the PRC political and economic relations with the United States, the European Union, Central and Eastern European countries (including the 17+1 cooperation platform), Central and South-East Asian States, Pakistan and the DPRK, as well as the specifics of the situation in the “China – Russia – US” triangle in the context of the Venezuelan crisis of power.

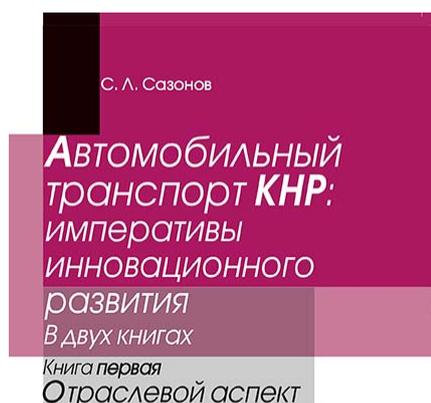
A set of articles is devoted to the activities of the PRC in the Arctic and Antarctic. The journal also contains special material describing China's policy towards the Developing world. And the book provides an analytical review of the latest opinions of foreign “think tanks” on China's foreign policy.

The economic section of the book, in addition to the issues already mentioned, examines China's position in the global energy sector, in the world markets for innovations, “green” technologies and seafood products.

The collection also contains articles on some rare topics from the history of Russian-Chinese relations: Soviet-Chinese interaction during the Japanese-Chinese war (1931–1945), contribution of Russian emigration to the development of higher education in China, and commercial relations between the Russian Empire and China at the end of the XVIII century.

Keywords: China, PRC, Russia, USA, Chimerica, China's foreign policy, Russia – China interaction, Eurasia, Russia – India – China (RIC) format, Shanghai Cooperation Organization (SCO), Greater Eurasian partnership, Central Asia, European Union (EU), Eastern and Central Europe, 17+1 platform, Arctic, Venezuela, international security, foreign economic relations, history of Russian-Chinese relations, “think tanks”.

* * *

Автомобильный комплекс КНР: императивы инновационного развития

Кн. 1. Отраслевой аспект

Автомобильный комплекс КНР: императивы инновационного развития / С.Л. Сазонов. В 2 кн.: кн. 1. Отраслевой аспект. М.: ИДВ РАН, 2020. 400 с. ISBN 978-5-8381-0366-6; ISBN 978-5-8381-0367-3

Аннотация. В монографии рассмотрен период самого динамичного развития автомобильной промышленности Китая – начало 1990-х гг. Этот этап связан с модернизацией отрасли на основе инновационного и технологического прорыва. Автор подробно рассматривает данную индустрию

в КНР начала XXI в., в особенности стремительный рост производства автомобилей, использующих альтернативные источники энергии. Это не только генерирует значительный мультипликативный эффект в сопряжённых отраслях, но и становится одним из важнейших драйверов инновационного развития промышленности КНР и конкурентным преимуществом китайских компаний на мировых рынках продаж «зелёных» автомобилей.

Ключевые слова: автомобильная промышленность Китая, автодорожное строительство, автомобили, использующие альтернативные источники энергии, электрочarging станции, аккумуляторные батареи, мультипликативный эффект, китайский городской автомобильный транспорт.

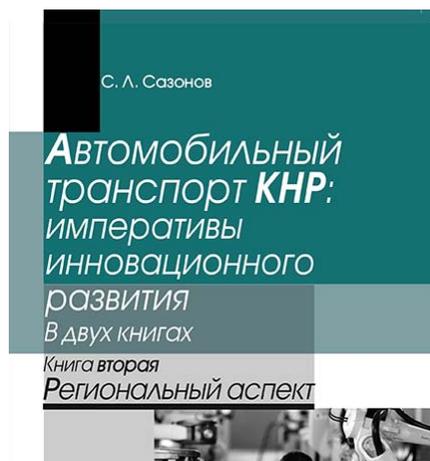
Chinese Automobile Complex: Imperatives of Innovative Development. Vol. 1. Industry aspect

Sazonov S.L. Chinese Automobile Complex: Imperatives of Innovative Development. In two volumes: vol. 1. Industry aspect, Moscow: IFES RAS, 2020. 400 p. ISBN 978-5-8381-0366-6; ISBN 978-5-8381-0367-3

Abstract. The monograph examines the aspects of the most dynamic period of development of the Chinese automotive industry in terms of evolution – the beginning of the 1990s. This period is directly related to the modernization of the industry on the basis of innovative and technological breakthroughs. At the same time, based on the need to respect the dialectical principle, for a more complete coverage of the dynamics of industry development, the focus is targeted on the analysis of development of automotive industry of China in the early XXI century, especially the rapid growth of the «green» vehicles' production, which not only generates a significant multiplier effect in adjacent industries, but also becomes one of the most important drivers of innovative development of the Chinese industry and a competitive advantage of Chinese companies in the world markets of sales of «green» cars.

Keywords: china's automotive industry, road construction, cars using alternative energy sources, electric charging stations, battery packs, multiplicative effect, chinese urban automobile transport.

* * *

Автомобильный комплекс КНР: императивы инновационного развития Кн. 2. Региональный аспект

Автомобильный комплекс КНР: императивы инновационного развития / С.Л. Сазонов. В 2 кн.: кн. 2. Региональный аспект. М.: ИДВ РАН, 2020. 296 с. ISBN 978-5-8381-0366-6; ISBN 978-5-8381-0368-0

Аннотация. В монографии анализируется инициатива председателя КНР Си Цзиньпина о создании маршрута «Один пояс, один путь». В первую очередь, она представляет собой план развития национальной экономики: строительство автомобильных магистралей в западных административных единицах провинциального

уровня обеспечит мультипликативный эффект в сопредельных отраслях промышленности, будет способствовать конвергенции социально-экономического развития провинций Китая и укреплению единого экономического пространства страны, обеспечит новые рабочие места. Создание аналогичных трасс за рубежом будет продуцировать экстернальный эффект в экономике Китая, способствовать развитию экономик стран, участвующих в этом проекте. В конечном счёте расширение зарубежной автомобильной сети увеличит объём китайской внешней торговли. В монографии исследованы основные направления транзитных автомобильных перевозок в рамках проекта «Один пояс, один путь» и обобщены конкретные предложения по созданию оптимальной конфигурации китайско-российской приграничной автодорожной интеграции. От возможности присоединения ней и использования её синергетического и экстернального эффектов значительную и весомую выгоду смогут получить все международные участники евразийских транзитных автомобильных перевозок.

Ключевые слова: Китай, инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), евразийские континентальные автомобильные маршруты в рамках ОПОП, региональная автомобильная интеграция, Юго-Восточная Азия, российско-китайское автомобильное сотрудничество, международные транспортные коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2».

Chinese Automobile Complex: Imperatives of Innovative Development. Vol. 2. Regional aspect

Sazonov S.L. Chinese Automobile Complex: Imperatives of Innovative Development. In two volumes: vol. 2. Regional aspect, Moscow: IFES RAS, 2020. 296 p. ISBN 978-5-8381-0366-6; ISBN 978-5-8381-0368-0

Abstract. The monograph analyses the essence of Chinese President Xi Jinping's initiative to create a “one belt and one road” route, that is primarily a plan for the development of the national economy – the construction of highways in the Western administrative units of the provincial level will ensure the formation of a significant multiplier effect in neighboring industries, will contribute to the convergence of socio-economic development of China's provinces and strengthen the connectivity of the country's

common economic space, and will create new jobs. Construction of highways abroad (continental land route of road transport) will also produce an external effect in the Chinese economy and contribute to the development of the economies of the countries participating in this project. Ultimately, the expansion of the foreign automobile network will help increase the volume of Chinese foreign trade. The monograph examines the main directions of transit road transport within the framework of the “one belt and one road” project and summarizes specific proposals for creating an optimal configuration of the Chinese-Russian border road integration, from the possibility of joining it and using its synergistic and external effects. All international participants in the Eurasian transit road transport will be able to receive significant benefits.

Keywords: China, the “One belt and one road” initiative (“OBOR”), Eurasian continental automobile routes within the “OBOR”, regional automobile integration, South-East Asia, Russian-Chinese automobile cooperation, international transport corridors “Primorye-1” and “Primorye-2”.

* * *

Россия – Китай: шансы и вызовы отношений «Новой Эпохи»

Россия – Китай: шансы и вызовы отношений «Новой Эпохи»: монография / сост. А.О. Виноградов, А.С. Исаев, Е.И. Сафронова, М.В. Александрова. М.: ИДВ РАН, 2020. 240 с. ISBN 978-5-8381-0369-7

Аннотация. Коллективная монография учёных Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, а также приглашённых специалистов подготовлена по итогам прошедших в 2019 г. в Центре круглых столов и обсуждений. В работе рассматриваются различные аспекты российско-китайских отношений, подробно характеризуются практические области многопланового сотрудничества, выделяются основные тенденции в развитии этих связей, а также факторы, способные повлиять на взаимодействие РФ и КНР в будущем. Большое внимание уделено диалогу Москвы и Пекина в рамках ШОС, БРИКС и РИК (Россия – Индия – Китай).

Ключевые слова: Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП), Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, ЕС, XIX съезд КПК, Си Цзиньпин, торговая война, «большой треугольник», арктическая политика Китая, Ямал – СПГ, развивающийся мир, БРИКС, Большое евразийское партнёрство (БЕП), ШОС, «горячие точки», Дальний Восток, инвестиции.

Russia – China Relations: Chances and Challenges of the New Era

Russia-China Relations: Chances and Challenges of the New Era: monograph, ed. A.O. Vinogradov, A.S. Isaev, E.I. Safronova, M.V. Alexandrova. Moscow: IFES RAS, 2020. 240 p. ISBN 978-5-8381-0369-7

Abstract. The monograph, written by scientists of the Center for the Studies and Forecasting of Russia-China Relations of the Institute of Far Eastern studies (IFES RAS) and by invited experts, is prepared on the basis of Round tables and discussions held in the Centre in 2019. It examines various aspects of Russian – Chinese relations, describes the practical field of the multifaceted cooperation between the two countries, highlights main trends in the development of these relations as well as factors that may affect interaction of Russia and China in the future. Special attention is paid to the dialogue between Moscow and Beijing in the framework of SCO, BRICS and RIC (Russia – India – China).

Keywords: Silk Road economic belt (SREB), Agreement on good neighborliness, friendship and cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China, EU, XIX CPC Congress, Xi Jinping, trade war, “big triangle”, China's Arctic policy, Yamal – LNG, Developing world, BRICS, Greater Eurasian partnership (GEP), SCO, “hot spots”, Far East, investment.

Составитель: Пржежецкая Н.В.

Научное издание

Восточная Азия: факты и аналитика
№ 3, 2020

Редактор:	Ильинская И.Д.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Надточенко Б.Я.
Редактор:	Потапова В.А.
Редактор:	Пржежецкая Н.В.
Компьютерная вёрстка:	Потапова В.А.
Редактор сайта:	Казakov О.И.
<hr/>	
Дата публикации:	05.10.2020

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32, ИДВ РАН, Центр научной информации и документации
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 09 13

Scientific edition

East Asia: Facts and Analytics
No. 3, 2020

Editor:	Ilinskaya I.D.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Nadtochenko B.Ya.
Editor:	Potapova V.A.
Editor:	Przhezhetskaya N.V.
Layout:	Potapova V.A.
Web-Site editor:	Kazakov O.I.
<hr/>	
Date of issue:	5 October 2020

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 09 13 (Center for Scientific Information and Records, IFES RAS)

www.eastasiajournal.ru

